

КСЕНИЯ ФИЛИМОНОВА

Эволюция эстетических
взглядов В. Шаламова
и русский литературный
процесс 1950-х – 70-х годов

КСЕНИЯ ФИЛИМОНОВА

Эволюция эстетических
взглядов В. Шаламова
и русский литературный
процесс 1950-х – 70-х годов

Отделение славистики колледжа иностранных языков и культур
Тартуского университета

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии по русской литературе 4 сентября 2020 г. решением совета по защите докторских диссертаций по программам германо-романской филологии и русской и славянской филологии Тартуского университета.

Научный руководитель: Роман Лейбов, PhD, доцент

Оппоненты: Олег Лекманов (Москва) — доктор филологических наук, профессор Национального научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сергей Соловьев (Москва) — кандидат философских наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, ведущий научный сотрудник факультета политологии МГУ

Защита состоится 23 октября 2020 года в 12.15 в главном здании Тартуского университета в зале Сената (ул. Юликооли 18–202)

ISSN 1406-0809

ISBN 978-9949-03-460-4 (print)

ISBN 978-9949-03-461-1 (pdf)

Copyright: Ksenija Filimonova, 2020

University of Tartu Press
www.tyk.ut.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
0.1. Цели и хронологические рамки исследования	7
0.2. Историография	9
0.3. Структура работы	11
0.4. Проблема архива Варлама Шаламова	13
Глава 1. Истоки эстетической концепции Варлама Шаламова	17
1.1. Литературная и культурная жизнь 20-х годов в воспоминаниях В. Шаламова.....	17
1.2. Шаламов и «Новый ЛЕФ»	21
1.3. Влияние А. Белого и А. Ремизова	24
Глава 2. Варлам Шаламов в литературном процессе «хрущевской оттепели»	27
2.1. Советская литература после смерти Сталина: историко- литературный контекст написания «Колымских рассказов»	27
2.2. Работа В. Шаламова в журнале «Москва»	36
2.3. Диалог с Б. Пастернаком о поэзии и прозе	41
2.3.1. Знакомство с Пастернаком и его значение для В. Шаламова	41
2.3.2. Дискуссия о романе «Доктор Живаго»	45
2.4. Размышления В. Шаламова о литературе в эпоху «оттепели»	48
Глава 3. Варлам Шаламов в эпоху «поздней оттепели»	54
3.1. Круг чтения и литературные связи В. Шаламова в эпоху «поздней оттепели»	54
3.2. Варлам Шаламов в «Новом мире»: опыт внештатного рецензента	62
3.3. В. Шаламов и А. Солженицын: противостояние метода и эстетических позиций	72
3.4. Эволюция размышлений В. Шаламова о прозе и методе в литературе в 60-е годы	81
Глава 4. Период «застоя» и творчество Варлама Шаламова	92
4.1. Литература «застоя» (внутри и вне поля зрения В. Шаламова)	92
4.1.1. Разгром «Нового мира»	93
4.1.2. В. Шаламов между официальной и подпольной литературой	96
4.1.3. Проблема западных публикаций В. Шаламова	98

4.2. В. Шаламов в контексте лагерной прозы и мемуаристики	101
4.3. Направления творческих поисков В. Шаламова в 70-е годы	107
4.3.1. Записи о С. Есенине	107
4.3.2. Наука и литература	109
4.4. Итог размышлений о методе: теория новой прозы	112
Заключение	115
Список использованной литературы	119
Приложение 1. Интервью с С. Ю. Неклюдовым. Записано К. Филимоновой 30.01.2019 г.	126
Приложение 2. Рецензия В. Т. Шаламова на повесть А. П. Чигарина «Всюду жизнь». Публикуется впервые	134
Приложение 3. Статья В. Шаламова «Наука и язык писателя». Черновик. Публикуется впервые	142
Приложение 4. Черновик письма В. Шаламова М. Гудзь. Публикуется впервые	145
Kokkuvõte	146
Abstract	150
Curriculum vitae	154
Elulookirjeldus	155
Публикации по теме диссертации	156

ВВЕДЕНИЕ

0.1. Цели и хронологические рамки исследования

Значительная часть произведений Варлама Шаламова (1907–1982), а именно «Колымские рассказы» и большая часть стихотворений были опубликованы в Советском Союзе только после его смерти¹. Трагизм судьбы писателя, масштаб и исключительность его прозы до сих пор не получили должного признания. Можно сказать о том, что интерес к фигуре Варлама Шаламова неизменно высок во всем мире, о чем свидетельствуют новые издания и переводы его произведений, периодически появляющиеся публикации исследователей, активное развитие специализированного сайта www.shalamov.ru, аккумулирующего публикации о писателе, регулярно проходящие в Москве и Вологде Шаламовские чтения, посвященный писателю фестиваль «Четвертая Вологда» (2015), экранизации и театральные постановки его произведений. Однако дискуссии, которые происходят вокруг творчества писателя, в значительной степени вызваны односторонним пониманием его места в литературе как «летописца Колымы», стоящего в стороне от литературной и культурной жизни эпохи.

С таким пониманием творчества В. Шаламова не согласны ни наследники, ни исследователи архива писателя. Этому есть несколько причин. «Колымская часть» прозаического наследия Шаламова относительно невелика, а за пределами внимания исследователей и читателей часто остается значительный объем других тем и смыслов, важных для писателя. В существующих публикациях, как зарубежных, так и российских, не всегда учтены интеллектуальные ориентиры, эстетические, литературоведческие и критические взгляды Варлама Шаламова, а также его активная включенность в литературный процесс своей эпохи. Нередко отдельным эпизодам биографии и деятельности дана негативная оценка, основанная либо на позднейших записях Шаламова (середина и конец 70-х), либо на субъективном отношении исследователей к тому или иному сюжету или личности.

Будучи поэтом и прозаиком, Шаламов на протяжении всей жизни выступал как исследователь и историк литературы, наблюдатель и критик, рефлексировавший не только над собственным опытом. Он внимательно следил за литературным процессом, обсуждал проблемы творчества с авторитетными для него современниками, дискутировал с теми, кого считал равными оппонентами.

Целостное восприятие наследия Варлама Шаламова невозможно без осмысления трех пограничных зон: художественное — документальное,

¹ При жизни Шаламова до марта 1937 г. было опубликовано 5 рассказов, большое количество журналистских материалов, а после выхода Шаламова из лагеря — 5 поэтических сборников, ряд стихотворений в различных журналах и альманахах, несколько статей и очерков, эссе мемуарного характера.

проза — поэзия, практика — теория, охватывающих весь комплекс его текстов, включая эссе, переписку и записные книжки.

В рамках настоящего исследования мы ставим перед собой следующие цели.

Во-первых, определить место и значение В. Шаламова в литературном процессе 50–70-х гг. XX века. Мы исследуем историко-культурный контекст появления «новой прозы» Шаламова, в также степень его включенности в литературную жизнь и участия в современных культурных процессах на протяжении «послеколымской» части биографии. Немаловажными для исследования представляются круг чтения Шаламова, его воззрения на современную литературу и высказывания о ней. В работу включен ряд неопубликованных до настоящего времени документов, которые дополняют представление о жизни и деятельности писателя.

Во-вторых, рассмотреть, как формировалась эстетическая концепция В. Шаламова, выражающая его позицию, принципы и подходы к художественной прозе и поэзии. Мы опишем и исследуем корпус текстов, который отражает эти искания.

В-третьих, рассмотреть, как менялись художественные и концептуальные тексты Шаламова, посвященные его эстетической позиции на протяжении трех десятилетий, как в них отражена динамика его размышлений.

Хронологические рамки настоящей работы включают достаточно долгий — около 30 лет — период эстетической эволюции писателя, условно разделенный на три этапа, определенных историко-культурным и литературным контекстом его жизни и творчества. Поскольку одной из главных целей работы является рассмотреть эволюцию эстетических взглядов Шаламова в рамках развития литературного процесса, то разделение на «оттепель», «позднюю оттепель» и «застой» представляется обоснованным. Поэтому три десятилетия послеколымского творчества Шаламова разделены на три этапа:

Первый — 50-е годы. Это период после возвращения с Колымы в 1953 году до публикации рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» в 1962 году. Для Варлама Шаламова это — этап нового вхождения в литературную жизнь Москвы, начала активного записывания всего, что обдумывалось писателем долгие годы на Колыме, первых зафиксированных теоретических размышлений о литературе, подходов к описанию своей эстетической позиции. Этот период обоснован следующими обстоятельствами: именно в 1953 году Шаламов обрел возможность относительно свободно читать, постепенно общаться все более с широким кругом людей, вступать в литературные дискуссии (хотя и по переписке). Это послужило катализатором его собственного творчества: в это время он начинает очень много писать. Рубеж 1962 года определен в связи с первой публикацией в СССР художественного произведения на тему репрессий. Для Шаламова этот момент являлся ключевым: появилась надежда на то, что у писателя с «лагерным прошлым» есть шанс на публикацию. Вместе с тем, по мнению Шаламова публикация

А. Солженицына могла стать (и в конечном итоге стала) одним из немногих дозволенных публичных заявлений о том, что в СССР существовали репрессии. Этот момент «перепутья» было важно зафиксировать в работе.

Второй — 60-е годы. Период 1962–1968 гг. — переходный от «оттепели» к «застоя». Для Шаламова это время окончательного формулирования и постепенной радикализации взглядов на творческий метод в литературе «после позора Колымы». Это этап активного сотрудничества в разных качествах с литературными журналами и постепенного разрыва с ними, дружбы и последовавшей полемики с А. И. Солженицыным, активной переписки с множеством знакомых, друзей и значимых для Шаламова людей.

Третий — 70-е годы. Период 1968 по 1979 год, эпоха «застоя», от ввода войск в Чехословакию и полного прекращения «оттепельных» послаблений в культуре и литературе, до начала войны в Афганистане. Окончание этого периода в работе обусловлено и временем, когда В. Шаламов почти полностью утратил способность писать и был помещен в пансионат для престарелых и инвалидов. Это этап в литературном и культурном процессе связан с расцветом подпольной, параллельной государственному официозу творческой деятельности, которая не могла не касаться В. Шаламова. Для него самого это постепенного отхода от «колымской» проблематики, работа над мемуарами, биографическими очерками, историческими сочинениями, например, о А. К. Воронском, Ф. Раскольникове, время размышлений о науке и экспериментов с жанрами: написание фантастической пьесы «Вечерние беседы».

Корпусом источников для исследования послужили записи дневникового характера 50–70-х годов, переписка этого периода, записи, посвященные размышлениям о литературе и демонстрирующие эстетическую позицию писателя (черновики эссе, статьи, опубликованные и подготовленные к публикации), рецензии на рукописи самодельных авторов а также рецензии на рукописи самого Шаламова из архива издательства «Советский писатель».

В исследование не включены записи, очерки, черновики статей, касающиеся поэзии. Среди них важно упомянуть записи о Пушкине, Лермонтове, Блоке, Ахматовой, Пастернаке, Мандельштаме, статьи о рифме, интонации, природе стиха, стимулирующем чтении. Изучение этих документов может лечь в основу дальнейших исследований творческого наследия В. Шаламова.

0.2. Историография

Варлам Шаламов — один из самых непростых, неоднозначных и трагически недооцененных русских писателей XX века. Его проза и поэзия достаточно широко исследованы как в России, так и за рубежом, сборники рассказов активно переводятся на иностранные языки.

Наиболее известны работы И. П. Сиротинской, биографа и хранителя наследия писателя. И. П. Сиротинская систематизировала архив писателя, подготовила несколько собраний сочинений [Шаламов 1998; Шаламов 2004; Шаламов 2013] и отдельных изданий, включающих поэзию [Шаламов 1994] и художественную прозу, переписку, записные книжки [Шаламов 1996], воспоминания [Шаламов 1989], материалы следственных дел и документов [Шаламов 2004], касающихся жизни и творчества Шаламова.

Главный интернет-ресурс, посвященный В. Шаламову — сайт shalamov.ru представляет наиболее полную электронную библиотеку текстов, рукописей, изображений Шаламова, а также исследовательской литературы о нем. Культуролог В. В. Есипов, историк С. М. Соловьев, филолог и архивист А. П. Гаврилова и другие члены редакции на протяжении многих лет занимаются разбором, расшифровкой и публикацией документов из архива писателя, а также сбором и систематизацией российских и зарубежных исследований, посвященных наследию Шаламова. Можно сказать, что сайт shalamov.ru на сегодняшний день является центром российского шаламоведения.

Жизни и творчеству Шаламова посвящена книга В. В. Есипова [Есипов 2012], вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» в 2012 г. (переиздана в 2019). С 1994 по 2017 гг. В. Есипов в качестве редактора-составителя выпустил пять Шаламовских сборников [Шаламовский сборник 1–5], включающих материалы конференций, актуальные исследования, архивные находки и неопубликованные тексты В. Шаламова. Необходимо также отметить сборник Пражской шаламовской конференции 2013 года — «Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века» [Бабка, Соловьев, Есипов, Махонин], который представляет наиболее актуальные исследования Шаламова, а именно проблему архива, перевода и публикаций Шаламова за рубежом.

Текстологии и истории публикаций В. Шаламова посвящены работы филолога, сотрудницы РГАЛИ А. П. Гавриловой [Гаврилова 2013а; Гаврилова 2013б; Гаврилова 2019] и историка С. М. Соловьева [Соловьев 2015; Соловьев 2017]. Эстетике и поэтике прозы Шаламова посвящена монография Л. Жаравиной [Жаравина 2013].

Шаламов достаточно широко представлен в западном литературоведении. Среди наиболее известных исследователей Ф. Тун-Хоэнштайн, доктор философии, литературовед, ответственный редактор немецкоязычного собрания сочинений Шаламова, представляющая Центр исследований литературы и культуры, Берлин [Thun-Hohenstein 2007]. Среди зарубежных исследований также необходимо отметить труды Ф. Апановича (Польша) [Апанович 2013], Я. Махониной (Чехия) [Бабка, Соловьев, Есипов, Махонин] М. Берюти (Франция) [Berutti 2014], Л. Токер (Израиль) [Toker 2008], П. Синатти (Италия) [Синатти 2013]. Работы переводчика А. Гунина (Великобритания) посвящены подходам к переводу «Колымских рассказов» [Гунин 2017]. Поэтике Шаламова, его эстетической концепции посвящен ряд

исследований филолога, профессора университета Нового Южного Уэльса Е. Михайлик [Михайлик 2018].

Большинство исследований Шаламова посвящены поэтике и эстетике его художественного творчества. Меньше представлены исследования литературной биографии Шаламова, документов, связанных с его литературными связями и эстетическими воззрениями. Наша работа отчасти восполняет этот пробел, восстанавливая круг чтения Шаламова в разные годы, его литературные связи, восприятие современной литературы, контакты с литературными журналами и издательствами. Среди исследований этого направления можно отметить работу Б. Я. Фрезинского, посвященную взаимоотношениям В. Шаламова и И. Эренбурга [Фрезинский 2016], статью Я. Клоца «Варлам Шаламов между тамиздато и Союзом советских писателей» [Клоц 2019], работу М. Берютти «Антитолстовец» [Berutti 2016]. Проблеме самиздата и авторского контроля посвящена работа Л. Токер [Toker 2008]. Истории взаимоотношений В. Шаламова и А. Солженицына посвящен ряд работ Е. Ю. Михайлик [Михайлик 1997; Михайлик 2009; Михайлик 2018] и В. В. Есипова [Есипов 2012; Есипов 2013].

Наше исследование развивает тему эволюции эстетических взглядов В. Шаламова. В то же время, мы рассмотрим историко-культурный и литературный контекст, в котором возникали и развивались эти взгляды, формировалась эстетическая концепция писателя.

0.3. Структура работы

Диссертационная работа состоит из четырех глав, введения и заключения и представляет собой исследование эволюции взглядов В. Т. Шаламова на современный ему литературный процесс, литературный быт, а главное — развитие творческого метода писателя на протяжении 1950–1970-х гг.

Первая глава **«Истоки эстетической концепции Варлама Шаламова»** посвящена становлению писателя, короткому периоду 1924–1929 гг., в который Шаламов, оказавшись в центре московской культурной и политической жизни, сформировался как литератор. В эти годы состоялись важнейшие для Шаламова встречи: с В. Маяковским и кругом ЛЕФа, С. Третьяковым и кружком «Нового ЛЕФа». Он многократно слушал выступления Луначарского, участвовал в дискуссиях, посещал поэтические вечера, на которых читал стихи Б. Пастернак, ставший для Шаламова идеалом и образцом, был постоянным читателем библиотек. Можно сказать, что это самый насыщенный событиями период жизни писателя, о котором он вспоминал до конца жизни. Вместе с тем, это самый сложный для изучения период, так как не сохранилось практически никаких архивов и литературных произведений того времени, события и мысли Шаламова о 20-х годах можно восстановить, в основном, по поздним воспоминаниям. 20-е годы заложили основу эстетической концепции Шаламова. В разных записях он называет имена Б. Пастернака, А. Белого. А. Ремизова среди

тех, кто оказал на него наибольшее влияние. Тема диссертации напрямую не связана с этим периодом жизни и творчества Шаламова, но мы сочли необходимым ввести в текст работы основные события этого периода, так или иначе нашедшие отражение в прозе Шаламова, его эпистолярном наследии и размышлениях о литературе.

Вторая глава **«Варлам Шаламов в литературном процессе “хрущевской оттепели”»** посвящена четырем главным сюжетам жизни и творчества В. Шаламова с 1953 по 1962 гг. Первый — это историко-культурный контекст написания «Колымских рассказов». Важнейшие события этого периода — смерть Сталина и последовавшая за ней «хрущевская оттепель» и реабилитация Шаламова². Второй — переписка и последующее знакомство с Б. Л. Пастернаком, которое во многом утвердило Шаламова в верности выбранного литературного пути. Пастернак навсегда останется для Шаламова важнейшим эстетическим ориентиром и главным поэтом его жизни. Третий сюжет связан с началом активной литературной и журналистской работы В. Шаламова в журнале «Москва». Эта часть литературного наследия писателя представляет большой интерес, так как расширяет представления о масштабах и направлениях его размышлений и содержит документы, свидетельствующие о том, что В. Шаламова в этот период волновала не только «лагерная» тема: писатель много работал над изучением истории культуры, литературы, что позже отразится в десятках очерках и эссе. И четвертый сюжет связан с теоретическими размышлениями этого периода. Пока словосочетание «новая проза» или «проза будущего» в высказываниях Шаламова не появляется, писатель только подступает к этой формулировке, которая появится в его размышлениях в 60-е годы. Тем не менее, определенная работа по теоретическому осмыслению литературных впечатлений им уже ведется.

Третья глава **«Варлам Шаламов в эпоху “поздней оттепели”»** охватывает период с 1962 по 1972 год. Крайние точки этого временного отрезка — публикация рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» в 1962 году и письмо В. Шаламова в «Литературную газету» с протестом против западных публикаций и отречением от проблематики Колымы [Шаламов 1972]. Мы рассматриваем круг чтения писателя в эти годы, который, с одной стороны, не отличается системностью, а, с другой, демонстрирует направления творческих исканий Шаламова. Важным этапом биографии является его сотрудничество

² В 1956 году Шаламов был реабилитирован только по второму делу 1937 года и третьему делу 1943 года. Реабилитация по первому делу («Завещание Ленина») произошла только после смерти писателя. Также следует отметить, что первая судимость хотя и была на самом деле связана с участием Шаламова в антисталинской оппозиции и, в частности, осуждением за распространение «Письма к съезду» — «Завещания Ленина», но сама статья звучала как СВЭ — «социально вредный элемент», что важно для исторического контекста: Шаламова судили не по политической, а по уголовной статье, что он сам считал ярким примером «сталинской амальгамы».

с журналом «Новый мир» в качестве внештатного рецензента. Это сотрудничество не способствовало публикациям шаламовских стихов и прозы в журнале, но опыт рецензирования самодеятельных рукописей стал основой для нескольких нехудожественных текстов, посвященных современной литературе, мастерству писателя, творческому методу.

Взаимоотношения с А. И. Солженицыным являются темой, интересующей многих исследователей. Новые документы, найденные нами в архиве, позволяют внести уточнения в этот сюжет. Заключительная часть главы посвящена вопросу художественного метода — одному из главных, над которым работает Шаламов в этот период. Размышления писателя связаны не только с катастрофическим опытом, пережитым совсем недавно, около 10 лет назад. Ему важно и систематизировать опыт 20-х годов, который, не менее, чем колымский нуждался в новых средствах выражения.

Четвертая глава **«Период “застоя” и творчество Варлама Шаламова»** посвящена последнему, самому короткому и тяжелому (конечно, после Колымы) этапу жизни В. Шаламова. Из-за прогрессирующей болезни писатель уже не мог активно участвовать в литературной жизни, а его творчество этого периода — это в основном воспоминания и работа с историческими материалами и сюжетами. При этом, вступление в Союз писателей и публичное выступление в «Литературной газете» стали попытками не только спасти сборник стихов, но и быть в полном смысле советским писателем, а значит обрести надежды на публикацию. Мы также рассматриваем взаимоотношения В. Шаламова с другими писателями «лагерной» темы и диссидентским кругом, которые складывались сложно, противоречиво. Шаламов резко высказывался о представителях «прогрессивного человечества», как он называл диссидентов. Вместе с тем, это время, когда у него в силу многих причин практически не было собеседников, переписка также почти прекратилась. Семидесятые годы — это период радикализации взглядов Шаламова, что нашло отражение в его художественной прозе и в отдельных записях о литературе.

0.4. Проблема архива Варлама Шаламова

Изучение наследия Варлама Шаламова связано с проблемой сохранности, доступности и исследованности его архива.

Доколымское творчество В. Шаламова сохранилось фрагментарно. Из его автобиографии «Несколько моих жизней» (1964) следует, что между двумя лагерными сроками, в 1932–1937 годах Шаламов много писал:

Написал 150 сюжетов рассказов, неиспользованных еще. Написал 200 стихотворений. В трех тетрадах их берег. Увы, жена тогдашняя моя мало понимала в стихах и рассказах и сберегла напечатанное и не сберегла написанное, пока я был на Колыме [Шаламов 2013: IV, 197].

В воспоминании «Большие пожары» (1970-е гг.³) Шаламов также упоминает о неоднократном уничтожении архивов — писем, произведений, сначала его сестрой, позже его женой:

В конце концов, родные есть истинный источник всякого сожжения. Жгут же ради детей или руками сестер, матерей. В 1927 году, когда я жил в университете, родная моя сестра сожгла все до последней бумаги, письма — Асеева, Третьякова... Все просто потому, что я некоторое время был там, у нее, прописан.

Отношение моей семьи не отличалось ничем от этой шумной паники.

Жена сохранила напечатанное и уничтожила все написанное. Кто уж так рассудил... Сто рассказов исчезли. Дерьмо, которое было сосредоточено в архиве «Октября», сохранилось, а сто неопубликованных рассказов (вроде «Доктора Аустино») исчезли [Шаламов 2013: IV, 557].

Основные стихи, написанные во время первого лагерного срока, на Вишере, сгорели. Уезжая в 1953 г. с Колымы на материк, Шаламов взял с собой несколько тетрадей с переписанными набело стихами, остальное сжег в дезкамере. От семнадцати лет лагерной жизни сохранились только немногие записи, несколько фотографий Шаламова-фельдшера в больнице и копии следственных дел.

Что касается колымского периода писателя, то он сам сообщает в воспоминаниях следующее:

На Колыме стихи не уничтожали, не жгли как некие жертвы, а хранили бережно, чтобы исказить, дать ложное толкование и овесть самым зловещим образом. В тех миллионах обысков, «сухих бань», по выражению Бутырской тюрьмы, стихов не находили никогда. Да я их и не писал. А если и писал, то уничтожал в каком-то ближайшем просвете разума [Там же: 553].

После возвращения Шаламов старался записать все, что невозможно было зафиксировать, находясь в лагере, поскольку это было строго запрещено. От трех последующих лет жизни на так называемом «101-м километре» сохранились тонкие тетради и отдельные листы, на которых Шаламов записывал «Колымские рассказы», «Артист лопаты» и «Очерки преступного мира» (7 единиц хранения) и стихи (18 тетрадей).

В настоящее время архив хранится в РГАЛИ (Фонд 2506, 4 описи) и содержит более 800 единиц хранения. Доступ к архиву осуществляется только по согласованию с наследником авторских прав Шаламова А. Л. Ригосиком, который лично принимает решение о допуске исследователей к работе с архивом после обсуждения темы исследования.

В одном из периодических изданий г. Вологды опубликовано интервью с А. Л. Ригосиком, который сообщил о том, что доступ к отсканированным документам полностью открыт, но на работу с ними необходимо получить его разрешение:

Я пишу разрешение и спрашиваю, по какой теме люди работают, чтобы дать совет, что именно смотреть. Варлам Тихонович начал передавать произведения

³ Более точной датировки документа нет.

в фонд в 1966 году, когда к нему начала приходить Ирина Сиротинская [Ригосик 2017].

Далее в публикации сообщается, что И. П. Сиротинская специально оговаривала недопустимость выдачи подлинников рукописей исследователями:

Сейчас рукописи отсканированы, и все желающие⁴ могут с ними поработать. А вот те, кто хочет подержать сами рукописи, получают отказ. Я считаю, что это ни к чему [Там же].

Архивные материалы доступны, в основном, в виде микрофильмов, что усложняет работу, например, с записными книжками: невозможно установить принцип их систематизации, датировку записей. Записи, в основном, датированы И. П. Сиротинской, чаще всего с широким временным промежутком: «60-е» или «конец 60 – начало 70-х». Иногда дату можно уточнить по описываемым событиям или датам журнальных или газетных публикаций, на которые ссылался Шаламов. Кроме того, качество оцифровки затрудняет расшифровку записей.

Редактор немецкого собрания сочинений Шаламова Франциска Тун-Хоэнштайн отмечает сложности издания творческого наследия Шаламова, связанные именно с архивом:

Академическое издание Шаламова пока невозможно. Вчера много говорили о том, в каком состоянии архив сейчас, и я, имея доступ к части архива, понимала, что работать над ним надо здесь, в России. Эта работа должна быть проделана российскими филологами, текстологами, это задача на годы, без такой работы над освоением архивных материалов заявка на академичность невозможна [Калашникова 2019].

В. Шаламов начал передавать свой архив в ЦГАЛИ еще в 1966 году, позже И. П. Сиротинской были переданы и авторские права на произведения. Передача архива на хранение была связана, среди прочего, с проблемой хищения рукописей из дома писателя. И. П. Сиротинская в воспоминаниях «Мой друг Варлам Шаламов» описывает эти хищения в последние годы его жизни, когда он уже физически не мог следить за их сохранностью из-за ухудшения здоровья:

В апреле 1979 года он срочно вызвал меня, сказал, что собирается в пансионат и попросил взять весь архив, который оставался. «Воруют», — сказал он. Я взяла все. <...> Я обратилась 17 мая 1979 года к тем, кто изъят часть архива В. Т., и они после переговоров 8 октября 1979 года вернули рукописи четырех сборников «Колымских рассказов» (все это было документировано). Лишь много позднее, когда я закончила разборку и описание большого архива В. Т., я поняла, что возвращено не все. Но В. Т. уже не было в живых. Похищены были и мои письма к В. Т., к счастью, только письма 70-х годов. Конечно, похищена незначительная по сравнению с основным фондом часть архива, в основном машинописные экземпляры рукописей. Однако, возможно, что исчезли и варианты с какими-то разночтениями, которые необходимо изучать в процессе текстологической работы. Пропали также и некоторые толстые тетради

⁴ После получения согласия наследника авторских прав на произведения В. Шаламова.

со стихами, где заключались первоначальные варианты стихов. Запись стихотворения в такую тетрадь Варлам Тихонович считал истинной датой стихотворения. Утрату этих тетрадей Варлам Тихонович считал невосполнимой. И я, конечно, виновата в том, что не обнаружила ее сразу же, не разобрала архив сразу [Сиротинская 1998: 73].

Документы Шаламова, а также документы, связанные с Шаламовым, находятся не только в его архиве, что довольно часто упускается исследователями из виду. Так, вся работа Шаламова в журнале «Новый мир», а именно рецензии на рукописи самодельных авторов, а также рукописи самого Шаламова, не принятые редакцией, находятся в фонде «Нового мира»⁵. Несколько важных писем, процитированных в данной работе, найдены в архиве О. С. Неклюдовой⁶. Рецензии на «Колымские рассказы», представляющие большой интерес, находятся в фонде издательства «Советский писатель»⁷. Работа Шаламова в журнале «Москва» отражена в соответствующем фонде⁸. Часть документов (рукописи) есть в архиве журнала «Знамя». Переписка Шаламова хранится также в фондах Б. Пастернака, А. Солженицына, И. Эренбурга, К. Симонова, Л. Копелева. Дело Шаламова в архиве Союза писателей СССР⁹ закрыто для доступа.

Разрозненность архива представляет сложность для целостного изучения наследия Шаламова. Однако в различных фондах находится достаточно неизученных и неопубликованных материалов, что открывает перспективы для дальнейших исследований.

Эта диссертация состоялась благодаря усилиям многих людей, которым я хотела бы выразить искреннюю благодарность. Я благодарю Любовь Николаевну Киселеву за большое доверие и возможность писать работу на кафедре русской литературы Тартуского университета, постоянную всестороннюю поддержку, внимание и интерес к теме. Я сердечно благодарна моему научному руководителю Роману Григорьевичу Лейбову за пристальное внимание к каждой детали работы, всестороннюю поддержку, чуткое и мудрое руководство. Я также хотела бы поблагодарить Романа Сергеевича Войтеховича за внимание, участие и всестороннюю помощь.

Слова признательности адресованы и тем, кто помогал мне в работе с архивными материалами, документами и воспоминаниями о В. Т. Шаламове. Прежде всего, я хочу поблагодарить Сергея Юрьевича Неклюдова за удивительные воспоминания, которые стали важнейшей частью этой работы. Я благодарю Александра Леонидовича Ригосика за возможность работы в архиве В. Т. Шаламова, Анну Гаврилову, Сергея Соловьева и Ирину Галкову за советы, помощь в поиске и расшифровке документов, поддержку на разных этапах работы. Я также очень благодарна моей семье за вдохновение, которым сопровождалась эта работа, и за их бесконечное терпение.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1702.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2509.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1234.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2931.

⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 40. Ед. хр. 153.

ГЛАВА 1

ИСТОКИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

В. Шаламов как литератор (в первую очередь, поэт, потом прозаик), по его собственному мнению, сформировался под влиянием культуры и литературы модернизма и авангарда 1920-х годов. Это первое, самое яркое впечатление Шаламова отразилось на всей его литературной деятельности. Изучение трудов формалистов, литературные дискуссии, участие в литературных кружках определили творческий метод Шаламова, заложили основы его эстетической концепции. Литераторам двадцатых годов посвящено множество эссе, заметок и воспоминаний писателя¹⁰. Это свидетельствует о том, что творческая уникальность Шаламова — поэта, прозаика и исследователя литературы — выходит далеко за пределы «лагерной» темы. Уже его первые литературные опыты сопровождались глубокой авторской рефлексией о природе литературы и поэзии как ее высшей формы.

1.1. Литературная и культурная жизнь 20-х годов в воспоминаниях В. Шаламова

Варлам Шаламов приехал в Москву из Вологды в 1924 году. М. О. Чудакова в работе «Литература советского прошлого» отмечает, что Москва в начале 20-х годов стала центром притяжения литераторов из разных концов страны. Так сформировалась очень разнообразная и обновленная культурная среда:

В 1921–22 гг. после того, как в 1920 г. полностью прояснился исход гражданской войны и в то же время еще не прояснилось ближайшее и дальнейшее будущее России, в Москву из разных концов страны съехались литераторы. Среди них были и те, кто в 1910-е гг. составляли пеструю, «разноэтажную» городскую литературную среду. Эта среда за годы революции и войны распалась, рассеялась по стране и сейчас собиралась заново, сильно разреженная и теперь обновляющаяся — главным образом за счет петербуржцев и жителей других российских городов [Чудакова: 292].

Для поступления в университет ему было необходимо приобрести рабочий стаж — только так можно было нивелировать вопрос происхождения из семьи духовенства. Параллельно с работой дубильщиком на кожевенном заводе Шаламов был ликвидатором неграмотности, учил санитарок

¹⁰ Такие произведения Шаламова посвящены А. Ахматовой, Б. Пастернаку, А. Воронскому, И. Бунину, А. Блоку, В. Маяковскому, С. Есенину, О. Мандельштаму, А. Ремизову, А. Белому.

в больнице. В воспоминаниях «Москва 20–30-х годов», написанных в 1972 году, он заметил, что занимался ликвидацией безграмотности с большим энтузиазмом, так как был убежден в скорой мировой революции, для этого людей надо было просвещать и обучать. При этом он понимал нереалистичность поставленной задачи, не только из-за масштабов неграмотности, но и из-за так называемых рецидивов¹¹.

С неграмотностью действительно боролись, самостоятельно и добровольно, и платные учителя, как я, но результатов это не могло дать за десять лет и не только потому, что Новгородская губерния или Чердынский уезд — не Москва, а из-за гораздо более коварного обстоятельства — так называемых рецидивов неграмотности [Шаламов 2013: IV, 422].

По-видимому, эта деятельность очень вдохновляла Шаламова. В 1970 году он написал стихотворение «Воспоминание о ликбезе», которое заканчивалось строками:

Себе я ставлю «уд.» и «плюс»
Хотя бы потому,
Что силой вдохновенья муз
Разрушу эту тьму.

Людей из вековой тюрьмы
Веду лучом к лучу
«Мы — не рабы. Рабы — не мы» —
Вот все, что я хочу
[Там же: III, 426].

Также к первым ярким московским впечатлениям Шаламова относятся смерть С. Есенина (1925) и Л. Рейснер (1926). Есенину посвящено несколько послелагерных записей¹², Шаламов возвращался к нему неоднократно и в 60-е и позднее, в 70-е годы. При всей противоречивости отношения к Есенину, эстетических, концептуальных и идеологических несовпадениях, какие только могли быть у двух литераторов¹³, Шаламов считал Есенина большим поэтом, профессионалом и образованным человеком. Он ценил есенинскую искренность, непосредственность и лиризм:

У Есенина было необычайно чистое поэтическое горло, лирический голос удивительной чистоты. Трудно сказать, кого из русских поэтов можно поставить рядом по непосредственности, безыскусственности, искренности, правдивости лирического тона. Песенность была даром Есенина. Его стихотворные строфы всегда делятся на отдельные строки по смыслу, как в песне, — то самое качество, от которого уходила Цветаева [Шаламов 1965].

¹¹ Рецидивы неграмотности происходили тогда, когда обученные грамоте не были приучены к систематическому чтению газет и книг, посещению библиотек и изд-читален [Жирнов: 50].

¹² «Сергей Есенин и воровской мир» (1959), «Русские поэты XX столетия и десталинизация» (1964), Ответ на анкету о С. Есенине (1965), «Есенин» (1970-е), Есенин и Достоевский, записные книжки 1970-х гг.

¹³ Самое главное противоречие — это глубокая ненависть Шаламова к блатному миру.

Д. Неустроев в статье «В. Т. Шаламов о С. А. Есенине», анализируя творчество обоих поэтов приводит ряд пересечений и делает вывод о том, что:

Для Шаламова истинный поэт — тот, у кого «выстраданное собственной кровью выходит на бумагу как документ души, преображенное и освещенное огнем таланта», чьи произведения искренни и исповедальны. Это критерий настоящей поэзии, настоящей литературы. Для Есенина настоящий поэт — это значит «кровью чувств ласкать чужие души», «рубцевать себя по нежной коже». Здесь формулы творчества Шаламова и Есенина совпадают. Шаламовские строки — это строки о поэте — поэте с большой буквы, каким и был Есенин [Неустроев].

Подробнее записи о С. Есенине проанализированы в четвертой главе. Важно подчеркнуть, что уже в 20-е годы Есенин был важной фигурой для В. Шаламова, он обращался к его наследию на протяжении всей жизни.

Еще более трагическим событием стала для него смерть Ларисы Рейснер. В книге «Дом правительства» Ю. Слезкин упоминает о присутствии Шаламова на похоронах Рейснер:

Карл оказался в опале, а три года спустя Лариса умерла в кремлевской больнице от брюшного тифа. Ей было тридцать лет. «Ослепив многих, эта прекрасная молодая женщина пронеслась горячим метеором на фоне революции», — написал Троцкий.

Гроб несли Бабель, Пильняк, Всеволод Иванов, Борис Волин (шурин Бориса Ефимова) «и др.». В толпе был Варлам Шаламов, которого «очищала и подымала» «мальчишеская влюбленность» в Ларису [Слезкин: 232].

Об особых чувствах к Л. Рейснер Шаламов писал и в 1953 г. Б. Пастернаку:

Имя Вы ей дали очень хорошее. Это лучшее русское женское имя. Для меня оно звучит особенно и не только потому, что я очень люблю «Бесприданницу» — героиню этой удивительной пьесы, необычной для Островского. А еще и потому, что это имя женщины, в которую я романтически, издали, видел раза два в жизни на улице, не будучи знакомым, был влюблен в юности моей, сотни раз перечитывал книги, которые она написала, и все, что писалось о ней [Шаламов 2013: VI, 37].

В воспоминаниях «Двадцатые годы» Шаламов назвал Рейснер надеждой литературы. Позднее, в других записях можно встретить более сдержанные и даже критические высказывания в ее адрес, однако ближе к середине 70-х годов Шаламов изменил свои суждения о многих, даже о Пастернаке. Но в воспоминаниях он пишет о Рейснер как об очень значимой фигуре для литературы двадцатых годов.

Если Есенин и Соболев покидали жизнь из-за конфликта со временем, он был у Есенина мельче, у Соболева глубже, то смерть Рейснер была вовсе бессмысленна.

Молодая женщина, надежда литературы, красавица, героиня Гражданской войны, двадцати девяти лет от роду умерла от брюшного тифа. Бред какой-то. Никто не верил. Но Рейснер умерла. Я видел ее несколько раз в редакциях журнала, на улице. На литературных диспутах она не бывала.

Я был на ее похоронах. Гроб стоял в Доме Печати на Никитском бульваре. Двор был весь забит народом — военными, дипломатами, писателями. Вынесли гроб, и последний раз мелькнули каштановые волосы, кольцами уложенные вокруг головы [Шаламов 2013: IV, 333].

После увольнения с завода Шаламов прописался у сестры и начал регулярно ходить в Ленинскую библиотеку и читальню МОСПС в Доме Союзов. Заведующий читальней Модестов, видя прилежание Шаламова допустил его к полкам с литературой, которая была изъята из обращения:

Это был не то, что спецфонд, а просто полки, где ставили книги, снятые с выдачи по циркулярам Наркомпроса: по черным спискам (как в Ватикане)...

Там, с этих полок, я и прочел «Новый мир» с «Повестью непогашенной луны» Пильняка, «Белую гвардию» Булгакова в журнале «Россия», «Ленин» Маяковского — поэма «Ленин» стояла на этих ссыльных полках года три [Там же: 423].

Библиотека принесла ему не только удовольствие от чтения, но и острое сожаление о потерянных на заводе годах — для поступления пришлось заново осваивать школьные программы. Но одновременно занятия в библиотеке и на подготовительных курсах привели к новым знакомствам, изменили темп и наполнение жизни молодого Шаламова. Москва 20-х для него была университетом культуры.

В воспоминаниях он описывал феерическо-утопический дух 1920-х годов, называл это время «штурмом неба», часто упоминал об ожидавшейся всеми мировой революции. Но самым важным для Шаламова в Москве этого периода было кипение жизни. Это кипение выражалось, прежде всего, в ожесточенных спорах и дискуссиях:

Эти споры велись буквально обо всем: и о том, будут ли духи при коммунизме — фабрика Брокера стояла с революции, и работники не были уверены, что ее пустят. И о том, существует ли общность жен в фаланге Фурье, и о воспитании детей. Обсуждали не формы брака, обсуждался сам брак, сама семья — нужна ли она. Или детей должно воспитывать государство и только государство. Нужны ли адвокаты при новом праве. Нужна ли литература, поэзия, живопись, скульптура... И если нужны, то в какой форме, не в форме же старой [Там же: 434].

Эту особенность московской жизни отмечает в своем «Московском дневнике» и немецкий философ Вальтер Беньямин, оказавшийся в советской России в декабре–январе 1926–1927 годов:

Дни каждого московского жителя насыщены до предела. Заседания. Комиссии каждый час проходят в конторах, клубах, на фабриках; для них часто не хватает места, их проводят в углу шумных редакций, за убранном столом в заводской столовой [Беньямин: 226].

Двадцатые годы — время ораторов, Шаламов вспоминал, что более 30 раз слушал Луначарского¹⁴, которого называл человеком-университетом.

¹⁴ О Луначарском Шаламов неоднократно упоминал в записных книжках и очерках, посвященных двадцатым годам.

Варлам Шаламов принимал в кипящей культурной жизни самое активное участие. Кроме дискуссий, он писал стихи, начал посещать литературные кружки, бывал на занятиях у Осипа Брика, диспутах Маяковского, встречался с Сергеем Третьяковым, ненадолго вошел в «Молодой ЛЕФ», несколько раз был в «Красном студенчестве» поэта-конструктивиста Ильи Сельвинского. Возможность существования множества мнений, относительная (в сравнении с тридцатыми и последующими годами) свобода дискуссий, существование различных литературных групп и взглядов — это то, что Шаламов вспоминал всю жизнь:

Двадцатые годы — это время литературных сражений, поэтических битв на семи московских холмах: в Политехническом музее, в Коммунистической аудитории 1-го МГУ, в Клубе Университета, в Колонном зале Дома Союзов. Интерес к выступлению поэтов, писателей был неизменно велик. Даже такие клубы, как Госбанковский на Неглинном, собирали на литературные вечера полные залы.

Имажинисты, комфуты, ничевоки, крестьянские поэты; «Кузница», ЛЕФ, «Перевал», РАПП, конструктивисты, оригиналисты-фразари и прочие, им же имя легион [Шаламов 2013: IV, 319].

Этот период продолжался около трех лет: Шаламов был арестован 19 февраля 1929 в засаде в подпольной типографии, где печаталось «Завещание В. И. Ленина» и другие документы оппозиции. Ордер на его арест подписан Г. Ягодой 1 марта 1929 г.

Двадцатые годы стали для Шаламова эталоном, с которым он сверял литературу 50–70-х гг. и чаще всего сравнение было не в пользу последней. Свидетели отмечают, что, вернувшись с Колымы, Шаламов так и остался «человеком 20-х годов», и с этим связано его во многом критическое отношение к современному литературному и культурному процессу.

Устроившись после возвращения из лагеря на работу внештатным корреспондентов в журнал «Москва», Шаламов добивался публикаций статей именно о двадцатых: о «Красной нови», «Синей блузе», А. К. Воронском. Тема 20-х годов цензурировалась государством долгие годы, Шаламов же добивался раскрытия правды во всей полноте.

1.2. Шаламов и «Новый ЛЕФ»

Шаламов быстро включился в литературный процесс, стал постоянным посетителем Ленинской библиотеки. Он интересовался идеями ЛЕФа, некоторое время посещал кружок О. Брика, общался с С. Третьяковым. Он активно и внимательно изучал труды формалистов, но при этом отделял литературную теорию от московской литературной жизни, которая «создавала факты», и была очень насыщенной:

ЛЕФ опирался на «формалистов». Шкловский — крупная фигура ЛЕФа, был тем человеком, который выдумывал порох, и для формалистов был признанным вождем этого течения. Ленинградцы — Тынянов, Томашевский, Эйхенбаум —

все это были эрудиты, величины солидные, недавние участники тоненьких сборничков ОПОЯЗа. Пока в Ленинграде формалисты корпели над собиранием литературных фактов, Москва создавала эти литературные факты [Шаламов 2013: IV, 319].

Несмотря на такой скептицизм, Шаламову идеи формализма были близки. В архивах Шаламова мы находим стихотворение «В защиту формализма»¹⁵. Невозможно точно сказать, было ли оно воспоминаниями о дискуссиях вокруг «формального метода» или откликом на проводившуюся в СССР позднее борьбу с «формализмом в искусстве»; скорее, это размышление о поэзии, но в советском языке эта омонимия превратилась в синонимию:

Не упрекай их в формализме,
В любви к уловкам ремесла.
Двояковыпуклая линза
Чудес немало принесла.

И их игрушечные стекла,
Ребячий тот калейдоскоп —
Соединял в одном бинокле
И телескоп и микроскоп.

И их юродство — не уродство,
А только сердца прямота,
И на родство и на господство
Рассвирепевшая мечта.

Отлично знает вся отчизна,
Что ни один еще поэт
Не умирал от формализма —
Таких примеров вовсе нет
[Там же: III, 303].

Однако, при всей увлеченности революционными идеями, разочарование в этих объединениях наступило довольно быстро, Шаламов обладал собственным видением и интересами, сформировавшимися еще в школьные годы и получившими развитие после переезда в Москву и погружения в ее культурную жизнь, поступления в Московский университет. Точнее было бы сказать, что это было разочарование не в идеях и теориях, а в том, какие темы обсуждались участниками ЛЕФа, как они относились к другим литераторам и какие человеческие качества демонстрировались ими. К некоторым проявлениям участников объединения Шаламов относился негативно. В воспоминаниях «Двадцатые годы» Шаламов выступил с резкой критикой ЛЕФа:

Большая часть литературных споров, в которых участвовали «лефы», уходила на выяснение, кто у кого украл метафору, интонацию, образ. Чей, например,

¹⁵ Цикл «Высокие широты» из Колымских тетрадей. Точная дата не известна.

приоритет, в слове «земшар». Кто первый придумал это изящное слово? Безымянный или Маяковский? Кто у кого украл? <...>

Крайне неприятной была какая-то звериная ненависть к Блоку, пренебрежительный, издевательский тон по отношению к нему, усвоенный всеми лефовцами. <...>

Изобретательство вымученных острот, пустые разговоры, которыми занимались в лефовском окружении Маяковского, Брика, пугали меня. Поэзия, по моему глубокому внутреннему чутью, там жить не могла [Шаламов 2013: IV, 342].

В письме Л. И. Скорино от 12 января 1962 года Шаламов также рассказывал о постигшем его разочаровании в участниках ЛЕФа:

Литературного тут не было ничего, кроме сплетен и вышучивания всех возможных лефовских врагов. Нарочитое умничанье, кокетничанье испытанных остряков с психологией футбольных болельщиков производило на меня прямо-таки угнетающее, отталкивающее впечатление. Поэзия, которую я искал, жила не здесь. Разочарование было столь сильным, что во время распада ЛЕФа, когда Маяковский был отстранен от журнала, мои симпатии оказались на стороне фактографии, на стороне Сергея Михайловича Третьякова, сменившего Маяковского за редакторским креслом «Нового ЛЕФа» [Там же: VI, 320].

Разрыв с Новым ЛЕФом Шаламов объяснял своей строптивостью и нежеланием писать на предлагаемые темы:

На Малую Бронную ходил я недолго из-за своей строптивости и из-за того, что мне жалко было стихов, не чьих-нибудь стихов, а стихов вообще. Стихам не было место в «литературе факта» — меня крайне интересовал тогда (интересует и сейчас) вопрос — как такие разные люди уживаются под лефовской и новолефовской кровлей.

У меня были кой-какие соображения на этот счет.

Я работал тогда в радиогазете «Рабочий полдень».

— Вот, — сказал Сергей Михайлович, — напишите для «Нового Лефа» заметку «Язык радиорепортера». Я слышал, что надо избегать шипящих и так далее. Напишите?

— Я, Сергей Михайлович, хотел бы написать по общим вопросам, — робко забормотал я.

Узкое лицо Третьякова передернулось, а голос его зазвенел:

— По общим вопросам мы сами пишем. Больше я на Малой Бронной не бывал. Избавленный от духовного гнета «литературных фактов», я яростно писал стихи — о дожде, о солнце, о всем, что в ЛЕФе запрещалось [Там же: IV, 318].

Тем не менее, разрыв с ЛЕФом не означал полного отрицания этого опыта.

Шаламов всю жизнь спорил с ЛЕФовцами, но впоследствии их метод окажется для него одним из немногих возможных способов фиксации травматического опыта. Как отмечает исследователь поэтики В. Шаламова Е. Михайлик:

Все многообразные позиции — в области эстетики, политики и теории литературы, — которые в то время существовали в рамках Левого фронта искусств, казались Шаламову догматическими, узкими и плохо согласующимися друг с другом.

Шаламова одновременно привлекала — и отталкивала — жесткая ориентация на «литературу факта», апелляция к документу, представление о том, что форму произведения должны диктовать свойства материала, а автор важен ровно в той мере, в которой отсутствует в тексте. С точки зрения Шаламова, эта позиция не оставляла места для поэзии [Михайлик 2009: 180].

Продолжая эту мысль, Е. Михайлик делает вывод о том, что Шаламова оттолкнули и скрытая иерархичность «Нового ЛЕФа», и жесткий формальный и идеологический диктат объединения в целом. Шаламов искал «свою интонацию» и стремился самостоятельно находить темы для литературных сочинений, что не поощрялось Третьяковым. Тогда же Шаламов проявил склонность к резким разрывам, которая сохранилась на всю жизнь — таким резким будет разрыв с Б. Пастернаком, Н. Мандельштам, некоторыми друзьями и соратниками.

Много лет спустя, в 1971 году, в записных книжках Шаламов назовет себя прямым последователем русского модернизма:

Я — прямой наследник русского модернизма — Белого и Ремизова. Я учился не у Толстого, а у Белого, и в любом моем рассказе есть следы этой учебы. С Пастернаком, Эренбургом, с Мандельштам мне было легко говорить потому, что они хорошо понимали, в чем тут дело [Шаламов 2013: V, 322].

1.3. Влияние А. Белого и А. Ремизова

Утверждение о том, что он является наследником Белого и Ремизова, Шаламов более нигде не раскрывает. Несмотря на то, что обоим писателя посвящен ряд высказываний и записей Шаламова, они содержат, в основном, впечатления от прочитанного. Возможно, Шаламов имел в виду принцип документальности у А. Ремизова и ритм прозы А. Белого, роман которого «Петербург» он считал последним романом в русской литературе¹⁶. Оба этих явления характерны для прозы Шаламова, так же как бессюжетность, фрагментарность, пристальное внимание к деталям быта, эпизодам. Но убедительного доказательства этого предположения в высказываниях Шаламова нет.

Об А. Ремизове он пишет в 1964 году:

Ремизов. «Мышкина дудочка. Подстриженными глазами».

Лучшая русская книга, которую я читал за последние тридцать лет, необычайная, замечательная книга.

Рассказ «Мышкина дудочка», где сапогом давят мышку, беззащитную, лучший рассказ. До слез.

Грусть необычайная. Вера в призвание, героизм, сила. Урок мужества, героической жизни, нищей жизни без скидок [Шаламов 2013: VII, 399].

¹⁶ До прочтения «Доктора Живаго». После Шаламов назвал произведение Б. Пастернака последним русским романом.

Эмоциональность прозы Ремизова отмечена Шаламовым, который свою прозу называл «эмоционально окрашенным документом»¹⁷.

Есть еще один важный сюжет, который связывает В. Шаламова и А. Ремизова. В 1926 году А. Ремизов в Париже опубликовал «Житие протопопа Аввакума» (фактически — ремизовский текст, выстроенный на основе разных списков оригинального сочинения старообрядцев), который был значимой фигурой для Шаламова, посвятившего ему стихотворение «Аввакум в Пустозерске»¹⁸:

Не в брёвнах, а в рёбрах
Церковь моя.
В усмешке недоброй
Лицо бытия.

Сложеньем двуперстным
Поднялся мой крест,
Горя в Пустозерске,
Блистая окрест.

Я всюду прославлен,
Везде заклеимён,
Легендою давней
В сердцах утверждён.

<...>

Пушай я осмеян
И предан костру,
Пусть прах мой развеян
На горном ветру.

Нет участи слаще,
Желанней конца,
Чем пепел, стучащий
В людские сердца
[Шаламов 2013: V, 183].

Фигура Аввакума актуализировалась в Серебряном веке, и, что особенно важно для Шаламова, была значима для народовольцев, историей которых он интересовался. Отмечая темы духовного подвига, совмещение элементов жития Аввакума и биографии Шаламова, культуролог В. Петровиченков высказывает мнение о том, что Аввакум для Шаламова является архетипом:

Фигура протопопа Аввакума неоднократно привлекала внимание русских писателей. Для некоторых из них обращение к судьбе вождя старообрядчества было попыткой проверки на прочность своего душевного и духовного опыта. Но Шаламов единственный, кто выбрал протопопа Аввакума своим архетипом и в определенном смысле — двойником [Петровиченков].

¹⁷ См. письмо к И. П. Сиротинской: Документальная проза будущего и есть эмоционально окрашенный, окрашенный душой и кровью мемуарный документ, где все документ и в то же время представляет эмоциональную прозу [Шаламов 2013: VI, 487].

¹⁸ Цикл «Златые горы» из Колымских тетрадей. Точная дата не известна.

Тема жития протопопа Аввакума в творчестве Шаламова заслуживает отдельного исследования. В контексте нашей работы необходимо отметить, что личность Аввакума была важна и для А. Ремизова. Частые упоминания Аввакума в статьях и беседах, выступления с публичными чтениями «Жития» вызывали в среде русского зарубежья мнение о том, что Ремизов был учеником и последователем протопопа.

Ю. Розанов указывает на то, что Шаламов, по всей видимости, был знаком с книгой Ремизова «Россия в письменах», целиком построенной на исторических документах отмечает значимость канона модернистской литературы для прозы Шаламова:

В металитературном дискурсе Шаламова совершенно четко обозначены некоторые составляющие того «канона» модернистской литературы, на которой он ориентировался: фонетическое отношение к слову («проверка на звук»), полисеманτικότητα («многоплановость»), символизация и особый, доведенный до «крайней степени художественной» документализм. Ремизов, проповедовавший среди молодых писателей подобную поэтику, называл ее «природным русским ладом», наиболее полным выразительным которого он считал протопопа Аввакума [Розанов].

О том, что связывает В. Шаламова и А. Белого размышляет переводчик Шаламова Габриэле Лойпольд в статье «Анатомия сдержанности. Переводя Варлама Шаламова». Она отмечает музыкальную структуру, ритмизацию прозы:

Ритмизация текста вследствие варьирующих повторений фраз, ключевых предложений и полуабзацев, лейтмотивов, перекочевывающих из рассказов в письма, эссе и заметки в записных книжках, а к тому же структурирующее значение числа «два» — пар синонимов, — это музыкальные средства, образующие ткань прозы Шаламова и составляющие, вместе с вышеназванными нюансами «интонировки» те «цепочки», на которых вынужден «плясать» переводчик. И которые уводят его взгляд от лагеря [Лойпольд].

Итак, в первой главе мы обозначили ключевые моменты формирования эстетической концепции Варлама Шаламова в 20-е годы. Первый — это приезд в Москву и погружение в литературную ситуацию двадцатых годов, активное изучение литературной теории, посещение литературных событий и дискуссий. Время относительной свободы, с которым Шаламов позже сравнивал то, что происходило в общественной, культурной и профессиональной жизни в 50–70-е гг. Наиболее приближенным к двадцатым годам стал период «хрущевской оттепели», но он не давал такого многообразия идей и мнений, как первые революционные годы. Второй важный момент — это участие Шаламова в литературных объединениях, в частности, «Новом ЛЕФе», которое, несмотря на протест Шаламова против диктата С. Третьякова и навязывания неинтересных Шаламову тем, также отразилось на его прозе. И наконец, нами предпринята попытка объяснить высказывание В. Шаламова о том, что он является прямым наследником А. Ремизова и А. Белого, обозначить темы и методы, объединяющие этих писателей.

ГЛАВА 2

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

2.1. Советская литература после смерти Сталина: историко-литературный контекст написания «Колымских рассказов»

Вторая половина пятидесятых годов — важнейший период в истории СССР, вошедший в историю как время, когда закончился сталинский режим и массовые репрессии, развернулась «хрущевская оттепель», давшая новый импульс, новые надежды и новое «оттепельное» искусство. Вторая половина и конец пятидесятых в литературе¹⁹ это время молодой поэзии, постепенного оживления литературных журналов и надежд на обновление политической и культурной повестки.

Срок лагерного заключения Варлама Шаламова истек в октябре 1951 года. Еще два года — до сентября 1953 — он был вынужден работать на Колыме фельдшером, чтобы накопить денег на отъезд на «большую землю». В это время и сразу после возвращения Шаламов много писал, в основном стихов, торопясь записать то, что накопилось за долгие годы лагеря и ссылки:

В 1951 году я освободился из заключения, но выехать с Колымы не смог. Я работал фельдшером близ Оймякона, в верховьях Индигирки, на тогдашнем полюсе холода и писал день и ночь — на самодельных тетрадах.

В 1953 году уехал с Колымы, поселился в Калининской области, на небольшом торфопредприятии, работал там два с половиной года агентом по техническому снабжению. Торфяные разработки с сезонниками-«торфушками» были местом, где крестьянин становился рабочим, впервые приобщался к рабочей психологии. Там было немало интересного, но у меня не было времени — мне было больше 45 лет, я старался обогнать время и писал день и ночь — стихи и рассказы. Каждый день я боялся, что силы кончатся, что я уже не напишу ни строчки, не сумею написать всего, что хотел [Шаламов 2013: IV, 312].

Смерть Сталина не нашла отражения ни в записках Шаламова того периода, ни в переписке: до конца жизни он практически не высказывался о политических и историко-политических событиях письменно. Единственным исключением является «Письмо старому другу», появившееся вскоре после процесса над А. Синявским и Ю. Даниэлем в 1966 году. Этот текст был

¹⁹ Мы рассматриваем период до публикации рассказа «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына в журнале «Новый мир» в 1962, поскольку считаем это событие важным для Шаламова и его творчества.

напечатан анонимно в «Белой книге по делу А. Синявского и Ю. Даниэля» (составитель А. И. Гинзбург).

Последовавшие за смертью Сталина события, безусловно изменили жизнь Шаламова. 23 декабря 1953 года был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян бывший глава НКВД Лаврентий Берия. Одновременно происходило массовое освобождение заключенных (которое началось еще при Берии) и начало демонтажа всей системы ГУЛАГа. После смерти Сталина в СССР прекратились массовые аресты, но лишение свободы по политическим причинам все еще практиковалось, особенно после вторжения советских войск в Венгрию в 1956 году.

Реабилитация и возвращение прав означали возможность возвращения, а точнее нового вхождения в литературные круги Москвы. За те годы, которые Шаламов провел в лагере, в литературной ситуации и иерархии произошли существенные изменения, главное из которых состояло в том, что бурных дискуссий и плюрализма двадцатых больше не было. Опыт послереволюционных лет, и особенно лагерный опыт для новой жизни не был пригоден. В воспоминаниях «Моя жизнь — несколько моих жизней» 1964 г. Шаламов писал:

Подземный опыт не увеличивает общий опыт жизни — там все масштабы смещены, и знания, приобретенные там, для «вольной жизни» не годятся. Человек выходит из лагеря юношей, если он юношей арестован. Подобно тому, как медицинские права, приобретенные в лагерной фельдшерской школе, действительны только в пределах Дальнего Севера, как давал когда-то «разъяснения» Магаданский Санотдел [Шаламов 2013: IV, 297].

Поэтому нужно было начинать сначала: восстанавливать связи с теми, кто остался жив и находить новые. На следующий же день после возвращения с Колымы Шаламов встретился с Б. Пастернаком.

До 1956 года Шаламов проживал на так называемом «101 километре», в поселке Туркмен тогда Калининской области²⁰. Здесь он записал первые «колымские» рассказы: 1954 годом датированы рассказы «Заклинатель змей», «Апостол Павел», «Ночью», «Плотники» и «Шерри-бренди». Позже появляются «Одиночный замер», «Кант», «На представку», «Хлеб», «Татарский мулла и свежий воздух», «Шоковая терапия» [Есипов 2012: 209]. В письме Пастернаку от 24 октября 1954 года Шаламов описывал эту работу:

А я в своей деревенской глуши не успеваю даже чтение наладить сколько-нибудь удовлетворительно; махнув рукой на методическое, систематическое, хочу хоть что-либо прочесть из недочитанного за эти 17 лет. Целая человеческая жизнь, прожитая за Яблоновым хребтом, оставила слишком мало времени на чтение. В новых стихах я все в старой теме, и вряд ли отпустит она меня скоро. Рассказы, которые начал писать, достаются мне с большим трудом — там ведь ход совсем другой [Шаламов 2013: VI, 56].

²⁰ В настоящее время входит в состав Клинского района Московской области.

Историко-культурный и литературный контекст написания «Колымских рассказов» можно восстановить по переписке Шаламова с А. З. Добровольским, Б. Л. Пастернаком, О. Ивинской и другими адресатами.

В письме своему главному адресату этого периода, А. З. Добровольскому, от 25 января 1955 года, написанном, видимо, в ответ на его вопрос, Шаламов комментировал Второй съезд Союза советских писателей, который проходил в декабре 1954 года [Шаламов 2013: VI, 105].

Основные темы, поднятые на Втором всесоюзном съезде советских писателей отражены в стенографическом отчете.

А. А. Сурков, член президиума съезда, доложил о значительном росте тиражей художественной литературы в СССР. Согласно докладу, в 1953 году самым публикуемым русским писателем был Горький (80 млн. экземпляров), за ним с небольшим отрывом следовали Пушкин (70 млн.) и Толстой (60 млн.). Маяковский издан тиражом 23 млн. экземпляров. Это сопровождалось развитием библиотечной сети — в докладе фигурировала цифра 300 тысяч точек в сети библиотек.

Часть доклада была посвящена проблеме положительного героя в советской литературе. Положительный герой, по мнению Суркова — не тот, кто изначально обладал «идеальными» качествами, а тот, кто подвергся множеству испытаний. Приводя в пример героев Н. Островского, А. Фадеева, А. Гайдара, Сурков говорит:

Именно в этих книгах (и в этом секрет их невиданной популярности) герои как раз не просто, не бездумно проходят сквозь строй испытаний, встающих на их пути. Им очень нелегко дается конечная победа.

Как из рога изобилия сыплет жизнь на голову Павла Корчагина испытания одно другого тяжелее. Тем тверже становится сталь его характера, закаляемая на жарком огне этих испытаний. <...>

Книги Фадеева, Гайдара, Островского, Полевого, «Четвертая высота» Ильиной, «Улица младшего сына» Л. Кассиля и М. Поляновского, произведения о Зое Космодемьянской, об Александре Матросове и других реальных героях нашей действительности поэтому и живут и покоряют сердца молодых читателей, что, вопреки прописям педантов, мечтающих об «Идеальном герое», показывают живых наших современников, людей эпохи становления нового характера, новой морали, новых норм личных и общественных отношений [Съезд писателей: 29].

Шаламов, не присутствовавший, как он сам сообщал, на съезде, с сомнением комментировал это выступление, так как для него проблема литературного героя не являлась важным предметом обсуждения на съезде Союза писателей. Это было второстепенным с точки зрения лагерного опыта Шаламова, который подразумевал то, что после Колымы сама литература должна стать другой. По поводу современного героя у него было свое, противоположное официальному, видение, которому соответствовал и другой тип повествования. Вопрос о существовании литературы после «позора Колымы», опыта абсолютного зла, созвучен размышлениям Т. Адорно, который в 60-е посвятил ему главу «После Освенцима» (Nach Auschwitz)

«Негативной диалектики», приходя к выводу о том, что «после Освенцима любое слово, в котором слышатся возвышенные ноты, лишается права на существование» [Адорно: 328]. К подобным по резкости формулировкам Шаламов вернется в 60-е годы. Однако размышление о методе — важный вопрос для писателя, приступающего к «колымской» теме: в его замысле 100 рассказов, художественно представляющих «правду жизни». И если в стихах Шаламов неизменно следовал традиции классической русской поэзии, то классическая проза не давала ему почвы для реализации этого замысла. По мнению В. Подороги, с точки зрения Шаламова:

...дело литературы не в усилении возможностей реалистического описания ГУЛАГа (оставим это бесстрашию историков), а в том, что для него вообще нет языка. Только через отказ от самой себя и только обратившись к поиску особого языка, который смог бы что-то сказать о том, о чем нельзя, невозможно говорить.

Хотя, как мы сегодня знаем, В. Ш. прекрасно понимал, что должно произойти с литературой после «позора ГУЛАГа» и «печей Освенцима», он все же надеялся, что сможет передать этот опыт нечеловеческого, исходя из тех возможностей, которыми располагает в качестве свидетеля/жертвы сталинских преступлений. Поэтому для него личное свидетельство значило много больше, чем литература [Подорога: 85].

Возвращаясь к докладу Суркова, отметим высказывание о задачах литературы, которые, состояли в том, чтобы развивать выбранный курс на соц-реализм:

Помогать формированию характера строителя коммунизма показом людей нашего времени во всем великолепии их человеческого достоинства и целеустремленной, бескомпромиссной критикой пережитков капитализма в сознании и психике людей, критикой всех недостатков и неурядиц жизни [Съезд писателей: 35].

В содокладе К. Симонова «О советской художественной прозе» отражены характерные черты развития современной литературы:

1. Активность молодых сил, приход в литературу множества новых имен.
2. Небывало широкий выход на всесоюзную арену в переводах на русский язык прозаических книг, созданных в литературах братских союзных республик.
3. Размах работы прозаиков в краях, областях и республиках [Там же: 84].

Также Симонов выявлял основные темы послевоенной литературы, разделяя их на 4 категории:

1. Современность в самом широком смысле слова, произведения, изображающие события последних лет в стране и за рубежом.
2. Война.
3. Историко-революционные темы, отражающие картину общественной жизни в период Октябрьской революции.

4. Исторические темы — Петровская Русь, землепроходцы, открыватели новых земель [Съезд писателей: 85].

Естественно, темы репрессий, исправительных лагерей в докладе Симонова не было. Существенная часть доклада посвящена социалистическому реализму как основному методу советской литературы. Именно поэтому происходящее на съезде писателей вызывало у Шаламова одновременно иронию и раздражение: «так называемые писатели» не обсуждают действительно важных для культуры и литературы тем. В том же письме Добровольскому Шаламов сообщал:

Можно было, конечно, приложить усилия и удостоиться лицецерения так называемых писателей, но уже подготовительная работа к съезду (о которой Вы, вероятно, составили представление по Литгазете) выяснила, что никаких, собственно, тем-то у съезда и нет. Ибо вопрос о положительном герое — это не тема для съезда писателей.

Грубовато, но довольно здраво прозвучал выпад Шолохова против Симонова — мне особенно приятный, ибо я Симонова в его любой ипостаси считаю бездарным.

Доклад о поэзии делал Самед Вургун, боже мой, боже мой [Шаламов 2013: VI, 105].

Несмотря на удаленность от Москвы, от библиотек и невозможность активно участвовать в литературной жизни, Шаламов следил за ней, комментировал происходящее. В письме он говорит о возможности «приложить усилия и удостоиться лицецерения писателей» — то есть присутствовать на съезде. Это свидетельствует о том, что у писателя были контакты в литературной среде. Шаламов в этот период много читал, и это тоже отмечено в записях.

В 1954 году был отстранен от должности главного редактора журнала «Новый мир» А. Т. Твардовский. Шаламов в то время высказывался о Твардовском очень уважительно, считая его одним из главных современных поэтов. Об этом он написал и А. З. Добровольскому 30 марта 1956 года:

Я считаю Твардовского единственным сейчас из официально признанных безусловным и сильным поэтом [Там же: 138].

Отстранение Твардовского из-за публикаций критических статей новомирских авторов с официальной формулировкой «в связи с переходом на творческую работу» — знак того, что перемены пока не так радикальны. В наступающую оттепель Шаламов пока не очень верил, ведь еще, до 1956 года, не произошло главного — публичного признания гибели сотен тысяч людей в лагерях:

Что касается оттепели, то я, промерзший, наверное, до костей насквозь, ее, надо сказать, не чувствую — такой, как мне хотелось бы, а требования у меня скромнейшие из скромных [Там же: 110].

Знаменательным событием этого периода стал выход в 1955 г. сборника «Литературная Москва», который открыл череду публикаций, не печатавшихся до этого М. Цветаевой, Л. К. Чуковской. Альманах был официально

разрешен Отделом печати ЦК КПСС. Его издание обозначало перемены, декларированные Н. С. Хрущевым, «оттепель». Поэтому директор издательства «Художественная литература» поддержал инициативу. История альманаха оказалась короткой, вышло всего два номера. Как отмечают исследователи Ю. Г. Бит-Юнан и Д. М. Фельдман,

...литературные функционеры реагировали агрессивно: дошло и до политических обвинений, что обусловило ликвидацию издания после выпуска второго номера [Бит-Юнан, Фельдман: 32].

Шаламов обсуждал альманах в нескольких письмах. В письме А. З. Добровольскому²¹ в апреле 1956 года Шаламов рассказывал о потрясающем успехе «Литературной Москвы»:

«Лит. Москву» с его <Пастернака. — К. Ф.> заметками о Шекспире Вы уже, наверное, прочли. Этот альманах (ценой в 18 р. 75 к.) идет нарасхват, в Москве 200 руб. идет с рук и только из-за тех 6–7 страниц Б. Л., потому что, несмотря на именитость и поэтов и прозаиков — читать там больше нечего [Шаламов 2013: VI, 141].

Несмотря на критическое отношение, издание, скорее всего, привлекло внимание Шаламова. В письме О. Ивинской от 24 мая 1956 г. он также подробно рецензировал альманах, отмечая заметки о Шекспире Пастернака. Кроме них, Шаламов отмечает «грамотный рассказ» Шкловского «Портрет», «плохую пьесу» Розова. Альманах вызывает в нем рефлексии о поэзии, воспоминания о беседах с Пастернаком, которыми он делится с Ивинской.

Осведомленность Шаламова о литературной жизни отмечают в своих донесениях секретные сотрудники, следившие за ним. 11 апреля 1956 года агент сообщает:

Шаламов по первому впечатлению человек общительный. Из разговоров чувствуется, что у него есть в Москве приятели, которые его информируют о явлениях в литературной жизни помимо официальных источников [Там же: VII, 470].

Современные авторы, особенно молодые, в этот период не часто заслуживали внимание Шаламова. Лишь в одном из писем он упоминает писателя С. П. Антонова (видимо, тоже реагируя на реплику А. З. Добровольского), называя его способным, учившимся у Чехова автором, лучшим из молодых.

Важнейшее событие, послужившее началом либерализации и периода, который назовут «оттепелью», — XX съезд Коммунистической партии, который состоялся 14–25 февраля 1956 года. Наконец о репрессиях заявлено открыто, а для Шаламова это означает и надежду на легитимизацию пережитого опыта, темы его рассказов и стихов, свободную публикацию и полную реабилитацию. Одно из писем Добровольскому полностью посвящено этому событию:

²¹ Без даты, предположительно вторая половина апреля 1956 года.

Ваше письмо получено мною в момент, когда тройка вновь делает скачок, сотрясающий всех пассажиров, и один вместительный чемодан вылетает, разламывается, и содержимое высыпается в грязь.

До Вас уже, конечно, дошло письмо ЦК о том, что из себя представлял Сталин как партийный вождь, как теоретик и как военный гений. Письмо, зачитанное на закрытом заключительном заседании съезда в присутствии представителей иностранных компартий. Письмо это начали читать в Москве месяц назад, но до сих пор только о нем и говорят в автобусах, в трамваях, в квартирах. Письмо читают на закрытых партийных собраниях, и чтение его занимает три с половиной часа.

Однако в письме есть одно странное, бросающееся всем в глаза обстоятельство. Признав и отметив умерщвление сотен тысяч людей, развенчав его как партийного вождя, как генералиссимуса (в письме буквальное выражение: вот каков был этот гений), письмо ЦК не назвало его логически врагом народа, отнеся все его чудовищные преступления за счет увлечения культом личности [Шаламов 2013: VI, 133].

Эмоциональный тон письма Шаламова можно объяснить несколькими причинами. Первый — официально объявлено, что «Завещание Ленина», за распространение которого он получил первый срок²², — действительно партийный документ, а не фальшивка, за которую можно было получить серьезное наказание. Второй — недостаточно верная, по мнению Шаламова, оценка роли Сталина в том, что произошло. Признав и отметив убийство и истязание сотен тысяч людей, развенчав его как партийного вождя, письмо ЦК не назвало его врагом народа, отнеся все его чудовищные преступления за счет увлечения всей страны культом личности. Объясняя это для себя необходимостью постепенного решения вопроса, Шаламов все же сказал о том, что никогда не думал, что доживет до того дня, когда «этого господина назовут его настоящим именем».

Оттепель привнесла в искусство новые темы и новую проблематику. Одной из ключевых, по мнению М. Майофис, стала критика бюрократических методов руководства, бездушия чиновников по отношению к гражданам, чиновничьего хамства, круговой поруки и формализма при решении проблем обычных людей:

Бичевать эти пороки было принято и прежде, но они неизменно должны были описываться как «отдельные недостатки». Теперь искоренение бюрократизма должно было представлять как часть демонтажа сталинской системы управления, прямо на глазах читателя или зрителя уходящей в прошлое. Два самых известных произведения 1956 года, сфокусированных именно на таком типе критики, — роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» (об изобретателе, который в одиночку противостоит сговору директора завода и министерских чиновников) и фильм Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь» [Майофис].

²² а также букву «Т» в деле 1937 года: «контрреволюционная троцкистская деятельность», что утяжеляло его судьбу. Шаламов был реабилитирован только в 2000 году.

Это также нашло отражение в высказываниях Шаламова. Он не раз упоминал книгу Дудинцева на протяжении многих лет. В 1971 году она даже появилась в его фантастической пьесе «Вечерние беседы».

Роман вышел в 1956 году в журнале «Новый мир» и стал одним из символов хрущевской оттепели. В книге “The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past” Д. Козлов называет публикацию романа Дудинцева величайшим достижением К. Симонова на посту редактора «Нового мира» и отмечает:

«Не хлебом единым» стал знаменем оттепели. В своих отзывах читатели описывали проблемы, поднятые Дудинцевым — технологический застой, бюрократическую инертность, коррупцию и неэффективность существующей системы. Эти дискуссии дали людям возможность пожаловаться на многие социальные явления, простирающиеся за пределами книги, манифестируя новый энтузиазм политического самовыражения и обмена мнениями, вдохновленные XX съездом партии [Kozlov: 89].

Книга действительно вызвала огромный читательский и общественный резонанс. К. Паустовский в речи на обсуждении романа на Президиуме союза писателей называет явления, описанные в книге, последствиями культа личности. Роман «Не хлебом единым» упоминается даже в донесении осведомителя о Шаламове от 26 июля 1957 года. Агент сообщал:

Шаламов считает также, что из-за того, что вся литературная общественность с силой набросилась на книгу Дудинцева и просто-таки раздавила ее (а книга эта, по мнению Шаламова очень слаба и неинтересна, как с художественной, так и с идейной стороны), тем самым преградив возможность выхода и написания новых книг, по сути своей отражающих свободные ленинские принципы и более сильных, с точки зрения художественной, чем «Не хлебом единым» [Шаламов 2013: VII, 481].

Фильм Э. Рязанова «Карнавальная ночь», упомянутый М. Майофис, также стал объектом рефлексии Шаламова, хотя и противоречащей обличительному замыслу авторов ленты. По свидетельству С. Ю. Неклюдова, фильм произвел на него неожиданное впечатление: Шаламов увидел в главном герое Дон Кихота, противостоящего всем:

Помню его рефлексии по поводу фильма «Карнавальная ночь», когда он вышел. Это ведь событие было. Он высказывался в том смысле, что этот герой Ильинского — Огурцов, главный и единственный отрицательный персонаж — герой наподобие Дон Кихота, который борется против всех. У него своя правда, он ее знает, а все против него. Не знаю, насколько это было шуткой, он к шуткам не был склонен. Он был очень мрачным, мизантропическим человеком. Мрачно глядящий на мир и с мрачными реакциями. Я потом, задним числом, подумал, что может он представлял себя на месте Огурцова, в каком-то карикатурном, искаженном виде, в полном противостоянии абсолютно всем [Неклюдов].

Круг чтения и литературных интересов В. Шаламова в 1956–1959 году можно выявить не только из дневников и переписки, но и из доносов

осведомителей. Личность агента (или нескольких агентов) не установлена, по свидетельству С. Ю. Неклюдова, это был человек, вхожий в дом писателя.

В донесении № 1 от 10 апреля 1956 года отмечается, что Шаламов восхищался стихами и переводами Б. Пастернака. Возникал разговор о «сбитом с пути» Леониде Мартынове, его стихи Шаламов читал наизусть. Однако выше всех, по сведениям агента, Шаламов ценил Твардовского, отмечал несправедливость отстранения его от должности главного редактора «Нового мира». Выражая надежду на то, что «звучат» Блок и Цветаева, Шаламов утверждал, что Симонова «на пушечный выстрел нельзя подпускать к поэзии». Агент отмечает, что писатель «посмеялся над юбилеем Достоевского», критикуя забвение Достоевского в СССР [Шаламов 2013: VII, 468].

В донесении № 2 от 11 апреля 1956 года отмечается, что Шаламов производил впечатление человека грамотного и культурного, хорошо знающего современную и классическую литературу, ориентирующегося в течениях: реализм, символизм, декаданс, имажинизм и др. [Там же: 470].

В очень пространным донесении № 3 от 21 июня 1956 года осведомитель приводит цитаты «известного кулацкого поэта Клюева», которого любил Шаламов, разоблачительные цитаты «греховодницы»²³ Цветаевой, которая тоже была уважаема писателем:

Как последний сгас на мосту фонарь —
Я кабацкая царица, — ты — кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю,
Присягай его царице — всех собой дарю²⁴.

Здесь же осведомитель упоминает о том, что Шаламов спешил восстановить литературные связи.

Из донесения № 7 от 23 декабря 1957 года следует, что осведомитель был дома у В. Шаламова и О. Неклюдовой и вел с ними беседы о литературе. В разговоре упоминался Б. Слуцкий, с которым Шаламов дружил и чьи стихи очень ценил.

В середине 50-х годов происходит реанимация литературных журналов, которые играют главную роль в развитии литературы оттепели. Еще находясь в Туркмене, В. Шаламов внимательно следил за ними, что отражено в его переписке. Для него это было большой надеждой на публикацию стихов и рассказов, что отчасти реализуется в конце 50-х – начале 60-х гг.: стихи попадают в журналы «Москва», «Юность»²⁵, «Знамя», «Поэзия Севера», «Сельская молодежь»²⁶, альманах «День поэзии».

²³ Выражение доносителя: «Несколько слов о Цветаевой. Она ужасная греховодница».

²⁴ Цитируется по опубликованному тексту донесения. Стихотворение «Кабы нас с тобой — да судьба свела» вошло в сборник 1922 г. «Версты».

²⁵ Учрежденная в 1955 году «Юность» под руководством В. Катаева формирует новую литературу «молодых для молодых», бунтующих против догм поэтов и прозаиков. Здесь печатаются Анатолий Гладилин, Анатолий Приставкин и Василий

Одним из главных литературных журналов оттепели являлся «Новый мир», который, при главном редакторе А. Т. Твардовском,

стал магнитом для людей, жаждущих правды, стремившихся широко и свободно мыслить, проклинавших сталинский террор [Лакшин: 7].

С «Новым миром» Шаламов начнет сотрудничать в конце 50-х годов, однако это сотрудничество не откроет возможностей для публикаций.

Итак, пятидесятые годы для Варлама Шаламова были временем больших надежд. Возвращение из лагеря и реабилитация открывали возможность возвращения к литературной работе, которой он займется в журнале «Москва». Литературные дискуссии, выступления поэтов в лектории Политехнического музея, активная журнальная жизнь напоминали ему, в первую очередь, 20-е годы, которые для него являются главным периодом жизни. Несмотря на скептицизм, обусловленный тяжелейшим лагерным опытом, Шаламов сказал С. Ю. Неклюдову: «Ничего лучше Хрущева при советской власти быть не может».

2.2. Работа В. Шаламова в журнале «Москва»

Возвращение Шаламова в литературный мир связано с двумя событиями: общение с Б. Л. Пастернаком в 1953 году и женитьба на писательнице О. Неклюдовой в 1956 году. Необходимо уточнить, что это было не возвращение, а новое вхождение в литературные круги, поскольку, когда Шаламов вернулся в Москву, почти никого из его прежних знакомых уже не осталось в живых. Все отношения, кроме не очень обширных лагерных связей, были новыми для писателя. Для литературного мира Москвы он был человеком почти неизвестным, представителем волны, пришедшей в советский мир из лагерей после XX съезда и реабилитации. Журналистский опыт Шаламова описан в статьях А. Гавриловой «Работа Шаламова в журнале “Москва” в 1956–1958 гг.» и «...Сыграл огромную роль в истории советской литературы» [Гаврилова 2013; Гаврилова 2015]. Рассмотрение и расширение этого сюжета позволит нам прояснить и круг интересов и чтения Шаламова в этот период.

В 1957 году Шаламов начал работать внештатным корреспондентом в журнале «Москва», где публиковал заметки «общекультурного характера» в рубрике «Смесь» и свои стихи, по словам самого Шаламова, отцензурированные «стихи-калеки». Биограф В. Шаламова В. В. Есипов сообщает об этом периоде, как о вынужденной изматывающей работе, которой, однако, Шаламов был доволен:

Аксенов, публикует свои ранние рассказы Фазиль Искандер, печатают стихи Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский.

²⁶ В журнале «Сельская молодежь» опубликованы рассказ «Стланик» (1965. № 3) и стихотворение «Первый снег» (1966. № 2).

А устроиться на работу в журнал «Москва» помог его старый и верный товарищ еще по 1920-м годам Яков Гродзенский, у которого в редакции работал ответственным секретарем друг его детства писатель П. Подляшук. Несмотря на нищенский гонорар внештатника, Шаламов был доволен, ведь за время работы в «Москве» он опубликовал здесь пять своих стихотворений («Ода ковриге хлеба», «Шесть часов утра», «Ветер в бухте», «Сосны срубленные», «Память» — Москва. 1958. № 3), ну и больничный лист за пребывание в Боткинской больнице ему оплатил по ходатайству журнала Литфонд [Есипов 2102: 235].

Удовлетворение от этой работы могло быть связано с тем, что после принудительного физического труда на Колыме и работы на торфоразработках Калининской области Шаламов был занят интеллектуальным трудом, снова, как в 20-е годы, посещал Ленинскую библиотеку, а также с тем, что его, наконец, печатали.

Стихи из «Колымских тетрадей» также появились в 1957 году в журнале «Знамя» (№ 5). В «Москве» Шаламов публиковался как под своей фамилией, так и под псевдонимами: В. Тихонов и В. Ш.

За недолгий период работы в «Москве» Шаламов опубликовал несколько важных очерков, которые расширяют представление о масштабах и направлениях его размышлений. Первый — «Адресная книга русской культуры». Изначально очерк готовился как комментарий к гравюрам известного художника, художественного редактора издательств «Искусство», «Молодая гвардия» А. И. Мищенко.

С одной стороны — это довольно обстоятельная (12 полос) «экскурсия» по литературным местам Москвы — Москвы Третьяковского, Ломоносова, Пушкина, Грибоедова, Чехова и так далее. Каждый адрес сопровождается подробным комментарием, цитатой, с ним связанной (можно представить объем работы, проделанный вологжанином Шаламовым, год назад вернувшимся из лагерей, да и до этого жившего в Москве не так долго). С другой стороны — писатель предпринимает попытку создания литературной карты Москвы, которой до этого не существовало и о необходимости которой прямо говорит в заключении:

Нам кажется, что должна быть создана литературная карта Москвы. Не обычным экскурсионным справочником, а массовым, дешевым, умещенным на газетном листе изданием с приложением лишь кратчайших сведений без всяких комментариев должна быть эта литературная карта. Не только школьникам всего Союза пригодилась бы она, но всем людям, которые любят литературную историю города. Вряд ли встретятся большие трудности в издании подобной карты [Шаламов 1957б: 220].

«Адресная книга» — новый документ, подтверждающий то, что В. Шаламова волновала не только «лагерная» тема: писатель много работал над изучением истории культуры и литературы, что позже отразится в десятках очерков и эссе. «Адресная книга» была хорошо воспринята в редакции, о чем свидетельствует фрагмент переписки главного редактора «Москвы» Н. Атарова и П. Подляшука:

Н. С. Атарову

Прошу ознакомиться с текстом В. Шаламова к гравюрам Мищенко. На мой взгляд, требуется несколько успокоить начало и конец, а сделано добротно.

П. Подляшук

Отличный материал! За него нас поблагодарят читатели! Готовить срочно в № 5 силами отдела очерка. Обеспечивать консультацию точности. Успокаивать по крит. замечаниям нет надобности — ведь если сейчас, при таком строительстве в Москве не выкроят для мемориальных музеев 2–3 тысячи кв. м. — то когда же? Надо оставить критику!

Н. А.

PS И надо договориться с Мищенко о Москве композиторов и ученых.

Н. А. [Гаврилова 2013].

Другой значимый текст, опубликованный Шаламовым в журнале «Москва» в 1958 году, — статья «Первый номер “Красной нови”». Первый номер литературно-художественного и научно-публицистического журнала «Красная новь», учрежденного Лениным и Горьким, вышел в 1921 году и был важнейшей вехой в истории литературы 20-х годов. Воронский, руководивший журналом, фактически создавал новую советскую литературу — отыскивая молодых писателей, осознанно принимавших Октябрьскую революцию. По воспоминаниям Всеволода Иванова:

Воронский ходил из кружка в кружок, сидел на обсуждении, а затем выпрашивал слушателей — кого из молодых писателей они считают наиболее талантливым? Писатель, набравший наибольшее количество одобрительных отзывов, получал от него предложение публиковаться в «Красной Новии» [Иванов: I, 63].

Дома у Воронского собирались все самые значимые писатели и поэты 20-х: Есенин, Пильняк. Бабель, Иванов, Зощенко, Пастернак и другие. В работе «Дом правительства» Ю. Слезкин называет Воронского вдохновителем и диктатором советской литературы 20-х:

В течение двух лет Воронский был верховным издателем, вдохновителем, диктатором и пропагандистом советской литературы. Его работа состояла в отделении зерен от плевел и выращивании здоровой поросли. «Политическая цензура в литературе, — писал он о своей первой задаче, — вообще очень сложное, ответственное и очень трудное дело и требует большой твердости, но также эластичности, осторожности и понимания». Как он объяснял Замятину: «За это мы платили кровью, ссылками, тюрьмами и победами, ведь было же время, когда мы вынуждены были молчать... пусть помолчат теперь «они» [Слезкин: 261].

Согласно Слезкину, Воронский был автором новой, подлинно марксистской теории литературы, опиравшейся на Белинского, Плеханова, Фрейда и Бергсона. Литература — это не орудие классовой борьбы, а способ познания мира. Воронский не видел в этой теории противоречия с диктатурой пролетариата, считая, что Лениным двигало то же, что должно двигать и писателями, — вдохновение. Это привело к конфликту с «пролетарскими» писателями и Серафимовичем.

Для Шаламова было важным напомнить о том времени, когда в культуре и литературе происходили дискуссии, высказывались разные точки зрения, имела место борьба мнений и позиций. Уже к началу 30-х годов дискуссии были прекращены, а литературные группы разогнаны. А. Воронский был расстрелян в 1937 году. Шаламов, по сути, предпринимал попытку реконструировать историко-культурные и литературные процессы 20-х годов, о которых несколько десятилетий государство предпочитало не вспоминать:

Наверное, нет и не было в Советском Союзе писателя, для которого выход первого номера первого литературно-художественного журнала отмечен был с такой особенной яркостью, как для Всеволода Иванова. Повестью Иванова «Партизаны» открылась «Красная новь» [Шаламов 2013: VII, 223].

Воспоминания Шаламова о двадцатых годах — важный документ эпохи, поскольку, как сам он написал в 70-е в очерке «Александр Константинович Воронский»:

Что происходило во второй половине тридцатых годов, стало возможно рассказать в куцем виде лишь через тридцать лет. О двадцатых же годах и сейчас ничего правдивого не напечатано [Там же: IV, 577].

Тема эта важна для Шаламова еще и потому, что он был лично знаком с Воронским. С его дочерью, Галиной Александровной Воронской он встретился на Колыме, в Центральной больнице для заключенных. В архиве Шаламова сохранилась переписка между ним и Г. Воронской, длившаяся с 1957 по 1977 год. Важность темы и энергия, с которой Шаламов продвигал ее в журнале «Москва», подчеркивается письмом к Галине Александровне и ее супругу:

После ряда самых энергичных моих демаршей, статья-заметка о «Красной Нове» была напечатана (в майском № 5 «Москвы») и если это хоть в какой-то мере — не то, что поможет, а просто подбодрит Галину Александровну — я буду очень рад [Там же: VII, 308].

Кроме того, для Шаламова, впервые арестованного за распространение «Завещания Ленина», важно то, что «Красная новь» была создана по инициативе Ленина, статья которого была опубликована в первом номере. Но самым главным для Шаламова было вернуть имя репрессированного А. К. Воронского. Этим он будет заниматься всю жизнь: уже в 70-е годы он написал очерк «Александр Константинович Воронский», в котором обстоятельно описана ситуация в литературе 20–30-х годов, критическим мышлением на тему «литература и власть».

Статья «Первый номер “Красной нови”» вышел в журнале «Москва» с значительными цензурными сокращениями. В частности, цензуре подверглось упоминание разговора Ленина с Горьким, в котором говорится о предстоящем голоде:

Горький принес пачку книг, изданных в Берлине, Горьким и Гржебиным, и показал Владимиру Ильичу. Ленин взял в руки сборник древних индийских сказок, полистал.

— По-моему, — сказал он, — это преждевременно.

Горький ответил:

— Это очень хорошие сказки.

Владимир Ильич заметил:

— На это тратятся деньги.

Горький: — Это же очень дешево.

Ленин: — Да, но за это мы платим золотой валютой. В этом году у нас будет голод.

Мне показалось тогда, что столкнулись две правды; один как бы говорил: «Не о хлебе едином будет жив человек»; другой отвечал: «А если нет хлеба...» И мне всегда казалось, что вторая правда, правда Владимира Ильича, сильнее первой правды [фрагмент удален] [Шаламов 1958: 1].

Также удалены упоминание Кронштадтского мятежа, диалоги Всеволода Иванова с Горьким. Подвергнута цензуре и информация о гонорарах в голодные годы, свидетельства А. К. Воронского о том, как выписывались продуктовые гонорары на имя Горького:

А. К. Воронский рассказывает, как однажды по договоренности с членами правительства он выписал продукты на имя Горького и явился за получением в склад. Однако кладовщик-латыш, просмотрев документы, сказал, что одному человеку он не может выдать пуд сахара, пуд мяса и т. д. Что это за Горький, которому столько понадобилось? Ответственный редактор решил не вдаваться в подробности. «Горький болен», — сказал он латышу. «Болен, так пусть и получает по больничной норме. Такие нормы у нас есть». Пришлось созваниваться о выдаче особо и, в конце концов, «пак Горького», сильно урезанный был, получен. Ответственный редактор набил продуктами два мешка и оттащил их к себе в комнату в Первом доме Советов (ныне гостиница «Националь» на улице Горького). Продукты за ночь растаяли, и на полу образовалась мутная лужа, что весьма встревожило ответственного редактора. К счастью, на утро один из сотрудников Госиздата помог ответственному редактору распределить среди сотрудников журнала «горьковский пак» [фрагмент удален] [Там же].

Всего в 1957–1958 году Шаламовым опубликовано 11 статей и подборка стихов²⁷. В архиве находится неопубликованный материал «Поэты

²⁷ Сто пятьдесят семь мемориальных музеев (подпись — В. Шаламов). Статья. № 1, 1957. с. 212–213.

Цифры фестиваля (подпись — В. Шаламов). Статья. № 3, с. 205–207.

Адресная книга русской культуры (подпись — В. Шаламов). Статья/илл. А. Мищенко, № 5, 1957. с. 209–220.

Одежда улиц (подпись — В. Ш.) Очерк. № 6, 1957. с. 222–223.

Двести квартир в день (подпись — В. Шаламов). Статья. № 8, 1957. с. 219.

Чайковский-поэт (подпись — В. Шаламов). Статья. № 9, 1957. с. 220–221.

Из московской статистики (подпись — В. Шаламов; совместно с Н. Маром) Обзор. № 10, 1957. с. 208–211.

Первая картина Третьяковской галереи (подпись — В. Ш.). Статья. № 1, 1958, с. 217–218.

Арсенал революции (подпись — В. Шаламов). Статья. № 2, 1958. с. 214–215.

Стихи: «Ода ковриге хлеба», «Шесть часов утра», «Ветер в бухте», «Сосны срубленные», «Память» (подпись — В. Шаламов). № 3, 1958. с. 214–215.

Подмосковья», посвященный поэту-художнику Павлу Радимову и художнику Юрию Пименову, и серия статей «Памятники писателям в Москве».

В целом, опыт работы в журнале «Москва» для В. Шаламова не был положительным. Его тексты цензурировались, стихи выходили «калеками», а кроме того, сказывалось большое несогласие с редакционной политикой и с главным редактором Николаем Атаровым. В записных книжках Шаламова «Москве» посвящены несколько критических высказываний. Он считает Атарова неподходящим, эстетически неуверенным человеком, обвиняет его в капризности, неумении отличить малое от большого, завоевать авторитет, построить журнал. Связано это и с тем, что Атаров не поддерживал предложений Шаламова по новым темам:

Лично я в те небольшие десять месяцев, что я проработал там в отделе информации-хроники, получил от Атарова полный отказ по трем моим предложениям.

1) Кумранские рукописи. — Это очередная афера. Я даже знакомиться с секретарем Бонч-Бруевича не хочу.

2) Воронский. — Это не нужно все. Надо доказывать, что тот-то — не троцкист...[нрзб]

3) «Синяя блуза». Хотя Брехт был уже в Москве, Борис Южанин был еще жив, и могли бы по «Синей блузе» получить очень важный материал» [Шаламов 1960а: 1–27].

По словам Шаламова, главный редактор Атаров заявил о том, что не знает, что такое «Синяя блуза», что означало его полную эстетическую несовместимость с человеком двадцатых годов Шаламовым. Статья о «Красной нови» вышла уже после снятия Атарова с должности в 1958 году.

Шаламов прекратил сотрудничество с журналом «Москва» в 1958 году по ряду причин: несогласие с редакционной политикой, неоправдавшиеся надежды на публикацию стихов и прозы, конфликт с главным редактором и тяжелая болезнь, которая затрудняла регулярную журналистскую работу.

2.3. Диалог с Б. Пастернаком о поэзии и прозе

2.3.1. Знакомство с Пастернаком и его значение для В. Шаламова

Борис Пастернак — одна из главных фигур для Шаламова, «живой Будда», безусловный поэтический и моральный авторитет. Словосочетание «живой Будда» как синоним моральной чистоты появляется у Шаламова неоднократно. В цикле стихов, посвященных Пастернаку мы находим стихотворение «Орудье высшего начала»²⁸:

Первый номер «Красной нови» (подпись — В. Шаламов). Статья. № 5, 1958, с. 217–218. Кто избрал баян? (подпись — В. Шаламов). Статья. № 12, 1958 с. 212–213 [Гаврилова: 208].

²⁸ Впервые опубликовано в журнале «Юность» (1969. № 3).

Орудье высшего начала,
Он шел по жизни среди нас,
Чтоб маяки, огни, причалы
Не скрылись навсегда из глаз.

Должны же быть такие люди,
Кому мы верим каждый миг,
Должны же быть живые Будды,
Не только персонажи книг.

Как сгусток, как источник света,
Он весь — от головы до ног —
Не только нес клеймо поэта,
Но был подвижник и пророк
[Шаламов 2013: III, 383].

Интересно, что убежденный атеист Шаламов выбрал нравственным критерием оценки людей религиозный образ. Исследовательница Мирей Берютти отмечает эту особенность мировоззрения писателя:

Всю жизнь Шаламов стремился встречать «живых Будд». Они были нужны ему и как человеку, и как художнику. Он искал своих Будд среди современников, старших писателей. Находясь еще в колымской ссылке, он приветствовал в Пастернаке этого Будду: в стихах и в письмах, потом во время редких встреч ... вплоть до горького разочарования.

Будда просвещал людей, которые живут, как он считал, с рождения до смерти в постоянных страданиях. Он вел аскетический образ жизни и побуждал других его вести, как лекарство от зла. Он учил, ставя себя в пример. Шаламов жаждал общения с людьми, похожими на Будду и, вероятно, подспудно сам стремился играть подобную роль. Ведь лучше всего ему подходит имя носителя истины, достигнутой ценою крови, и учителя [Берютти: 148].

Чувство огромного уважения и восхищения Пастернаком Шаламов высказывал неоднократно в записях, переписке, заметках, в цикле стихотворений на смерть Пастернака («На похоронах»), статье «Несколько замечаний к воспоминаниям Эренбурга о Пастернаке», в воспоминаниях о Пастернаке. В мемуарной статье «Кое-что о моих стихах» Шаламов написал:

Я прочитывал не только стихи Пастернака, но и всех тех, которые участвовали с ним в ранних изданиях. <...> Впечатление подлинной новизны, открытия нового мира в «Сестре моей жизни» и в «Темах и вариациях» сохранялось неизменно. И «Лейтенант Шмидт», и «1905 год» — все принималось мной безоговорочно. <...> Это был самый подлинный поэт. <...> В тридцатые годы написано мною несколько десятков стихотворений. Стихи не сохранились. Думаю, что они испытали влияние Пастернака. Это влияние тем более было опасно, что оно переплеталось, сливалось с влиянием на меня поэта, с которым я только что познакомился, был увлечен его секретами очень сильно [Шаламов 2013: V, 95].

Шаламов начал записывать стихи после большого перерыва на Колыме, в Севвостлаге, попав с тяжелых физических работ на место фельдшера в больнице. При первой же возможности Шаламов отправил стихи

на «большую землю» именно Пастернаку, своему кумиру — единственному оставшемуся в живых авторитету и свидетелю 20-х годов. В очерке «Пастернак», Шаламов описал это событие очень эмоционально:

Это был человек, живой человек, благодаря которому я не утратил веры в поэзию, живой человек, о встрече с которым я когда-то мечтал, человек, которому я послал плохие стихи, написанные на обрывках бумаги, тайком от конвоя, от надзирателей, от товарищей. И не стыд, не поэтическая скромность заставляли меня таиться, а страх за собственную жизнь, боязнь доноса, боязнь «дела». Где уж тут было править стихи! Да и стихи ли были в этих двух лагерных тетрадках, увезенных на самолете едущим в отпуск знакомым врачом. Отправленные тогда, когда надежд на возвращение, на то, что я умру не на Колыме, не было [Шаламов 2013: IV, 589].

Ответ на письмо неизвестного ему поэта — редкий случай в биографии Пастернака, который признался: «я склоняюсь перед нешуточностью и суровостью Вашей судьбы». Как вспоминает сын Пастернака, Евгений Борисович:

Встречи с Шаламовым могли быть для Пастернака чем-то поддерживающим, особенно поначалу. Первое письмо из ссылки было просто потрясением, он узнал, что его читают там [Пастернак 2012].

Переписка началась в 1952 г. и охватила широкий спектр тем — отношение к поэзии, стихи Шаламова, творческую эволюцию Пастернака, место прозы в творчестве поэта, роман «Доктор Живаго» и многое другое.

Первое письмо с двумя тетрадами стихов от 22 февраля 1952 года пока не претендовало на долгий разговор на равных, а скорее являлось данью уважения. Поддержка Пастернака была необходима Шаламову после 17 лет унижения лагерей, для возвращения к жизни и оценки своих сил:

Борис Леонидович.

Примите эти две книжки, которые никогда не будут напечатаны и изданы. Это лишь скромное свидетельство моего бесконечного уважения и любви к поэту, стихами которого я жил в течение двадцати лет [Шаламов 2013: VI, 7].

Первая же встреча состоялась на следующий день после возвращения Шаламова с Колымы. Пастернаку в творчестве Шаламова посвящены отдельные заметки, разрозненные воспоминания, рассказ «За письмом», цикл стихотворений, написанных после похорон поэта; продолжением их бесед являются многие статьи и эссе Шаламова. Большой очерк, получивший заглавие «Пастернак», стал итогом его размышлений, работой, в которой Шаламов пишет как об истории взаимоотношений с поэтом, так и излагает подробности их бесед. В архиве Шаламова в РГАЛИ сохранилось более 20 отрывочных записей с подзаголовком «Пастернак» или «П». Среди них наиболее завершенный вид имеют записи, датированные «60-е годы»: «Пастернак в колесе Холодной войны» и «Недостающее звено биографии Пастернака». Последняя — наиболее близкая к варианту, опубликованному в собрании сочинений Шаламова и известная читателю как очерк

«Пастернак». Исследовательница архива Шаламова Анна Гаврилова отмечает, что записи о Пастернаке 1953–1954 гг. делались осторожно, с оглядкой на возможность ареста, поэтому содержат недоговоренности, умышленные пропуски [Гаврилова 2019: 1].

Елена Михайлик в работе «Зона двуязычия: «Колымские рассказы как генеративная машина» высказывает мнение, что Пастернака и Шаламова сближало нахождение в одном временном потоке, близость языка и одинаковое (по видению Шаламова) понимание судьбы страны:

Пастернака Шаламов тогда считал носителем того языка, которым можно рассказывать важные, последние вещи. И современником. То есть человеком, живущим в том же временном потоке, — очень важное обстоятельство в обществе, где к началу пятидесятых историческое время окончательно стало дискретным. Цензура; региональные различия; разница в опыте; массовое образование и перемены в нем; Вторая мировая, перевесившая вывески, переставившая ударения и сделавшая двадцатые и тридцатые из времени послереволюционного временем довоенным, а дореволюционные времена — доисторическими. Страна незримо рассоединилась слоями по новому критерию: какое прошлое человек помнит — и на каком языке он его помнит.

У Шаламова и Пастернака совпадений было меньше, чем думали оба, но именно собеседников и современников они будут искать друг в друге, и именно Пастернаку в 1956 году Шаламов подарит множество подробностей лагерного быта — в надежде, что те войдут в «Доктора Живаго», новый роман, одновременно охватывающий советское и внесоветское историческое пространство [Михайлик: 97].

Шаламов передал Пастернаку тетради со стихами, написанными на Колыме. В переписке они обсуждали присланное с точки зрения теории стиха, назначения рифмы. В одном из писем Шаламов отмечал:

Я плохо знаком, почти незнаком с литературной терминологией и зачастую сам для себя придумываю определения и без них потом не могу обойтись [Шаламов 2013: VI, 54].

В письмах, датированных мартом 1953 года, Шаламов признавался в своей писательской неопытности, говоря о том, что не умеет писать не только писем, но и стихов и рассказов. Тем не менее его рассуждения в письмах далеки от дилетантских. Ответные письма Пастернака также лишены снисхождения «старшего коллеги», первое письмо начинается развернутым самоанализом, в котором Пастернак объясняет Шаламову, почему сегодня он считает те самые стихи, которые тот слушал в клубе МГУ в 1933 году, несостоятельными. Как отмечает Н. Иванова в статье «Варлам Шаламов и Борис Пастернак: к истории одного стихотворения», Пастернак отрицает «фальшивые» 20-е годы:

Пастернак все, кроме ранних (двух!) стихотворений, и «себя позднего», подчеркивает — и подробно аргументирует свое аутодафе. От чего отрекается Пастернак? От «футуризма» в своем исполнении. От «Тем и вариаций». От стихов и поэм, от 20-х годов «с их фальшью» — «именно тогда сложилась <...> чудовищная «советская» поэзия, эклектически украшательская». В этом письме

Шаламову Пастернак произносит свою ставшую знаменитой формулу: «Не утешайтесь неправотою времени. Его нравственная неправота не делает еще Вас правым, его бесчеловечности недостаточно, чтобы, не соглашаясь с ним, тем уже и быть человеком» [Иванова 2007: 200].

Шаламов же в письмах неизменно обращается к 20-м годам, которые для него пока единственное осязаемое время жизни после семнадцати лет лагерного небытия. Для него это время — не фальшивое, в этом он не согласится с Пастернаком никогда. В черновиках к очерку «Пастернак» он записал свое первое впечатление от письма Пастернака:

Я читал этот бесстрашный документ на Колыме в кают-компании приемного покоя у Португалова²⁹. Было ясно, что Пастернак ничего не понял ни во времени, ни во мне, ни в моих стихах. А может быть менее всего в самом себе [Шаламов 1960б: 121].

2.3.2. Дискуссия о романе «Доктор Живаго»

Наиболее интересным для рассмотрения теории прозы Шаламова и его эстетической позиции является обсуждение романа Пастернака «Доктор Живаго». Шаламов был одним из первых читателей рукописи, что свидетельствует не только о доверительном отношении Пастернака, но и о ценности мнения Шаламова для него. Получив и прочитав черновую рукопись незаконченного романа, Шаламов написал Пастернаку письмо с подробнейшим изложением своих впечатлений и предварительных соображений, отмечая и недостатки текста. Он также рассказал Пастернаку о том, что еще на Колыме в случайно возникавших литературных спорах он предсказывал появление и судьбу «Доктора Живаго»:

Я, соглашаясь с характеристикой выходящих романов, выражал тогда надежду, что русская литература не прервется, что кто-нибудь настоящий и большой напишет такой роман, который, может быть и будет разорван изголодавшейся на казенных романах критикой в куски, но все разорванные части, как в русской сказке, срastутся и роман будет снова жить [Шаламов 2013: VI, 35].

Позднее в заметках «О прозе» Шаламов написал о том, что «Доктор Живаго» — последний русский роман (напомним, что до этого он называл таковым «Петербург» А. Белого). «Доктор Живаго», по его мнению, это крушение классического романа, крушение писательских заповедей Толстого, хотя и написан по писательским рецептам Толстого. По мнению Шаламова, это роман-монолог, без «характеров» и прочих атрибутов романа XIX века:

²⁹ Португалов Валентин Валентинович (1913–1989) — поэт, переводчик, был репрессирован, работал в КВЧ (культурно-воспитательной части) Центральной больницы для заключенных, где в это время были фельдшерами В. Т. Шаламов и А. З. Добровольский. Упоминается в рассказе Шаламова «Афинские ночи».

В «Докторе Живаго» нравственная философия Толстого одерживает победу и терпит поражение художественный метод Толстого [Шаламов 2013: V, 144].

Шаламов подробно, страницу за страницей проанализировал роман, комментируя, в первую очередь, его достоверность. Это наиболее важная для писателя характеристика литературного произведения, что позже стало одной из центральных тем его теоретических размышлений. Единственное существенное возражение Шаламова вызывал народный язык в романе.

Шаламов упрекал Пастернака в лубочности, неестественности народного языка, и тут тоже сказывается разница происхождения и опыта двух писателей: Пастернак фиксирует свои представления о народном языке, в то время как Шаламов опирался на свой опыт соприкосновения с этим явлением в лагере:

Теперь о том, что мучает меня, что так дисгармонично книге <...> явлению грубому, резко кричащему, выпадающему из всего музыкального ключа романа. Я говорю о языке простого народа в Вашем романе. Именно о языке, а не психологической оправданности поступков этих людей. Ваш язык народа — все равно, рабочий ли это, крестьянин ли или городская прислуга, Ваш народный язык — это лубок, не больше. Кроме того, у Вас он одинаков для всех этих групп, чего не может быть даже сейчас, а тем более раньше, при большей разобщенности этих групп населения.

Я знаю этот язык и знаю слишком. Словарь там беден, бедность словаря компенсируется преимущественно интонационно за счет пересыпания речи матерной бранью, ну, а без нее язык не включает в себя никаких «блезиров». В крестьянском быту больше поговорок, обыкновенных широко известных, больше отцовских примеров. Язык городской прислуги боек и в общем чист, рабочие тоже говорят обыкновенным языком и даже не любят словесных узоров, всяких художественных расцветок» [Там же: VI, 45].

Тем не менее, «Доктор Живаго» для Шаламова — весомая проза, требующая внимания и читательских усилий. Он также обратил внимание на то, что в отличие от множества произведений мировой литературы, где нет думающих героев, к мыслям Веденяпина, Лары, Живаго можно возвращаться много раз.

22 декабря 1955 года Пастернак отправил Шаламову рукопись второй части романа с просьбой не утруждать себя подробным отзывом, достаточно будет двух-трех слов, чтобы все понять, пишет он. Однако отзыв Шаламова был очень подробным и уже менее восторженным, замечаний в нем намного больше, поскольку в рукописи возникает тема лагеря, в которой Пастернак, не имевший подобного опыта, по мнению Шаламова, не слишком уверен.

Отмечая новизну развития главного героя, Шаламов указывал на яркость сцен, необычность поворотов, полное отсутствие фальши в судьбах главных героев. Он был разочарован финалом судьбы Юрия Живаго (хотя и написал: «Мне, правда, по первой части иначе рисовалось развитие романа, но и так хорошо»), более того, представил свою версию судьбы Живаго:

Мне думалось, что вот интеллигент, брошенный в водоворот жизни революционной России с ее азиатскими акцентами, водоворот, который, как показывает время, страшен не тем, что это — затопляющее половодье, а тем растлевающим злом, которое он оставляет за собой на десятилетия. Доктор Живаго будет медленно и естественно раздавлен, умерщвлен, где-то на каторге. Как добивается, убивается XIX век в лагерях XX века. Похороны где-нибудь в каменной яме — нагой и костлявый мертвец с фанерной биркой (все ящики от посылок шли на эти бирки), привязанной к левой щиколотке на случай эксгумации [Шаламов 2013: VI, 64].

Вторая часть романа вызвала у Шаламова желание спорить. Это спор одновременно литературный и мировоззренческий. Первый предмет спора — отношение к физическому труду. Шаламов был категорически против его поэтизации, он считал физический труд проклятием человечества. Нет ничего привлекательного в усталости от физической работы, она только мешает думать, считал Шаламов. Не принял он и эпизодов, связанных с войной, хотя тут Шаламов и Пастернак находились примерно в одинаковых позициях — Шаламов на войне не был и в своем понимании войны ориентировался на книгу В. Некрасова «В окопах Сталинграда».

Но наиболее существенные замечания касались лагеря. В частности, Пастернак не знал, что лагерь с 1929 года называется исправительно-трудовым, а не концентрационным.

Ответа на эти замечания в переписке Пастернак не давал, и не вносил изменений в текст. Рассмотрим для сравнения один фрагмент:

Роман «Доктор Живаго»

Партию вывели из вагона. Снежная пустыня. Вдалеке лес. Охрана, опущенные дула винтовок, собаки-овчарки. Около того же часа в разное время пригнали другие новые группы. **Построили широким многоугольником** во все поле, спинами внутрь, чтобы не видали друг друга. Скомандовали на колени и под страхом расстрела не глядеть по сторонам, и началась бесконечная, на долгие часы растянувшаяся, унижительная процедура переклички. И все на коленях. Потом встали, другие партии развели по пунктам, а нашей объявили: «Вот ваш лагерь. Устраивайтесь как знаете». Снежное поле под открытым небом, посередине столб, **на столбе надпись «Гулаг 92 Я Н 90»** и больше ничего [Пастернак 2004: 502].

Письмо Шаламова

Лагерь (он давно — с 1929 г. называется не концлагерем, а исправительно-трудовым лагерем (ИТЛ), что, конечно, ничего не меняет — это лишнее звено цепи лжи) описан неверно. Никаких столбов там не бывает — ГУЛАГ — это название Гл. управления. Прямоугольник арестантов с лицами наружу — не бывает так. Это незачем — ведь они неизбежно будут работать вместе. Перекличек там действительно много — раз 20 в день. Фамилия, имя, отчество, статья, срок — по такой вот краткой схеме. Первый лагерь был открыт в 1924 г. в Холмогорах, на родине Ломоносова. Там содержались главным образом участники Кронштадского мятежа (четные №, ибо нечетные были расстреляны на месте, после подавления бунта) [Шаламов 2013: VI, 66].

Шаламов приводит «случайные картинки» настоящего лагеря — те, которые станут основой художественной системы «Колымских рассказов», заключая, что суть лагеря:

...в растлении ума и сердца, когда огромному большинству выясняется день ото дня все четче, что можно, оказывается жить без мяса, без сахара, без одежды, без обуви, а также без чести, без совести, без любви, без долга. Все обнажается, и это последнее обнажение страшно [Шаламов 2013: VI, 68].

Подводя итог размышлениям о переписке о «Докторе Живаго», Н. Иванова отмечает:

Аргументы Шаламова убедительны, но для романа (состоявшегося, написанного) бездейственны. Каждый остается при своей правде, прежде всего художественной, как он ее понимает, — Пастернак; правде искусства как документа — Шаламов. Для того чтобы ответить на вторую часть романа, письма Шаламову мало — он ответит своей прозой, «Колымскими рассказами», конспект, вернее *заявку* на которые он поместил в этом письме [Иванова 2007: 201].

В 1956 году переписка обрывается из-за разрыва отношений между В. Шаламовым и О. Ивинской. Пастернак навсегда остался для Шаламова нравственным и художественным ориентиром. Даже несмотря на категорическое несогласие с отказом Пастернака от Нобелевской премии и некоторые критические высказывания в поздних записях 70-х годов, Шаламов не изменил отношения к нему, всю жизнь собирая в заметках и очерках свои разговоры с ним, мысли о поэзии Пастернака, его влиянии на русскую литературу и на него самого.

2.4. Размышления В. Шаламова о литературе в эпоху «оттепели»

Размышления В. Шаламова о литературе, особенно о прозе в 50-е годы зафиксированы довольно фрагментарно, так же как информация о его чтении. Выше уже упоминалось письмо Пастернаку, в котором Шаламов рассказывает о попытке наладить чтение и «прочсть хоть что-то из недочитанного за 17 лет». Можно сказать, что эстетическое самоопределение Шаламова еще не произошло — он начинает писать «Колымские рассказы» и в процессе работы над ними формулирует свою теорию новой прозы. По мнению Е. Михайлик, такая тематика идет вразрез с литературным процессом того периода, что вполне можно объяснить особенностью судьбы писателя, спецификой его быта:³⁰

1954 год. Времена литературных манифестов и теоретического самоопределения давно прошли или еще не наступили. Шаламов, как обычно, шел вне

³⁰ В первую очередь тем, что на «101 километре» Шаламов от этого процесса значительно удален, несмотря на огромные усилия, предпринимаемые им для того, чтобы налаживать связи.

расписания. То, что лихорадочно писалось на калининских торфоразработках, он называл новой прозой. Иногда — прозой будущего. По обстоятельствам пятидесятых оба термина покушались на основы, ибо после провозглашения соцреализма никаких ниш для нового искусства официальная система не предусматривала.

Оба термина восходили к языку двадцатых — и уже в силу этого опять-таки были вызовом вневременному соцреалистическому «неоклассицизму» и идеям, его породившим. Вызов этот, как мы полагаем, был вполне осознанным. Шаламов возражал насаждаемой вечности с точки зрения конкретного времени, «реализму» советской религии — с точки зрения «номинализма», идеалу — с точки зрения материала, идеологии — с точки зрения литературной традиции. Не возведенной в абсолют, а живой, продолжающейся [Михайлик: 97].

Пока словосочетание «новая проза» или «проза будущего» в высказываниях Шаламова не появляется, писатель только подступал к этой формулировке, которая возникнет в его записях в 60-е годы. Тем не менее, определенная работа по систематизации суждений о литературе им ведется.

В тетради за 1954 год находятся фрагменты, посвященные творческому методу, в частности, значению детали в литературе. Позднее, и в текстах о новой прозе, и в рецензиях на рукописи самодельных авторов Шаламов так же обозначал важность детали для рассказа. В 1956 году он пишет о детали: «Деталь — это то, что связывает нас с нашим общим суждением о мире, это замена этого суждения» [Шаламов 1954: 2].

В тетрадях Шаламова за 1955–56 гг. есть несколько обрывочных записей, посвященных литературе, часто между черновиками стихов и писем. Так, в тетради 1955 г. находится запись о функции литературы: «Литература воспринимает идеи у общества и возвращает ему улучшенными или доведенным до абсурда» [Шаламов 1955: 65]. На следующей странице он оценивает себя с точки зрения пригодности к ремеслу, перечисляя пять чувств, которыми должен обладать поэт:

Пять чувств поэта:

Зрение — полуслепой.

Слух — оглохший от прикладов.

Осязание — отморожены руки нечув.

Обоняние — простужен.

Где тут говорить о тонкости. Но есть шестое чувство творческой догадки [Там же: 66].

В РГАЛИ находятся отнесенные к этому периоду документы, отображающие работу В. Шаламова над сборником теоретических текстов о поэзии; включены также планы сборников статей «О стихах» и «Поэт и современники» [Шаламов 1959а: 1–11]. Второй документ является некоторой систематизацией наблюдений Шаламова, его круга чтения и литературного опыта.

Первый сборник (тетрадь не датирована) — «Поэт и современники» состоит, по замыслу Шаламова из следующих разделов:

1. Гейне и его история.
2. Салтыков-Щедрин и последний год его жизни.
3. Некрасов и Белинский (письма Тургеневу). Герцен, Алексей Толстой
4. Дневник Блока 1921 года медведевского издания
5. Пастернак «Доктор Живаго» (правда и неправда).
6. Вторжение писателей в <нрзб 1 слово> (премьера)
7. Томас Гарди и почему он стал поэтом
8. Толстой и его жизнь напоказ. Его три дневника
9. Кафка и его удивительная судьба
10. Маяковский, его двойственное положение в литературе и жизни в 1930 году
11. Ксения Некрасова и ее скромная и страшная история.
12. Пастернак о Луговском. Пастернак на похоронах.
13. Иван Бунин и что такое эмиграция
14. Шопен
15. Ибсен — двадцать шесть лет эмиграции
16. Ремарк и его лучшие романы, написанные в эмиграции.
17. Лафарг и его смерть [Шаламов 1959а: 1–11].

Для чего предпринималась эта работа — установить невозможно; ни в черновиках, связанных с «Москвой», ни в переписке он об этом не упоминает. Можно лишь отметить, что «проект» сборника состоит как из рефлексий на тему XIX века, так и самых новых событий: включен роман «Доктор Живаго», стихи Ксении Некрасовой (в 1955 году вышел сборник, а в 1958 году она умерла). Интересно включение раздела о Кафке. Если доверять датировке тетради, то на момент фиксации этого замысла переводы новелл Кафки еще не были опубликованы в СССР. Но в журнале «Иностранная литература» (№ 9) была напечатана статья Д. Затонского «Смерть и рождение Франца Кафки», а в 1960 году вышла книга Л. Копелева «Сердце всегда слева. Статьи и заметки о современной зарубежной литературе» (Москва, «Советский писатель», 1960) со статьей «У пропасти одиночества. Ф. Кафка и особенности современного субъективизма». В нескольких статьях — о Ремарке, Бунине, Ибсене, возникает тема эмиграции.

Другие наблюдения можно найти в письмах. На тот момент, кроме переписки с Б. Л. Пастернаком, Шаламов активно общался с А. З. Добровольским, который пока еще находился на Колыме. В одном из писем³¹ Шаламов высказывал свои мысли о Ю. Нагибине, который активно публикуется в этот период. В связи с его творчеством делился некоторыми сообщениями, которые потом стали для него ключевыми, такие как: лаконизм изложения, новизна словаря и видения мира, «мелкотемье»:

Вот Вам краткие сведения о Нагибине, которым Вы интересовались. Мне он не кажется писателем, заслуживающим внимания даже на сереньком фоне художественной прозы нашей. Рассказы его доказывают, что

1) **Лаконизм изложения** (которому он должен бы научиться, изучая язык кино) **отсутствует**. В рассказах много лишнего, затемняющего человека, уводящего от главного.

³¹ Письмо без даты, вероятно, 1955–1956 г.

2) Само по себе главное, не продуманное до четкости, и теряется в виденном, которое Нагибин считает виденным им впервые, а потому заслуживающим внимания.

3) **Вопросы**, которые волнуют Нагибина, **мелки** и не чувствуется, что для себя он занимается и вопросами побольше. (Что, например, хорошо видно в обеих вещах В. Некрасова, как бы робкой рукой ни были они тронуты.)

4) **Ни словарь, ни видение мира не имеют свежести и новизны.** Об убедительности и говорить нечего.

5) Учитель его — тот же — Чехов (что и у Антонова). Поразительно, как мало на писателях молодых сказалось гоголевское перо, за исключением одного Михаила Булгакова, никто не взял на себя смелость закрепить гоголевское открытие (в строении фразы, в показе героя, в развертывании картины, в характере) [Шаламов 2013: VI, 122].

В письме О. Ивинской (без даты, 1956 год) В. Шаламов продолжил размышлять об альманахе «Литературная Москва», подвергая критике рассказ В. Шкловского. Интересно появление слова «*безвыходный*» в характеристике собственных рассказов Шаламова. Такие формулировки появятся в ответах рецензентов «Советского писателя» спустя несколько лет. Означает ли это, что Шаламов посылал свои рассказы куда-то еще, или это частное мнение тех, кто читал его прозу, из архива, переписки и воспоминаний установить нельзя:

«Портрет» Шкловского — обыкновенный грамотный рассказ. Впрочем, по мнению нынешней критики, рассказ, повесть, драма должны прежде всего иметь познавательное значение, а подтексты — это дело десятое. Если уж это верно, то лучше моих плохих «безвыходных» рассказов им не найти — достоверность и бытовая, и психологическая имеется в избытке [Там же: 213].

Можно предположить, что это формулировка самой О. Ивинской, которой Шаламов сообщил о своем замысле в позднейшем письме от 24 мая 1956 года:

Я хочу написать свои сто рассказов о Севере. Я хочу подобрать книгу стихов — не сборник и собрание, а книгу, и еще многое думается, но — что Бог даст.

Твоя формула: рассказы не хорошие и не плохие, они просто странные, не устраивает. Горько и грозно то, что мне уже некогда учиться азам. Я двадцать лет жизни потратил на северные скитания. Багаж мой мал, случаен, я — недоучка, навечно, невежда. Значительность чисто случайна, о литературных достоинствах мне и думать нельзя. Но мне есть что сказать, и мне кажется, что на мир я гляжу своими глазами [Там же: 219].

Последняя фраза приведенной цитаты исключительно важна, как представляется, для общей характеристики замысла и видения Шаламова: он возражал той ситуации, которая сложилась в литературе. Точнее, у него было несколько возражений: современным взглядам на литературу с позиции писателя 20-х годов, оптимизму социалистического реализма с позиции человека, вернувшегося из ада Колымы. Уже в 50-е, несмотря на высокую оценку «Доктора Живаго», Шаламов задумался о невозможности существования формы романа (позже, в конце 60 – начале 70-х он ее резко отрицал,

и это стало одним из пунктов спора с А. Солженицыным). Об этом он написал и А. З. Добровольскому 12 марта 1955 года:

Я не знаю, что такое работа над романом. Это вроде какого-нибудь первовосхождения в Гималаях. Я как-то представить себе не могу архитектуры подобного сооружения [Шаламов 2013: VI, 109].

Там же появилось первое размышление о том, какими должны быть рассказы — это первая сформулированная попытка описать принцип «Колымских рассказов», которая фиксируется в архиве Шаламова. Здесь и отрицание «лубочности» пастернаковского языка — Шаламов назвал это, цитируя Пушкина, языком «московских просвирен», и требование новизны, которой нет у Нагибина, и экономная фраза, которую он позже описал как «строка, короткая как пощечина»:

Но о рассказах я думал много, о своих и о чужих, и тот строй рассказа, еще не написанного, не осуществленного, который рисуется мне в идеале, выглядит так. Никаких неожиданных концов, никаких фейерверков. Экономная, сжатая фраза без метафор, простое грамотное короткое изложение действия без всяких потуг на «язык московских просвирен» и т. д. И одна-две детали, вкрапленные в рассказ, — детали, данные крупным планом. Детали новые, не показанные еще никем. Вот самое короткое изложение формальных задач при рассказе, если только они вообще существуют для писателя [Там же: 109].

В черновике письма к Марии Гудзь³² от 1955 года Шаламов, ссылаясь на ее интерес, размышлял о природе социалистического реализма. Так же, как и впоследствии Твардовский, Шаламов был убежден в искусственности этого явления. Но, в отличие от Твардовского, который считал, что «соцреализм» должен лишиться приставки «социалистический», Шаламов полагал, что соцреализм вообще ближе к газетной статье, чем к большой, настоящей прозе:

Лично мне претит это настойчивое желание высосать из пальца что-либо новое и объявить это нашим самым передовым и лучшим. Дескать, реалисты прошлого — это и критические реалисты, а реалисты настоящего — это социалистические реалисты.

Если отбросить все притянутое за уши, случайное и наносное, докопаться до сути, наиболее точным будет следующая формулировка: социалистический реализм есть иллюстрация с помощью методов художественного творчества передовых статей газет (см. Приложение 4 настоящей работы).

Еще одно высказывание о теории будущей новой прозы мы находим в донесении осведомителя № 2 от 11 апреля 1956 года. В нем также содержатся зачатки шаламовской теории и еще один пункт будущего расхождения с позицией А. Солженицына: художественное произведение не должно поучать, не может быть никакого морализаторства, художественное воздействие достигается изложением максимально достоверного факта, который,

³² Сестра жены В. Шаламова Галины Гудзь. Это письмо не опубликовано в официальных изданиях Шаламова. В Приложении 4 мы приводим это письмо целиком.

в случае Шаламова, так убедителен сам по себе, что никакого вывода не требует.

Тот, кто в художественной литературе отражает реальную действительность с ее тенденцией поступательного движения к коммунизму, тот отражает правду жизни; тот, кто следует только теории «откровенности», — может отразить откровенно «правду» лишь своей души. Шаламов считает несущественным, куда зовет произведение, на что оно мобилизует читателя. Главное, по его суждениям, состоит в том, чтобы оно было написано кровью сердца, т. е. откровенно [Шаламов 2013: VII, 470].

Эти размышления созвучны идеям статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе» (1953). Померанцев выступает против «состроенности», то есть неестественности произведения:

Искренности — вот чего, на мой взгляд, не хватает иным книгам и пьесам. И невольно задумываешься, как же быть искренним.

Неискренность — это не обязательно ложь. Неискренна и деланность вещи.

Когда мы читаем, например, стилизаторов, то остаётся неприятный осадок. Слишком много видим мы выисканных, подобранных, вычурных мыслей и слов, слишком напряженно следим за манерой письма, и поэтому его содержание остаётся за порогом сознания. Это вещи непростые, искусственно-сложные, и они угнетают читателя сегодняшних дней своей явной состроенностью [Померанцев: 218].

Шаламов последовательно развивал схожие идеи в своих теоретических работах о прозе.

Подводя итог, необходимо отметить, что 50-е годы были для Шаламова временем освобождения, реабилитации по двум делам (1937 и 1943 гг.) и больших надежд. В ситуации неопределенности после смерти Сталина еще не до конца было ясно, каким будет продолжение начинающейся оттепели, Шаламов очень активно и, можно сказать, успешно входил в новую жизнь. С одной стороны, в силу тяжелого жизненного опыта его отношение к «оттепели» было довольно сдержанным, с другой — в этот период он спешил записать все, что накопилось за долгие годы заключения — «Колымские рассказы» и множество стихов. «Оттепель» с ее дискуссиями, невероятной популярностью поэзии, расцветом литературных журналов более всего напоминала Шаламову 20-е годы, которые во всех воспоминаниях остались для него главным периодом жизни, формирования взглядов и его самого как писателя. Именно поэтому он добивался публикации материалов о А. К. Воронском и «Красной нови» в журнале «Москва», считая, что далеко не вся правда о 20-х была сказана. Переписка и встречи с Пастернаком, кумиром и моральным авторитетом, стали для Шаламова подтверждением верности выбранного пути — Пастернак разговаривал с ним на равных, без снисхождения, как с поэтом. И, наконец, в эти годы Шаламов предпринимал первые попытки заявить свою эстетическую позицию, категорически не совпадающую с текущей литературной повесткой и впоследствии выросшую в теорию новой прозы.

ГЛАВА 3

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ В ЭПОХУ «ПОЗДНЕЙ ОТТЕПЕЛИ»

3.1. Круг чтения и литературные связи

В. Шаламова в эпоху «поздней оттепели»

Круг чтения Варлама Шаламова в 60-е годы реконструируется по архивным материалам: записям в тетрадях, упоминаниям авторов и названий произведений в переписке, устным свидетельствам³³. Записи представляют большой интерес и вместе с тем большую сложность: они часто не имеют точной датировки, обычно на обложках имеется надпись «60-е». Эти записки, которые, с некоторой оговоркой, можно назвать «записными книжками»³⁴, выполнены в школьных тетрадях простым карандашом. Некоторые даты можно реконструировать по времени описываемых событий, иногда — по вырезкам из газет, которые Шаламов клеивал в свои тетради, также — по датам журнальных публикаций литературных произведений, на которые отзывался писатель. Однако имея дело с микрофильмами, которые доступны в РГАЛИ, достаточно сложно определить порядок записей, их систематизацию. Кроме того, большую проблему для исследователя составляет существенное ухудшение почерка писателя со второй половины 60-х гг. из-за прогрессирующей болезни. Некоторые записи не читаемы, в ряде документов есть пометки (попытки расшифровки) рукой И. П. Сиротинской.

Большая часть описываемых документов опубликована, хотя и не всегда в том виде, в котором они представлены в архиве. В частности, заметки «О прозе», «О новой прозе», «О моей прозе», опубликованные как литературные эссе, являются отрывочными записями или выдержками из писем. Письма публикуются, в основном, по черновикам Шаламова, беловые варианты, отправленные адресатам, отсутствуют или не доступны исследователям (в частности, письма из архива А. И. Солженицына).

Записи Шаламова в тетрадях 60-х гг. отражают реакцию на многие события литературной, культурной и спортивной (почти никогда — политической) жизни в СССР, которой он активно интересовался. Они содержат также два важных для нашей работы момента: информацию о том, что составляет круг чтения самого Шаламова в этот период, и рекомендации произведений, которые, по его мнению, должен читать писатель и поэт.

³³ С. Ю. Неклюдов, сын О. С. Неклюдовой — второй жены В. Шаламова.

³⁴ Архив не содержит дневниковых записей, о жизни писателя мы узнаем, скорее из писем или коротких записок бытового характера в адрес членов семьи (как правило, О. С. Неклюдовой или С. Ю. Неклюдова).

60-е годы были очень продуктивными для писателя. Несмотря на болезнь и полученную инвалидность, он много читал, постоянно ходил в Ленинскую библиотеку³⁵, много писал, опубликовал три сборника стихов в издательстве «Советский писатель» и один рассказ («Стланник») в журнале «Сельская молодежь» в 1965 году, работал внештатным рецензентом в журнале «Новый мир». У Шаламова был широкий круг общения, что отражено в его переписке несмотря на то, что она становится менее объемной по сравнению с 50-ми годами. С одной стороны — в ней больше нет необходимости, так как Шаламов жил в Москве и мог общаться со своими друзьями и знакомыми лично. Часть переписки все же сохранилась, что можно объяснить состоянием здоровья писателя: из-за болезни ему было сложно передвигаться по городу, а из-за глухоты он не мог общаться по телефону. Письма также являлись не только средством коммуникации, но и способом сформулировать важные мысли. Случалось, что Шаламов писал письма и передавал их адресатам при встрече. В 1965 году он участвовал в Мандельштамовском вечере в МГУ, который вел И. Эренбург, и читал рассказ «Шерри-бренди».

Отдельного внимания заслуживает сюжет с появлением В. Шаламова на советском телевидении. 16 мая 1962 года Шаламов читал три стихотворения из сборника «Огниво» [Шаламов 1961] в передаче «Новые книги» первой программы. Рассказ об этом событии мы находим в двух письмах Шаламова к О. С. Неклюдовой: одно датировано 9 мая, второе — 16 мая 1962 года. Эти документы важно представить целиком по нескольким причинам. Во-первых, они еще не открыты исследователями, находятся в неразобранной части архива О. С. Неклюдовой. Во-вторых, в биографии В. Шаламова, опубликованной в серии «Жизнь замечательных людей» (автор В. Есипов), это событие упоминается вскользь, с кратким сообщением о том, что запись не сохранилась. Однако по подробному описанию Шаламова можно восстановить обстоятельства этой съемки и отношение к публичному чтению своих стихов, что расширяет и дополняет биографию писателя. В первом письме он сообщал о подготовке к передаче, отборе стихов:

Москва, 9 мая 1962 года³⁶.

Дорогая Оля. Милое твое письмо получил еще вчера, но отложил ответ на сутки по причинам важным: ждал ответа от телевизионного театра. Н. Н. Успенская позвонила вчера и через Зин. Ал-дровну сообщила, что передача будет 16-го мая, а мне надо явиться в театр. Я вчера и сегодня ездил для того, чтобы выбрать стихи и встретиться с режиссером. На передачу уже есть календарная программа (вырезку тебе посылаю). Вступительное слово сделает Борис Абрамович Слуцкий — лучшее, что я мог бы ждать и желать. Я буду читать три стихотворения: «Память» (далась им эта «Память»), «Сосны срубленные»

³⁵ Чаще ходил пешком, потому что из-за болезни Менъера не переносил общественный транспорт.

³⁶ Письмо находится в архиве О. С. Неклюдовой, не имеет номера, так как не включено в опись. Орфография и пунктуация В. Шаламова сохранена. Публикуется впервые.

и «Камею» («Камею» — в полном варианте, а «Сосны» в книжном). Кроме этого, наш знакомый Юра Колычев, который ходит у них в главных чтецах — прочтет «Оду ковриге хлеба» и решили еще — «Шесть часов утра». Но сегодня «Шесть часов утра» заменили другими стихами — из тех, что я читал в Доме писателей — «Вырвалось писательское слово».

В телетеатре не хотят, чтобы я читал по бумажке, по книжке, а я ведь своих стихов не учу, читаю редко, а следовательно, плохо помню. Помню хуже, чем Пушкина, Блока. Это происходит (кроме того, что память ослабела) еще и по причине того, что в своем стихотворении всегда много отвергнутых вариантов вспоминается, которые невольно снова лезут в голову, а в чужом — только один канонический текст. Словом, я волновался ужасно, читая стихи эти, путал. Будет еще репетиция в студии на Шаболовке в день передачи. Очень, очень жалко, что тебя нет и не только потому, что посмотрела бы телевизор — это бесконечно важно. Я ведь ничего не слышу, а длительная езда отнимает все силы, и я чувствую себя много хуже, чем когда-либо за последнее время. Как только развяжусь с этим выступлением — никогда больше не соглашусь участвовать в телевизионных передачах. Конечно, к этому надо привыкнуть — так же, наверное, как при переходе с пера и бумаги на пишущую машинку. Для себя я этого перехода не могу представить. В телевизионном деле есть какое-то угнетение, неестественность какая-то. «В белое и черное не одевайтесь, лучше зеленое, желтое» и куча других технических советов. Ну, попробовать все-таки надо. Муха ложится на бумагу и не дает писать. Кошки живут мирно. Котят еще не отдавали, хотя они едят и лакают хорошо. Карабас столько приносит каждое утро тополевы почки и столько стручков, что на очистку уходит по часу. Все пищит и визжит, но с колен не уходит.

Вот написал целое письмо все о себе. Кажется, что ты никуда не уезжала, а прошла целая неделя. Берте Яковлевне Брайниной передай мой самый сердечный. Крепко целую. Привет. Пиши.

В.

Во втором письме Шаламов делился впечатлением о прошедшей съемке, сетуя на то, что не любит актерской читки, лучше бы читал стихи сам. Из письма следует, что Шаламов этим событием удовлетворен. Таким образом, нельзя сделать однозначный вывод о полной не востребованности или замкнутости и изолированности Шаламова в 60-е гг., его исключенности из литературной жизни. Однако главная цель — полноценная публикация стихов и рассказов не была достигнута. Наблюдая за современным литературным процессом, в 60-е гг., Шаламов не слишком часто отражал его в своих записях, не ведет подробной хроники. Много размышляя о XIX веке, близких ему 20-х гг., писатель, кажется, не слишком много значения придает современности, редко высказывается о прочитанном или услышанном позитивно. Наиболее развернутая запись, посвященная современникам, касается смерти А. Ахматовой 5 марта 1966 г. Отдельные обрывочные, пока еще нейтральные записи посвящены А. Солженицыну, с которым завязалось знакомство в 1962 г.

Вспоминая о чтении и круге общения В. Шаламова в эти годы, С. Ю. Неклюдов говорит об оценках современной поэзии:

Личные его вкусы были, с одной стороны, временами снисходительными, неожиданно снисходительными, с другой стороны — очень категоричными. Например, он очень снисходительно и даже одобрительно отзывался о Евтушенко. Хотя это не его была поэзия, та огромная, всероссийская слава, эстрадная поэзия, стадионы, ему напоминала его 20-е годы, Маяковского. Относился одобрительно. С Евтушенко он был знаком, они лежали вместе в какой-то больнице, не какой-то престижной, в обычной. И он, когда вышел, сказал, что рядом лежал Евтушенко, говорит: «Такой здоровый парень, я не ожидал». Крупный такой, высокий. Но отношения не поддерживал [Неклюдов].

Е. Евтушенко Шаламов упоминал и в связи с юбилеем Лермонтова:

В юбилей³⁷ не было сказано о Лермонтове ни одного сердечного слова. Даже Евтушенко прошамкал несколько цитат из Белинского³⁸ [Шаламов 63–65: 33].

В той же записи Шаламов, размышляя о новаторстве в литературе, называл новатором именно Лермонтова, а не Пушкина, считая его недооцененным и неправильно понятым поэтом.

Документы и свидетельства говорят о том, что в 60-е годы Шаламов очень много читал. Чтение это, однако, характеризуется как бессистемное.

С. Ю. Неклюдов вспоминает:

Он читал много. Он был человек очень начитанный. Он не был человеком систематически образованным. Он не знал иностранных языков — не случилось. Он, скорее, был ориентирован на русскую литературу, чем на зарубежную, хотя читал и ее. И новинки, которые появлялись, он читал. Мы выписывали «Иностранку», «Новый мир», иногда «Знамя», много журналов — тогда же было журнальное время.

Он любил ту литературу, которая сейчас называется нонфикшн, документальную. Географическую очень любил, «Путешествие на корабле “Бигль”» Дарвина, например. С другой стороны, очень высоко ставил «Трех мушкетеров» Дюма — хотя, казалось бы... Но он считал, что это хорошая литература, настоящая.

Чапыгина Варлам очень ценил. И даже книжка, которая у меня есть — от него. Высоко ставил Герцена, «Былое и думы». У меня книжка есть, подаренная им. Его книжные подарки мне запомнились, они поныне стоят на моей полке: «Былое и думы», четырехтомник Ибсена [Неклюдов].

Действительно, интерес к нехудожественной литературе отражен в дневниках Шаламова. Одна из записей 1963 г. посвящена Н. Бору, которого Шаламов, по-видимому, читал в тот период. Бора он упоминал и в одной из рецензий на «самодеятельную» рукопись в «Новом мире». В новомирских

³⁷ Тетрадь датирована «1963–1965». Можно предположить, что эта запись сделана в 1964 году, в год 150-летия Лермонтова.

³⁸ Вероятно, отсылка к стихотворению Евтушенко 1960 г.

В вагоне шаркают и шамкают
и просят шумно к шалашу.
Слегка пошатывает шахматы,
а я тихонечко пишу
[Евтушенко: 323].

рецензиях он также приводит научные работы врачей Н. В. Неговского (патфизиолог, реаниматолог) и В. П. Демихова (трансплантолог). Одному из авторов советует работу В. Б. Шкловского «О Достоевском». То есть научная литература находилась в поле интересов Шаламова, он не только читал, но и активно использовал ее в работе.

Литературные журналы — предмет особого интереса. С одной стороны, в них печаталось все самое новое, с другой — у него была надежда на публикацию собственных стихов и прозы. Шаламов следил за редакционной политикой, особенно за отделами стихов, оценивая журналы с этой точки зрения.

Чаще всего он высказывался о современной литературе и литераторах саркастически. В разгар триумфа космической программы СССР Шаламов записал:

Космонавту Гагарину московские писатели сделали страшный подарок — каждый подарил по книге с автографом и взяли с него слово все прочесть [Шаламов 2013: V, 275].

Тем не менее, есть и нейтральные, не критические записи о прочитанном. В тетради, датированной 1961 годом, Шаламов обратил внимание на повесть В. Тендрякова «Суд», опубликованную в № 3 «Нового мира»:

Волнения героев, составляющие суть «Суда», понятны только людям сталинского времени. Это — рассказ о бесправии, ведь нельзя судить за несчастный случай [Там же: 275].

Следующая запись о современной литературе появилась только в 1963 году, когда Шаламов отметил «Спутник любителя футбола. II круг 1963. Издание газеты «Московский комсомолец». Будучи страстным болельщиком, писатель изучал книги о спорте, особенно о шахматах. Тогда же упоминалась (с цитатой) книга К. Андреева «Искатели приключений»³⁹.

Важно отметить многократное появление в записях А. Платонова. Первые заметки относятся к 1963 году, когда Шаламов записал свою мысль о том, что повесть «Джан» является лучшим, что он читал у автора: «Платонов знал, как много еще горя, знал, что в жизни гораздо больше горя, чем радости» [Шаламов 2004: 295]. По свидетельству С. Ю. Неклюдова, «Джан» Шаламов (вместе с семьей) прочитал в самиздате, и повесть произвела на него большое впечатление. В СССР повесть была опубликована в журнале «Простор» в 1964 г., в цензурированном виде. Размышляя о «Чевенгуре» (возможно, по воспоминаниям 20-х гг.), Шаламов писал о том, что у Платонова было два вида правки — стилистическая и «политическая». В 1968 году Шаламов в письме Н. Мандельштам упомянул, что получал «Котлован» от Ф. Сучкова.

³⁹ Приведенная цитата: «Велосипедистом он стал еще в эпоху велосипедов без передачи, с огромным передним колесом. Он занимался парусным спортом и даже семидесяти лет на гоночной машине, сделанной по специальному заказу, как буря, носился по тихим дорогам Южной и Восточной Англии» [Андреев: 178].

Можно предположить, что Шаламов ощущал и некоторую стилистическую близость, и общность судьбы с Платоновым. Недопустимой для него являлась только политическая правка — в это же время он ответил отказом на предложение А. И. Солженицына отредактировать «Колымские рассказы», чтобы сделать их «проходными». Переводчик Шаламова и Платонова Р. Чандлер находит основания для сопоставления двух писателей:

Это два писателя, которые глубже всего выражают трагедию сталинских времен. И они выражают ее глубже, чем, скажем, Булгаков, потому что Булгаков смотрел на советскую реальность свысока, а Платонов и Шаламов — по крайней мере, в начале своей писательской карьеры, — жили надеждами этой эпохи, они жили внутри этой эпохи. Это первое. Второе: они оба получили религиозное образование, в произведениях каждого из этих писателей много религиозной символики. Хотя я думаю, что мы согласны в том, что оба были атеистами. Они жили внутри советской реальности, оба были глубоко образованные, культурные люди, много читали, в том числе религиозной литературы, и знали мировую культуру в целом. Наконец, они оба были необыкновенно честными. И именно честность привела их к новым формам, к новому языку. Они поняли, что трагедии прошлого века просто нельзя воплотить в старых формах без фальши [Чандлер].

Однако из дальнейших записей следует, что размышления о Платонове связаны и с А. Солженицыным, вокруг рассказов которого — «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай на станции Кочетовка» и «Для пользы дела», Шаламов наблюдал в этот момент очень острую общественную дискуссию. 2 января 1964 года он записал:

Московский оркестр недоброжелателей и тайных завистников будет репетировать, усиленно наигрывать Платонова, выдвигать, издавать, спасать вопреки и в противовес Солженицыну. Это замечание Ольги Сергеевны <Неклюдовой. — К. Ф.> очень верно [Шаламов 2013: V, 257].

Ниже Шаламов добавил, что Хемингуэй читал лишь один рассказ Платонова — «Сокровенный человек».

Картину чтения В. Шаламова в 60-е годы можно дополнить сведениями из его переписки. Довольно регулярно он обсуждал с адресатами впечатления о прочитанных произведениях на «лагерную» тему, что будет рассмотрено ниже. Время от времени делился своим мнением об авторах и литературе или просил адресатов найти ту или иную книгу.

В письмах Н. И. Столяровой⁴⁰ значительное внимание уделено рукописи воспоминаний Н. Я. Мандельштам (1965 г.).

Фигура Н. Я. Мандельштам являлась очень значимой для Шаламова. На некоторых photographиях, сделанных у него дома, можно увидеть на стене портреты Мандельштамов. Для Шаламова дружба с Надеждой Яковлевной — это связь со всем Серебряным веком, литературой, которая его

⁴⁰ Столярова Наталья Ивановна (1912–1984) — переводчик, секретарь И. Эренбурга. В 1937–1946 гг. была репрессирована. Дочь Наталии Сергеевны Климовой, члена партии эсеров.

воспитала, и которая является его главным ориентиром в собственной поэзии. Он состоял с ней в дружбе и переписке. По словам исследователя О. Мандельштама П. Нерлера:

...ее мемуары, несомненно, служили для Шаламова таким же верным признаком медленного, но оттаивания и выздоравливания страны, ее, процитируем «Сентенцию», неудержимого «возвращения в тот мир, откуда... не было возврата [Нерлер: 229].

Общение и переписка В. Шаламова и Н. Мандельштам начались после его выступления на вечере памяти Осипа Мандельштама на механико-математическом факультете МГУ 13 мая 1965 года⁴¹. Шаламов читал рассказ «Шерри-бренди» (тогда он назывался «Смерть поэта»), посвященный О. Мандельштаму. Переписка длилась до 1968 года. «Воспоминания» Н. Мандельштам так впечатлили Шаламова, что его впечатления и заметки составили 76 тетрадных листов. По мнению П. Нерлера, ее мемуары служили для Шаламова верным признаком медленного, но оттаивания и выздоравливания страны [Нерлер 2007]. Н. Мандельштам, в свою очередь, считала прозу Шаламова лучшей за многие годы:

По-моему, это лучшая проза в России за многие и многие годы. Читая в первый раз, я так следила за фактами, что не в достаточной мере оценила глубочайшую внутреннюю музыку целого. А может, и вообще лучшая проза двадцатого века [Шаламов 2013: VI, 423].

В записях Шаламова возникает и имя Л. Андреева. Обсуждая с Н. И. Столяровой работу над книгой о ее матери Н. С. Климовой и одновременно размышляя о собственном проекте книги, Шаламов приводил в пример его прозу:

Рассказ о «Семи повешенных» Андреева — превосходная проза. Андреев — это русский писатель, о котором будут у нас говорить завтра и послезавтра и не найдут меры хвалы [Там же: V, 257].

Л. Андреев упоминается и в эссе «А. Ахматова», где Шаламов утверждал, что из русских писателей только Леонид Андреев писал настоящие пьесы. Андреев как значимый писатель модернизма не только безусловно был важен для него, но и близок стилистически. «Страшный», экспрессионистский текст Андреева Шаламовым, очевидно, был прочитан и принят, в отличие от текстов Бабея:

Несколько рассказов Бабея — писателя наиболее модного в те времена — я переписывал и вычеркивал все «пожары, как воскресенья» и «девушек, похожих на ботфорты...» и прочие красоты. Из рассказов немного оставалось. Все дело было в этом украшении, не больше. Говорят, что Бабель — это испуг

⁴¹ Реконструкция этого вечера выполнена П. Нерлером в статье «Мандельштамовский вечер на мехмате (1965): реконструкция» [Нерлер 2015: 587]. В статье он использует и записи В. Шаламова.

интеллигенции перед грубой силой — бандитизмом, армией. Бабель был любимцем снобов [Шаламов 2013: IV, 438].

Для Шаламова Андреев — важное явление культуры 20-х годов, когда появилось много экранизаций и постановок произведений, вышла статья Троцкого «О Леониде Андрееве» [Троцкий], которую мог читать В. Шаламов. В 60-е гг. он состоял в активной переписке с сыном писателя — Вадимом Леонидовичем Андреевым.

Иностранная литература, которая публиковалась в СССР, также находилась в поле интересов и внимательно прочитывалась Шаламовым. Писатель не владел иностранными языками⁴², поэтому мог читать только то, что было доступно в переводе. В 60-е он увлекался и Хемингуэем⁴³, хотя одновременно укорял «самодеятельных» авторов «Нового мира» за подобное увлечение.

В связи с вручением Нобелевской премии он записал размышление о Беккете. В архиве содержится заметка «О Кафке», которого Шаламов высоко оценил. Запись опубликована с неточной датировкой «60-е». Кафку начали публиковать в СССР в 1964 году (это позволяет более точно датировать запись Шаламова). Вышли рассказы: «В исправительной колонии», «Превращение», «У врат закона», «Мост», «Пассажиры», «Правда о Санчо-Панса», «Возвращение домой», «Ночью» [Кафка: 134–181]. Шаламов оценил потенциал прозы Кафки:

Читал только те два рассказа, которые были опубликованы в «Иностранной литературе». Надо думать, что это — самые плохие рассказы Кафки. По этим рассказам видно, что это писатель — гигант огромного роста. Символические памфлеты, трактующие о судьбах мира и человека, возвращают нас к Гофману. Только фантастика Гофмана была нестрашной. Фантастика Кафки наполнена ужасом, как и его старшего современника Достоевского [Шаламов 2013: V, 87].

В 1965 году Шаламов отметил в дневнике, что: «пьеса века — “Носорог” Ионеско». Перевод этой пьесы был напечатан в № 9 журнала «Иностранная литература» за этот год. Можно предположить, что и произведения Кафки, и абсурдистская пьеса Ионеско оказали влияние на Шаламова — в середине 70-х годов он начал писать фантастическую пьесу «Вечерние беседы», в которой сводил в едином месте и времени, в тюремно-лагерной обстановке, всю, по словам Шаламова, «русскую бригаду» лауреатов Нобелевской премии — И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака, М. А. Шолохова и А. И. Солженицына [Там же: VII, 371–392].

Важно упомянуть и У. Фолкнера, о котором Шаламов высказывался в самом начале эссе «О прозе» (1965):

⁴² В тетрадях за 1955 год находятся несколько листов с упражнениями по немецкому языку. Предположительно, В. Шаламов изучал немецкий для того, чтобы читать стихи Рильке, понимать, как они звучат.

⁴³ Шаламов увлекался Хемингуэем уже в 50-е годы, в частности, написал за дочь О. В. Ивинской вступительное сочинение в Литературный институт на тему: «Мастерство Хэмингуэя как новеллиста».

Лучшая художественная проза современная — это Фолкнер. Но Фолкнер — это взломанный, взорванный роман, и только писательская ярость помогает довести дело до конца, достроить мир из обломков [Шаламов 2013: V, 144].

Шаламов никак не обосновал и не раскрыл это утверждение. Здесь необходимо обратить внимание на замечание о том, что Фолкнер — это взорванный роман. Высказываясь неоднократно о романе как жанре, Шаламов говорил о его смерти. Называя «последним русским романом» то «Петербург» А. Белого, то «Доктор Живаго» Б. Пастернака, Шаламов не видел у романа никакого будущего, отказывал Солженицыну в возможности писать произведения крупной формы на «лагерную тему». Но модернистский роман Фолкнера был близок Шаламову — поклоннику А. Белого, поскольку не имел связи с классической формой. Форма очень важна для писателя, изобретающего и описывающего свой способ существования в литературе XX века.

Что касается русской классической литературы и ее романских традиций, то, упоминая Толстого, Шаламов писал лишь о необходимости экранизации «Войны и мира» и «Анны Карениной»⁴⁴ для того, чтобы «решить вопрос», который не решают «Казачьи» и «Воскресенье»⁴⁵. Какой именно вопрос должны были решить экранизации романов Толстого, Шаламов не уточнял. В 1968 году Шаламов замечал: «Надо написать работу о Толстом, важную работу» [Там же: 303]. Работа о Толстом им написана не была.

Таким образом, круг чтения и литературные интересы Варлама Шаламова в 60-е годы были обширны и разнообразны. Они включали научную и научно-популярную литературу, современную советскую и зарубежную художественную прозу и поэзию, классическую литературу. В наброске «Писательское чтение» Шаламов предпринял попытку систематизировать свои впечатления и замечания. Однако работа не закончена: имеется запись только об «отвлекающем» писателя чтении, задача которого «дать отдых мозгу, но сохранить его на больших оборотах, убавить шаг, но не прерывать его» [Там же: 139].

3.2. Варлам Шаламов в «Новом мире»: опыт внештатного рецензента

С конца 1958 по начало 1965 года Шаламов работал внештатным рецензентом в журнале «Новый мир». В этот период он серьезно болел, несколько раз лежал в Боткинской больнице и уже не мог работать корреспондентом (его должность в журнале «Москва», см. об этом выше), поскольку эта деятельность предполагала активные передвижения.

⁴⁴ «Война и мир» экранизирована С. Бондарчуком в 1965–67 гг., «Анна Каренина» — А. Зархи в 1967 г.

⁴⁵ Орфография В. Шаламова сохранена. Фильм «Воскресение» М. Швейцера вышел в 1960 г., «Казачьи» В. Пронина по сценарию В. Шкловского — в 1961.

В «Новый мир» Шаламов попал, по устному свидетельству С. Ю. Неклюдова, вероятнее всего, через подругу своей жены О. С. Неклюдовой — Анну Самойловну Берзер, знаменитого редактора «Нового мира».

Работа Шаламова в «Новом мире» состояла в рецензировании рукописей, пришедших «самотеком». Шаламов был одним из нескольких рецензентов, между которыми распределялись рукописи «самодеятельных» авторов, то есть тех, кто не имел прямого доступа в кабинет главного редактора А. Т. Твардовского. В случае отклонения рукописи, автор получал отказ за подписью рецензента, содержащий причины и рекомендации. Если рецензент давал положительный отзыв — рукопись направлялась к редактору, который также оценивал ее. Шансов у непрофессиональных авторов в любом случае было немного — из текстов, одобренных Шаламовым (не более десяти, имеются в виду рецензии, сохранившиеся в архиве «Нового мира»), был опубликован только один.

Эта работа нужна была Шаламову по двум причинам: во-первых, это был единственный способ зарабатывать на жизнь (Шаламов уже получил инвалидность — сказались болезни после долгих лет тяжелой работы на Колыме), во-вторых — единственная и большая надежда на публикацию «Колымских рассказов» и стихов. Подборка стихов Шаламова, не дождавшихся публикации, сохранилась в архиве «Нового мира»⁴⁶. Чтение «самотека» не было необычным способом заработка у литераторов: этим зарабатывала и О. С. Неклюдова. В архивах «Нового мира» находятся рецензии на «самодеятельные» рукописи за подписью В. Войновича⁴⁷, Ю. Домбровского⁴⁸. В. Я. Лакшин в воспоминаниях «Новый мир во времена Хрущева» рассказывает о своем споре с Расулом Гамзатовым, который высказывался о критиках:

Сказал, между прочим, что из цеха критиков вербуются ныне довольно порядочные прозаики — Ф. Абрамов, Г. Владимов — и иногда критиками становятся из огорчения наличным уровнем литературы [Лакшин: 65].

Огорчение наличным уровнем литературы было свойственно и В. Шаламову: он был к литературе строг, современных ему авторов постоянно критиковал.

Интересна параллель с деятельностью А. К. Воронского, которую Шаламов описывает в очерке о нем:

Александр Константинович Воронский как редактор двух журналов — «Красной нови» и «Прожектора», как руководитель крупного издательства («Круг») и вождь литературной группировки «Перевал» отдавал огромное количество времени, энергии, сил нравственных и физических чтению чужих рукописей. Стихов всегда писалось много, и самотек двадцатых годов представлял такое же бурное море, как и сейчас.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 1702. «Редакция журнала «Новый мир» (Москва, 1925 — по настоящее время).

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 240.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 241.

Александр Константинович читал день и ночь и ничего, понятно, путного не нашел, ни одного имени из самотека не поднял и не мог поднять — ибо в мешанине такой количество и качество особые. Вот эту особенность искусства и не хотели принимать догматики и теоретики, реалисты и романтики, отшельники и дельцы. Ни одного нового имени в литературе, которое бы вышло рукоположенное Воронским.

Чтение чужих рукописей — худшая из худших работ. Неблагодарное занятие. Но теоретические убеждения заставили Воронского обращаться в новых поисках и с новым вниманием. Впрочем, это внимание стал разъедать скепсис со временем [Шаламов 2013: IV, 577].

Довольно скоро Шаламов и сам пришел к такому выводу — к середине 60-х тон его рецензий становится все более раздраженным, а сами рецензии — все короче, на что самодеятельные авторы указывают в жалобах в редакцию. Например, автор рассказа «Партия в шахматы» М. Новоселова после слишком лаконичного отказа Шаламова обратилась лично к главному редактору А. Твардовскому:

Уважаемый товарищ Твардовский! С болью в душе я пишу Вам это письмо — неприятно быть жалобщиком, а просителем тем более. И все-таки, обращаюсь с просьбой: выясните, пожалуйста, как главный редактор «Нового мира» у неизвестного мне Шаламова, для чего он написал в мой адрес послание, которое я прилагаю к настоящему письму? В нем понятной (а, следовательно и дельной) является только одна, последняя, фраза о том, что мой рассказ не представляет интереса для «Нового мира», а все предыдущее — субъективные, ничем не подтвержденные сентенции. Для чего он их писал? Человек, уважающий себя, <нрзб> считает за труд доказывать свои оценки. Шаламов же, видимо, рассматривает это лишь как любезность, до которой не нашел нужным в данном случае снизойти. Кроме того, я просила бы Вас передать т. Шаламову, что во время действия рассказа художник Свечин совсем не был стариком — это в наши дни он уже стар, а двадцать лет тому назад был сравнительно молодым человеком и каждый, даже не особенно внимательный читатель рассказа, не может этого не понять. Может быть, конечно, слово «старик» у товарища Шаламова проскользнуло по небрежности, но не слишком ли много описок и исправлений в таком крошечном тексте для человека, судящего о грамотности, свежести и выразительности русского языка в менторском тоне? Рассказ я не высылаю — Шаламов его читал и, надеюсь, сумеет обосновать без повторного чтения свои, высказанные с завидной твердостью суждения [Новоселова: 1].

Редакция последовательно реагировала на жалобы: письма без ответа не оставались, в спорных случаях даже заведомо графоманские, непроходные вещи направлялись на рассмотрение другим рецензентам. Соглашаясь с тем, что «ответ т. Шаламова, мягко говоря, слишком лаконичен», М. Рощин, однако замечает, что судить о том, прав он или нет, редакция не может, так как не имеет перед собой рассказа. Редактор просит переслать рассказ повторно, а также прислать «что-то еще из своих произведений». Уже 7 сентября М. Рощин вновь пишет тов. Новоселовой: «Я внимательно

прочел оба Ваших рассказа. Право, мне хотелось, чтобы они мне понравились. Но — увы!» [Рощин: 1].

Надежды Шаламова не оправдались: ни его рассказы, ни стихи не были опубликованы не только во время работы в журнале, но и вообще при жизни писателя. Во вступлении к публикации «Колымских рассказов» в журнале «Знамя» в 1989 г. В. Я. Лакшин вспоминал о том, что Шаламов заходил в редакцию ненадолго:

Он никогда не снимал верхней одежды, так и входил в кабинет с улицы, забежал на минутку, словно для того лишь, чтобы удостовериться — до его рукописи очередь еще не дошла. Журнал был в трудном положении: разрешив, по исключению, напечатать повесть Солженицына, «лагерной теме» поставили заслон. Была сочинена даже удобная теория, мол, Солженицыным рассказано все о лагерном мире, так зачем повторяться? [Лакшин 1989: 6]

Шаламов был скептически настроен и по отношению к самому «Новому миру», считая, что в журнале наименее интересен отдел поэзии, и происходит это потому, что во главе стоит А. Т. Твардовский, считающий «от лукавого» все, что вышло не из-под его пера [Шаламов 2013: V, 257]. А. Солженицын описывал ситуацию с отделом поэзии «Нового мира» похожим образом, считая его скудным, не открывшим ни одного видного поэтического имени:

Много внимания уделяя дипломатическому «национальному этикету», печатая переводные стихи поэтов союзных республик*, или 2–3 маленьких стихотворения какого-нибудь уже известного поэта, он никогда не давал большой сплотки стихов, которая бы составила направление мысли или формы. Стихотворные публикации «Нового мира» никогда не бывали художественным событием [Солженицын 1975а: 67].

Высказать претензии главному редактору лично В. Шаламов не смог бы никогда: в редакции внештатный рецензент и главный редактор не пересекались, и даже дружба с А. Солженицыным, часто бывавшим в кабинете «главного», не изменила этой ситуации. Рассуждения о Твардовском и «Новом мире» остались в записных книжках писателя.

С А. Солженицыным связан и другой сюжет, касающийся публикаций Шаламова в журнале. В воспоминаниях «С Варламом Шаламовым» Солженицын, отвечая на претензию И. Сиротинской, пишет о том, что пытался передавать стихи Шаламова Твардовскому (проза Шаламова, по его собственному признанию, ему не нравилась), но тот ответил резким отказом и высказал неудовольствие таким посредничеством [Солженицын 1999: 69]. Этот сюжет описан в очерках «Бодался теленок с дубом» — Твардовскому стихи Шаламова казались слишком «пастернаковскими», а вся ситуация — интригой Шаламова:

Мне он сказал, что ему не нравятся не только сами стихи, «слишком пастернаковские», но даже та подробность, что он вскрывал конверт, надеясь иметь что-то свежее от меня. Шаламову же написал, что стихи «Из колымских тетрадей»

ему не нравятся решительно, это — не та поэзия, которая могла бы тронуть сердце нашего читателя.

Стал я объяснять Твардовскому, что это — не «интрига» Шаламова, что я сам предложил ему сделать подборку и передать через меня, — нисколько не поверил Твардовский! Он удивительно бывал невосприимчив к простым объяснениям. Так и осталась у него уверенность в кознях Шаламова, играющего мной [Солженицын 1975а: 68].

Достоверность подозрений Твардовского установить невозможно, в его дневниках этот случай не упомянут. Тем не менее, работа Шаламова внештатным рецензентом продолжалась около восьми лет. В архиве «Нового мира» сохранилось около 200 шаламовских рецензий.

Описывая задачу в «Заметках рецензента», Шаламов говорил о ее двойственности: рецензии писались и для редакции, и, соответственно, должны были отражать содержание рукописи, и для авторов, в этом случае трудно избежать рекомендаций. Поэтому на основании этих рецензий нетрудно составить представление о тематике самостоятельной литературы и портрете непрофессионального автора.

Рукописи в большей мере отражали литературные тенденции 50–60-х гг. и литературную «моду»: это тексты в традициях соцреализма (случаи на производстве, быт рабочих, изобличение прогульщиков и пьяниц); присутствуют «деревенские» и «молодежные» тексты, мемуары разной степени беллетризации. Часть рукописей (и это часто замечает Шаламов) носит газетный, фельетонный характер, является переработкой прочитанного в советской прессе. Часто это непосредственная реакция на новостную повестку. Авторы держали руку на пульсе событий и писали о запуске ракет, борьбе с хулиганством, пьянством и тунеядством. Случалось, что это была не только переработка, но и компиляция уже напечатанного или даже проверка редакторов журнала на профессиональную пригодность:

Известны случаи, когда в редакции журналов присылались стихи Лермонтова, рассказы Чехова — под чужой фамилией с измененными именами героев. Присылались, чтобы «поймать» беспечных работников редакции, которые, по мнению многих, отвечают, вовсе не читая присылаемого [Шаламов 2013: V, 232].

Там же Шаламов описывает поток «невероятной графомании», замечая, что в редакции должен быть врач-психиатр, поскольку многое касается его компетенций [Там же]. Такую резкую оценку можно проиллюстрировать агрессивными письмами в редакцию авторов отклоненных текстов. Некоторые послания содержали и угрозы, например:

Товарищ А. Т. Твардовский! Семь лет бесплодных мытарств вынудили меня пойти на этот смелый шаг — обратиться к Вам с письмом. Извините за резкость. Кругом сволочи и подлецы. Так трудно жить, что хочется не только быть белугой, а взять веревку и повеситься, оставив вместо предсмертной записки перечень фамилий рецензентов, погубивших мои рукописи. Я вдова, мать двоих детей, мне 34 года, работаю в школе, пишу, пишу так много, что удивляюсь, как не лопнуло до сих пор мое сердце. О. Кравцова, г. Липецк [Кравцова: 125].

Возвращаясь к теме круга чтения, необходимо отметить, что рецензии демонстрируют очень большую начитанность Шаламова, знание доступной ему русской и зарубежной литературы, умение видеть заимствования, подражания и цитаты. При том, что писатель сам не имел систематического образования (отчислен с факультета советского права МГУ по доносу однокурсника) и не так давно (в 1956 году) вернулся с Колымы, где находился много лет без доступа к печатному слову, объем его знаний о литературе, языке и профессии писателя значителен. Именно наличие кругозора Шаламов считает важнейшим для этой профессии. Часто давая рекомендации о писательском чтении, Шаламов настаивает на необходимости бороться с литературными влияниями. Рекомендуя классиков — Чехова и Бунина в первую очередь, он сетует на газетные штампы, канцелярит, повсеместные смысловые и орфографические ошибки. «Проза будущего будет прозой знающих людей» — пишет он в «Заметках рецензента» [Шаламов 2013: V, 240].

Среди рекомендаций, которые Шаламов давал начинающим или непрофессиональным авторам важно выделить некоторые, впоследствии повторенные им в записях о собственной методологии и о том, какой, по его мнению, *должна* быть современная проза: «О прозе», «О новой прозе», «О моей прозе».

Шаламов-рецензент не терпел никакой «литературщины»: украшения в тексте, выдуманных ситуаций, неправдоподобных героев. После пожаров Хиросимы и позора Колымы искусство прошлого умерло, и никакие силы в мире не воскресят толстовский роман, считал он. Поэтому современная проза должна быть *только правдой, но правдой художественной, а не газетной*. Проза будущего — это эмоционально, душой и кровью окрашенный, «прокричанный» в пустой комнате документ. Такой, как «Колымские рассказы».

С этим связано и другое требование Шаламова к авторам: почти в каждой рецензии можно встретить фразу о том, что «литературное произведение должно быть находкой, открытием автора, обязано отличаться новизной». Недаром он напишет А. И. Солженицыну о том, что в «Одном дне Ивана Денисовича» детали, подробности быта, поведение всех героев «очень точны и очень новы, обжигающе новы» [Там же: 379]. Этой обжигающей новизны Шаламов чаще всего не находит в потоке «самодеятельных» рукописей.

Среди всех произведений можно особенно отметить одно, которое В. Шаламов горячо рекомендовал к публикации. Это повесть казанского врача Александра Петровича Чигарина «Всюду жизнь», которая настолько впечатлила Шаламова, что он посвятил ее разбору 10 страниц. Информации об авторе в архиве журнала практически нет — из сопроводительного письма на имя Твардовского можно узнать только то, что Александр Петрович Чигарин жил в Казани на улице Студенческой, а публикацию этой повести считал своим гражданским долгом. Некоторые детали «лагерной» жизни Чигарина вычитываются из рецензии — повесть автобиографична,

Шаламов даже предлагает переделать ее в мемуары. Сама рукопись, скорее всего, не сохранилась: из ответа Чигарину редактора И. Борисовой следует, что ее оставили в мемуарном фонде «Нового мира», однако впоследствии эта часть фонда журнала, не переданная в РГАЛИ, была утрачена.

Некоторую информацию о А. П. Чигарине можно восстановить по ряду источников и устных свидетельств. Тем не менее, точных сведений о биографии автора, в частности, о том, в каком именно лагере находился Чигарин, пока нет.

Александр Петрович Чигарин родился в Казани в 1894 году в семье Петра Ивановича Чигарина, предпринимателя, владельца знаменитого ресторана Чигарина в Казани. Его мать, по некоторым сведениям, была дочерью церковнослужителя села Аркатова. Сестра Чигарина Ольга Петровна была первой женщиной, окончившей Казанский университет. В 1913 году Александр Петрович поступил на терапевтическое отделение медицинского факультета Казанского университета, откуда вышел в 1917 году. Дальнейших сведений о его жизни в период революции и гражданской войны не сохранилось. В библиотеке Казанской государственной медицинской академии хранится кандидатская диссертация А. П. Чигарина на тему «О функциональном состоянии активной мезенхимы при токсикозах беременности», которую он защитил в 1939 году. Также он проходил обучение в Государственном институте для усовершенствования врачей им. В. И. Ленина (ГИДУВ) в г. Казани. Медицинская специализация Чигарина — акушерство и гинекология, по-видимому, стала причиной его попадания в «женский» лагерь после ареста и суда. Освободившись в 1951 году, он был вынужден еще два года жить у родственников на окраине Казани и только потом смог вернуться домой и добиться реабилитации в 1957 году. Александр Петрович Чигарин скончался в 1966 году, похоронен на Арском кладбище в Казани⁴⁹.

Главный герой повести — врач, который отбывает срок в женском лагере. Содержание повести необычно даже для лагерной прозы, затронуты сразу несколько острых и болезненных тем: женщина в лагере, рождение детей и материнство в нечеловеческих условиях, уродство лагерной любви, работа врача в лагере и цена жизни заключенного. По словам Шаламова:

В большой повести в четырнадцать авторских листов нет ни одной страницы, которая была бы фальшива, не нужна, незначительна. Повесть — важный документ времени. Написана повесть фрагментарно. Доктор Песков, а вместе с ним и автор (в повести этой не существует грани между рассказчиком и автором) отобрал для рассказа лишь самое важное, самое значительное из великого множества фактов, которые он десять лет наблюдал, над которыми много задумывался [Шаламов 1964а: 36].

Как и в письме к Солженицыну по поводу «Одного дня Ивана Денисовича», Шаламов говорит о том, что в повести все верно, «тонко и верно»,

⁴⁹ Благодарю Р. В. Царевского, сотрудника музея старообрядчества г. Казани за сведения об А. П. Чигарине и помощь в поисках.

«искусно и без малейшего нажима», «добросовестно». Шаламов заключает: «Да, тов. Чигарин выполнил свой гражданский долг. Долг журнала — напечатать эту правдивую повесть» [Шаламов 1964а: 36].

Повесть не была напечатана, А. П. Чигарину отказали под тем же предлогом, что и всем остальным авторам, присылавшим «лагерные» рукописи — тема лагеря исчерпана Солженицыным, и на более высоком художественном уровне. Примечательно, что и самому Солженицыну в журнале говорили о том, что лагерная тема исчерпана «Иваном Денисовичем», о чем он упоминает в очерках литературной жизни «Бодался теленок с дубом»:

Тут обрадованно изрек Кондратович, что и — хорошо, лагерная тема и_с_ч_е_р_п_а_н_а «Иваном Денисовичем» и хорошо бы мне взяться за фронтую. Двадцать лет, тысячи ртов, они дружно дудели в армейскую дуду — и тема не была исчерпана! А пятидесяти миллионам, погибшим в ссылках и лагерях, довольно было бугорка моего рассказа! [Солженицын 1975а: 32]

Стоит остановиться на этом сюжете подробнее и выяснить, что именно могло привлечь внимание Шаламова и почему он так эмоционально и положительно оценил рукопись. Чигарин и Шаламов не были знакомы, но их связывал и схожий опыт репрессий, и совпадающее восприятие лагерной жизни. Сопоставляя рассуждения Шаламова в рецензии на повесть «Всюду жизнь» с «Колымскими рассказами», можно выявить одинаковые сюжеты и наблюдения, похожие оценки лагерной действительности и ситуаций, в которых оказываются герои повести Чигарина и рассказов Шаламова.

Главное, что связывает Чигарина и Шаламова — медицина. Чигарин — врач, кандидат наук. Шаламов прошел фельдшерские курсы, что спасло ему жизнь, работал в лагерной больнице. Медицинские сюжеты присутствуют в нескольких рассказах колымского цикла. Из поздних записей Шаламова известно, что он интересовался медициной и после лагеря: читал учебники, следил за открытиями в области трансплантологии, в 1957 году написал очерк «В одной лаборатории» о трансплантологе В. П. Демихове. Исследователь биографии и творчества Шаламова, врач Марк Головизнин отмечает особое значение медицины в творчестве Шаламова:

Исследователи творчества врачей-писателей отмечают, что медицинские «стигматы» — использование специальных терминов и понятий для аллегорического описания явлений, событий или характеров, присутствуют в сюжетах, если даже автор — медик по образованию, позже ни дня не работал по специальности. Творчество Шаламова подтверждает данное мнение. Среди многочисленных аллегорий его прозы «медицинские метафоры» во всем их разнообразии занимают центральное место. С их помощью Шаламов описывал реалии лагерного быта [Головизнин: 201].

Главный герой повести «Всюду жизнь» — доктор Песков — отбывает часть срока в женском лагере. В рецензии Шаламов подчеркивает особую ценность картин из жизни «мамок», описания поведения женщин в этот неизбежно драматический момент их жизни. Тема женщины в лагере не является главной у Шаламова, но занимает значительное место в его

рассказах. Он находил положение женщины в лагере еще более ужасающим, чем положение мужчины. В системе лагерного рабства женщина была рабой рабов. В уже упоминавшемся рассказе «Необращенный» (1963) Шаламов описал единственный для женщины (кроме смерти) путь выхода из лагерного ада:

Мужиков водить сюда — трудное дело, — говорила Шура, с грохотом зашвыривая вымытые миски в шкаф. — Но я уж, слава богу, на пятом месяце. Скоро отправят в «Эль-ген» — освободят! Мамок освобождают каждый год: один у нашего брата шанс. — Пятьдесят восьмую не освобождают. — У меня десятый пункт. Десятый пункт освобождают. Не троцкисты. Катюшка тут в прошлом году на моем месте работала. Ее мужик, Федя, сейчас со мной живет — Катюшку освободили с ребенком, приходила прощаться. Федя говорит: «Помни, я тебя освободил». Это уж не по сроку, не по амнистии, не по зеленому прокурору, а собственным способом, самым надежным... И верно — освободил. Кажется, и меня освободил... Шура доверительно показала на свой живот [Шаламов 2007: 325].

В рецензии Шаламов упоминает «уродство лагерной любви», достоверно изображенное Чигариным. Сам он неоднократно обращался к этой теме. В рассказе «Уроки любви» (1963) из цикла «Перчатка, или КР-2» блатарь Любовь замораживает лагерную пайку хлеба, которая является платой голодной женщине:

Везло мне на баб, грех сказать, везло. Там, где я до Колымы был, — лагерь женский, а мы — плотники при лагере, нарядчику брюки почти новые, серые отдал, чтоб туда попасть. Там такса была, пайка хлеба, шестисотка, и уговор — пока лежим, пайку эту она должна съесть. А что не съест — я имею право забрать назад. Давно они уж так промышляют — не нами начато. Ну, я похитрей их. Зима. Я утром встаю, выхожу из барака — пайку в снег. Заморожу и несу ей — пусть грызет замороженную — много не угрызет. Вот выгодно жили... Может ли придумать такое человек? [Там же: 377]

В рассказе «Прокаженные» (1963) уродство достигает максимальной концентрации в описании страшных голых тел пьяной пары прокаженных, укрывавшихся в норе под полом. Необратимый распад личности, как и необратимый распад тела у больных лепрой, исключает любую возвышенность любви между людьми, находящимися в нечеловеческих условиях, в условиях бесконечного насилия, голода и тяжелого физического труда, в мире, в котором уродливо все. Необратимый, навечный ущерб человеческой личности отмечает и герой повести «Всюду жизнь» доктор Песков.

Единственные обитатели лагеря, которым удается противостоять распаду, являются «религиозники» или сектанты, это отмечают и Шаламов, и Чигарин. Шаламов — сын священника, хорошо знакомый и с историей религии, отмечает эту особенность и в письме к А. И. Солженицыну по поводу «Одного дня Ивана Денисовича»:

...если в лагере и были люди, которые несмотря на все ужасы, голод, побои и холод, непосильную работу сохранили и сохраняли неизменно человеческие

черты — это сектанты и вообще религиозники, включая и православных попов [Шаламов 2013: VI, 279].

А. П. Чигарин был тесно связан со старообрядческой средой, его сестра Ольга Петровна была замужем за сыном старообрядческого священника Петра Залетова. Старообрядцы имели большое значение для Казани — они строили школы, больницы, благотворительные учреждения. После освобождения из лагеря А. Чигарин жил у родственников своей сестры — в известной до революции старообрядческой семье Фоминых. Именно поэтому он хорошо знал и понимал силу религиозного сопротивления и противостояния обстоятельствам лагеря.

Еще одним общим мотивом «Колымских рассказов» и повести Чигарина являются «нескончаемые гастрономические разговоры» постоянно голодающих заключенных. Шаламов называет это психологическим законом. Герой его рассказа «Тайга золотая» (1961) с упоением рассказывает о невероятных китайских пельменях размером с ладонь, герой рассказа «Сгущенное молоко» (1956) задыхается от счастья при мысли о молочных консервах:

Вот и хорошо, хорошо. Обязательно подкормишься. Я принесу тебе... консервов. У нас ведь можно... Есть много консервов на свете — мясных, рыбных, фруктовых, овощных... Но прекрасней всех — молочные, сгущенное молоко. Конечно, их не надо пить с кипятком. Их надо есть ложкой, или мазать на хлеб, или глотать понемножку, из банки, медленно есть, глядя, как желтеет светлая жидкая масса, как налипают на банку сахарные звездочки... Завтра, — сказал я, задыхаясь от счастья, — молочных [Шаламов 2007: 221].

Александр Петрович Чигарин, по мнению Варлама Шаламова, — вдумчивый и пытливый наблюдатель «подземного» мира, сумевший отметить и описать самое важное, что он пережил в лагере. Шаламов цитирует строку из повести «Всюду жизнь»: «Лагерь — это особый мир, здесь много уродств во взаимоотношениях людей и в отношении к труду». Сам он считал точно так же, описывая и уродство лагерной любви, и садизм начальников и конвойных. В повести «Всюду жизнь» встречаются такие персонажи, как «садист Агаманов — вполне рядовая, типичная фигура лагерного начальства, карцер, другой садист Быков. Провокация с побоями и премиями — одна из миллионов подобных провокаций в те годы [Шаламов 1964а: 38]. В рассказе Шаламова «Ягоды» (1959) конвоиры — садисты Фадеев и Серошاپка — избивают обессиленного голодающего заключенного, упавшего под тяжестью бревна. Он говорит им: «Подумай о том, как ты будешь рассказывать своей невесте, что ты делал на Колыме» [Шаламов 2013: I, 38], но при этом доведен до такого состояния, что не испытывает никаких эмоций по поводу насилия и угроз конвойных застрелить его — его жизнь страшнее смерти. В рассказе «Сухим пайком» (1959) Шаламов описывает это состояние так: «Мы понимали, что смерть несколько не хуже, чем жизнь, и не боялись ни той, ни другой» [Там же: 96]. В рассказе «Мой процесс» (1960) конвойные «долго и старательно» избивают

заключенного из-за того, что он не может идти быстро, а они хотят успеть в кино [Шаламов 2013: I, 76].

В настоящий момент ни рукопись, ни черновики повести А. П. Чигарина «Всюду жизнь» не найдены. По представленной в приложении рецензии можно судить о том, что это материал высокой исторической ценности. Художественная ценность повести подтверждается отзывом Варлама Шаламова, который предъявлял исключительно высокие требования к прозе о трагедии ГУЛАГа, ее достоверности.

Новое выражение нового содержания — вот основное требование рецензента Шаламова к тем, кто присылал свои произведения в литературный журнал. И это есть основа его собственного метода в прозе, воплотившегося в «Колымских рассказах» и описанного в заметках и эссе о новой прозе. Не найдя возможности дольше оставаться в журнале, Шаламов разорвал отношения с журналом. В 1968 году он с горечью отметил: «“Новый мир” — это глубокая провинция, безнадежно отставшие литературные и общественные концепции устарели» [Там же: V, 303].

3.3. В. Шаламов и А. Солженицын: противостояние метода и эстетических позиций

«Лагерная» проза — раздел русской литературы XX века, включающий как мемуары, так и художественные тексты. Теме сталинских лагерей и репрессий посвящены произведения В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Ю. Трифонова, Е. Гинзбург и других авторов. Архивы воспоминаний репрессированных хранятся в обществе «Мемориал», в библиотеке Сахаровского центра и заслуживают отдельного изучения. В традиционном общественном дискурсе еще со времен перестройки сложилось представление о том, что главными писателями ГУЛАГа являются А. Солженицын и В. Шаламов, при этом их имена чаще всего противопоставляются.

Сопоставление Шаламова и Солженицына популярно и среди исследователей обоих авторов и среди широкого круга читателей. Оснований для этого приводится достаточно: они были хорошо знакомы, сохранилась их переписка и свидетельства членов семьи и друзей. Оба имеют опыт репрессий и посвятили ему значительную часть своего творчества. При этом существует мнение, подкрепленное рядом публикаций, о том, что между авторами был непримиримый конфликт, что частично опровергается архивными документами. Противопоставление также часто носит политический характер: Солженицын — монархист, антикоммунист, близкий к консервативным диссидентским кругам, Шаламов же часто упоминается как троцкист (что не вполне соответствует действительности), поддерживающий социализм, далекий от диссидентской деятельности.

История взаимоотношений двух писателей насчитывает относительно короткий период дружбы и более долгий — противостояния, прежде всего эстетического.

Знакомство В. Шаламова и А. Солженицына состоялось 20 ноября 1962 года и было связано с выходом в «Новом мире» повести «Один день Ивана Денисовича». В этот период Шаламов сотрудничал с журналом в качестве внутреннего рецензента; рукопись Солженицына попала к главному редактору А. Т. Твардовскому через Льва Копелева. Шаламов к этому моменту уже несколько лет (с 1954 года) работал над «Колымскими рассказами», написал много стихов и активно добивался их опубликования и в «Новом мире», и в других изданиях.

Публикация «Одного дня Ивана Денисовича» в 11 номере «Нового мира» за 1962 год стала значительным событием в истории, литературе и культуре середины XX века. Повесть всколыхнула Советский Союз: очереди у газетных киосков и библиотек, тысячи отзывов и писем, приходящих в редакцию «Нового мира» и лично А. И. Солженицыну, публичные обсуждения на страницах газет. Впервые заговорили бывшие заключенные, которые делились своими историями, спорили о достоверности описания лагерного быта в «Одном дне», предлагали автору новые сюжеты. Часть этих свидетельств и, по словам Солженицына, поправок вошла в текст романа «Архипелаг ГУЛАГ».

В архиве журнала «Новый мир» содержится свидетельство очевидца — М. И. Кононенко, который впоследствии был включен А. Солженицыным в список свидетелей ГУЛАГа. В письме к Солженицыну Кононенко сообщал:

И стар и млад; интеллигент и колхозник; тот, кто выращивает пшеницу и дает высокие надои молока; те, кто варит сталь и строит автолинии, станки и кибернетические «разумные машины» — все интересуются Вашей оригинальной повестью. Почему? Потому, что на нее массовый спрос. Все хотят читать Вашу повесть.

В Харькове я, слава богу, видывал всякие очереди, когда шла кинокартина «Тарзан», за сливочным маслом, за женскими панталонами, куриными потрошками и даже за конской колбасой. Но такой большой очереди, какая появилась за Вашей повестью в библиотеках, я и не припомню. Разница лишь в том: за товарами стояли потребители на улице или на задворке, а за Вашей повестью записываются в список. За товарами простаивали в один «присест» по два-три, и самое большее — четыре-пять часов. А вот за Вашей повестью я, лично, ожидал без малого полгода и все впустую. Повесть я заимел <...> на срок СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ. И эту «кондицию» я постарался выполнить [Кононенко: 21].

Публикация «Одного дня» стала поводом для начала переписки Шаламова и Солженицына. В архиве В. Шаламова содержатся несколько чернови-⁵⁰ков писем к А. Солженицыну, а также письма к друзьям и коллегам, в которых он так или иначе отзывается о Солженицыне и его произведениях. Также некоторые высказывания и заметки находятся и в записных книжках. Переписка продолжалась до 1966 года.

⁵⁰ Письма, отправленные В. Шаламовым, находятся в архиве А. И. Солженицына, доступ к ним отсутствует на основании решения наследников.

Солженицын изображает Шаламова «взволнованным» при первой встрече, а его последовавшее письмо — «пылким и нежным» [Солженицын 1999: 163]. Действительно, письмо, датированное ноябрем 1962 года, содержит восторженные эпитеты: «повесть совершенна», «очень хороша», «умна, тонка и глубока», «великолепна», «откровение в каждой ее фразе». Высказывая замечания, Шаламов пишет, кажется, противореча сам себе: «В повести все достоверно. Это лагерь “легкий”, не совсем настоящий». Несмотря на существенный ряд замечаний, лагерь Солженицына у Шаламова достоверный, а детали описания «точны и обжигающе новы» (он увидел «легкий лагерь», описывая разницу между своим опытом и опытом Солженицына). Он восхищен и языком повести, говоря о том, что Солженицыну удалось найти исключительно сильную форму:

Дело в том, что лагерьный быт, лагерьный язык, лагерьные мысли не мыслимы без матерщины, без ругани самым последним словом. В других случаях это может быть преувеличением, но в лагерьном языке — это характерная черта быта, без которой решать этот вопрос успешно (а тем более образцово) нельзя. Вы его решили. Все эти «фуяслице», «...яди», все это уместно, точно и — необходимо. Понятно, что и всякие «падлы» занимают полноправное место и без них не обойтись. Эти «паскуды», между прочим, тоже от блатарей, от Ижмы, от общего лагеря [Шаламов 2013: VI, 375].

Взволнованность Шаламова можно связать с надеждой на благополучную судьбу собственных произведений — в первую очередь, стихов. Солженицын уговаривал сделать подборку для передачи Твардовскому. По его утверждению, он ценил шаламовские стихотворения выше прозы, считая ее «художественно неудовлетворительной».

Остановимся на эпизоде, связанном с публикацией «Колымских рассказов». По свидетельству Солженицына, после нескольких лет держания,

...чуть ли не с 1958, редакция «Советского писателя» вернула ему «Колымские рассказы», 34 штуки. При этом 4–6 положительных внутренних рецензий (о которых ему известно) — все скрыты, и присланы автору только две отрицательных, главная из них — «октябриста» Дремова. Тот пишет, что рассказы эти бесполезно читать советскому читателю. И пытается Дремов противопоставить «Колымским рассказам» «Ивана Денисовича» (за которого, впрочем, в той же рецензии хает и меня: «пытался», «не удалось», «слабая художественная индивидуальность образов» [Солженицын: 163].

Шаламов и Солженицын согласились во мнении, что такие рецензии необходимо распространять в самиздате вместе с отвергнутым произведением для того, чтобы читатели узнали об их сути.

Солженицын утверждал, что, кроме нескольких частных пунктов, между авторами никогда не возникало разнотолков и в изъяснении самой сущности Архипелага (ГУЛАГа, лагерьной системы):

Всю туземную жизнь мы оценили в общем одинаково. Лагерьный опыт Шаламова был горше и дольше моего, и я с уважением признаю, что именно ему, а не мне досталось коснуться того дна озверения и отчаяния, к которому тянул

нас весь лагерный быт. Это, однако, не запрещает мне возразить ему в точках нашего расхождения [Солженицын: 163].

Обстоятельств прочтения В. Шаламова рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в опубликованных на сегодняшний день записных книжках не находится. Что касается документальных свидетельств взаимоотношений между писателями — в архиве Шаламова они собраны в отдельную тетрадь с буквой «С» на обложке. Точная датировка отсутствует. Однако стоит отметить, что записи в этой тетради часто носят негативный характер, что, возможно, свидетельствует о том, что они были сделаны в конце 60-х или 70-е гг. Тем не менее, ряд писем другим адресатам подтверждают эмоциональную реакцию Шаламова и его теплое отношение к Солженицыну в первой половине 60-х гг. Зимой 1963 года он написал Б. Лесняку: «Солженицын показывает писателям, что такое писательский долг, писательская честь. Все три рассказа его — чуть не лучшее, что печаталось за 40 лет» [Шаламов 2013: VI, 356].

Важным эпизодом этого периода является приезд В. Шаламова в Солотчу по приглашению А. Солженицына, по его словам, из сочувствия к Варламу, лишенному тишины и воздуха, а также для обсуждения совместной работы над «Архипелагом» [Солженицын: 163]. Считается, что эта встреча стала началом конфликта между писателями. С. Ю. Неклюдов так вспоминает этот эпизод:

Я помню его первые впечатления от произведений Солженицына, как он поминутно входит в комнату и вслух читает то «Ивана Денисовича», то «Случай в Кречетовке», просто дрожа от восхищения. Однако дальше обнаружилось поразительное несовпадение характеров, темпераментов, хотя в первые месяцы, отношения были очень близкими, но потом — резкая ссора. Когда Варлам Тихонович приехал из Солотчи, куда его пригласил для совместного отдыха Солженицын, у него были белые от ярости глаза: тот образ жизни, тот ритм, тот тип отношений, которые были предложены Александром Исаевичем, оказались для него абсолютно неприемлемыми [Неклюдов 2011].

В поздних записях Шаламова (70-е гг.) содержится неотправленное письмо А. И. Солженицыну, датированное 1974 годом, в котором Шаламов, отвечая на высказывание «Варлам Шаламов умер»⁵¹, гневно пишет о том, что он умер для Солженицына еще в Солотче, откуда бежал через два дня, сославшись на головную боль и по возвращении выкинул из квартиры «его друзей и его секреты» [Шаламов 2013: VI, 279]. Однако другие документы опровергают эту запись. В частности, в архиве О. С. Неклюдовой находятся два письма В. Т. Шаламова⁵², написанные из Солотчи, которые содержат в целом положительный отзыв о времени, проведенном в компании Солженицына.

⁵¹ Реакция А. Солженицына на письмо В. Шаламова в «Литературную газету» с отечением от западных публикаций и самой проблематики «Колымских рассказов».

⁵² Письма находятся в неразобранной части архива, не описаны. Публикуются впервые.

17 сентября 1962 (? Возможно, описка, 1963 г.) Солотча.

Дорогая Олечка, я — в Солотче, на рязанском курорте, среди сосен и дубов. Год урожая — желудей очень много. Домик вовсе отдельный, с газом и электричеством. Никакой столовой здесь нет и готовить надо самим. Что я одобряю всем сердцем. Если удастся отбиться от многочисленных уток и колбас гостеприимства — то будет лучший вариант питания, какой только есть. Одну половину домика (из шести комнат) занимает Александр Исаевич, вторую — я. Здесь мне дышится хорошо (а тебе дышалось бы отлично). Тишина довольно неслыханная, <чудное?> безлунное небо, черная тихая ночь. Единственное отрицательное — уже не жарко и голые поля, выцветшие стога говорят об осени. Но дождей еще нет, хотя тучи ходят и ночью холодновато. Но взяли уже второе одеяло — теплое, толстое. Я начал кое-что писать из мелочей (вроде «Двадцатых годов»).

Александр Исаевич работает очень напряженно и помногу над новой повестью. Он, конечно, гораздо организованнее меня, и, оказывается, нервнее, вскакивает ночью на каждый скрип, каждый стук. А я, залопав с вечера две таблетки барбамила — проснулся по-московски.

Крепко тебя, милая Оля, целую, желаю всякого здоровья, всякого добра. Всякий раз, когда я расстанусь с тобой хоть на день, чувствую себя все время с тобой. Дай тебе Бог здоровья, успеха, удачи маленькая, дорогая моя Олечка. Сереже передай мой самый лучший привет, поцелуй его от меня.

Сюда можно писать и прямо — п/о Солотча, Рязанская область, до востребования. Но я не знаю, буду ли я на почте. Письма же твои из Рязани привезет Наталья Алексеевна вместе с газетами. Здесь ночной порядок северного типа. Мне это хотя и не по душе, но подчинился <нрзб> с интересом и даже некоторой надеждой особого рода. В Москве после чтения трех-четырех газет и вовсе не хотелось ничего писать задуманного ночью или вообще раньше.

Крепко целую. Звонила ли <нрзб>. Муку-то не забудьте. Привет Зинаиде Александровне. Я как-то не сумел с ней попрощаться.

В.

Александр Исаевич шлет тебе привет.

Второе письмо написано спустя четыре дня и также не содержит следов напряжения или конфликта между писателями. Более того, Шаламов пишет о том, что ему «очень хорошо и очень интересно»:

21 сентября 1963, Солотча

Дорогая Олечка. Как там твои дела, что там прояснилось с Мариной, с «Московским рабочим». Напиши мне, пожалуйста. Как Сережа там живет? Всего (или уже) пять дней как я уехал — должны же быть новости, движение в делах.

Мне здесь живется очень хорошо и очень интересно. Огромная сосна подходит прямо под окно, превращая здешнее жилье подобие садов Платона — о многом мы поговорили. Со стороны еды здесь самая удобная для меня форма — варю и ем все, что хочу из того, что здесь есть. Даже <нрзб> думаю варить, когда кончится старое. Но все расскажу тебе как приеду, это письмо написал, чтобы бросить на почте.

Солотча — маленькая Москва (не маленькая Рязань, а именно маленькая Москва) с кремлем (с нарисованными кирпичами) и вдоль стен голубыми елями, как на Красной площади. Кафэ «Солотча», хлебный магазин, магазин

самообслуживания, где один продавец подает хлеб откуда-то изнутри, кассир принимает деньги на выходе, а потом привозит хлеб. Все это на площади с мою комнату. На улице есть знаки переходов.

Словом, все, пока. Крепко тебя целую. Сережу обнимаю. Желаю душевного мира, <нрзб>, удачи.

В.

В Солотче Шаламов напишет несколько стихотворений, в частности «Рязанские страдания» (1963), созвучное тону писем жене:

Далеко-далеко от московского гама
Тишиной настороженный дом,
Где блистает река у меня под ногами,
Где взмахнула Ока рукавом.

И рукав покрывают рязанским узором,
Светло-бронзовым соснам под лад,
И под лад черно-красным продымленным зорям
Этот вечный вечерний наряд.

Не отмытые храмы десятого века,
Добатыевских дел старина,
А заря над Окой — вот мечта человека,
Предзакатная тишина
[Шаламов 2013: III, 399].

Итак, Шаламов был потрясен свежестью и новизной «Одного дня», восхищенно читал вслух «Матренин двор» и «Случай на станции Кочетовка», но у него была очень твердая позиция относительно того, как следует писать об опыте ГУЛАГа, которая категорически не совпадала с позицией А. Солженицына. Но пока после первых небольших публикаций была надежда, что они пробьют лед цензуры (Шаламов так и говорит — они станут ледоколом или маятником, началом разговора о лагере или его концом), вопросы художественного метода уходят на второй план. Важнее то, что опубликовано хотя бы немного, кто-то осмелился сказать правду, которая была услышана всей страной.

В интервью 1982 года, Солженицын говорил: «...чтобы описать всю лагерную жизнь, достаточно описать всего один день в мельчайших подробностях, притом день самого простого работяги, и тут отразится вся наша жизнь» [Сараскина: 461]. Лев Копелев, друг Солженицына, прочитав рукопись, назвал «Один день» производственной повестью, выполненной в традициях соцреализма [Там же: 465].

Исследователь Е. Михайлик также говорит о реализме, однако в отличие от шутки Л. Копелева, традиционным:

Отсюда видно, что Солженицын поставил себе традиционную задачу реализма — воспроизвести некое явление (как-то: лагерную жизнь во всей ее полноте), изобразив типический характер — обыкновенного работягу — в типических обстоятельствах обычного дня [Михайлик 2002: 103].

В этом содержится ключевой момент расхождения эстетических позиций Шаламова и Солженицына — реализм (особенно социалистический) как метод чужд Шаламову, наследнику модернизма. Солженицыну социалистический реализм тоже был чужд, но от традиций русской прозы XIX века он никогда не отказывался. Много лет спустя, в 1971 году, продолжая спорить с Солженицыным в записных книжках, Шаламов назвал себя прямым последователем русского модернизма:

Я — прямой наследник русского модернизма — Белого и Ремизова. Я учился не у Толстого, а у Белого, и в любом моем рассказе есть следы этой учебы. С Пастернаком, Эренбургом, с Мандельштамом мне было легко говорить потому, что они хорошо понимали, в чем тут дело. А с таким лицом, как Солженицын, я вижу, что он просто не понимает, о чем идет речь [Шаламов 2013: V, 322].

Солженицын, по мнению Шаламова, опирался на романную традицию XIX века (Достоевский) и моральный пример Льва Толстого. В письме А. Кременскому⁵³ Шаламов прямо написал: «Солженицын весь в литературных мотивах классики второй половины 19 века», и это являлось главной проблемой, поскольку, по мнению Шаламова, он вслед за классиками принимал на себя роль учителя жизни:

Все, кто следует толстовским заветам, — обманщики. Уже произнося первое слово, стали обманщиками. Дальше их слушать не надо. Такие учителя, поэты, пророки, беллетристы могут принести только вред. Но это все, к слову, к «фону времени», слишком грозному, которому никакой Блок выхода и ответа не найдет. Литературное же существо вопроса заключается вот в чем (конечно, все это личное мнение) — главный закон жизни, который я постиг за 65 лет: отсутствие права учить человека, человек человека не может, да и не должен учить. Поскольку вся литература 19-го века выступает в роли именно учителей, весь опыт коих привел к лагерям, которые хоть и всегда существовали, что мы знаем от Овидия Назона, но в 20-м веке явились сущностью человеческого бытия [Там же: VI, 576].

Е. Михайлик также отмечает эту потребность Шаламова в новом способе высказывания:

Шаламову — вполне в соответствии с логикой 1920-х годов — потребовались принципиально иные изобразительные средства для воспроизводства опыта, который не мог быть воспринят внешней — по отношению к лагерю — аудиторией даже приблизительно. При этом пишет он о людях, которые пережили революцию, голод 1930-х, войну, послевоенную разруху. И, тем не менее, с лагерем, с Колымой эта аудитория совместить себя, по мнению автора, не может [Михайлик 2009: 178].

Катастрофический опыт, или опыт литературного творчества после переживания ада невозможно полностью реконструировать в слове. Шаламов понимал это и на протяжении многих лет искал другой способ передачи чувств и физиологических ощущений заключённых: голода, холода,

⁵³ Кременский Александр Александрович (1908–1981) — писатель.

изнуряющего труда, мокрой одежды, болезней, истощения, побоев, унижения и в конце концов полного равнодушия ко всему, что происходит, безразличия к смерти. Наиболее близкий подход к определению можно описать словами самого Шаламова, который говорил о том, что его рассказы «прокличаны».

А. Немзер в книге «Проза Александра Солженицына: Опыт прочтения» сопоставляет дебют Солженицына с «Бедными людьми» Достоевского и «Детством» Толстого, замечая, однако, что сопоставление силы общественного резонанса невозможно, поскольку XIX век не знал ни чудовищных катастроф начала XX века, ни такой широкой читательской аудитории [Немзер: 19]. Это же, очевидно, имел в виду и Шаламов.

Поэтому он, изначально приветствуя публикацию «Ивана Денисовича», уже через два года ответил резким отказом на предложение писать «Архипелаг». Солженицын описывает это так:

Я изложил с энтузиазмом весь проект и мое предложение соавторства. Если нужно — поправить мой план, а затем разделить, кто какие главы будет писать. И получил неожиданный для меня — быстрый и категорический отказ. Даже: знал я за В. Т. умение тонко намекнуть вместо того, чтобы сказать прямо (у меня уже слагалось такое ощущение, что я с ним открыт, а он полузакрыт), — а тут он ответил прямо: «Я хочу иметь гарантию, для кого пишу». Я был тяжело поражен: до этого самого момента я был уверен, что у него, как и у меня, главная линия — сохранить память, просто писать для потомства, хоть без надежды напечатать при жизни. А он:

— Зачем я буду это писать? Какая разница, что я напишу — и это будет лежать в каком-нибудь другом месте? Да ведь понятно ему было: такую книгу невозможно печатать. Мысль об известности — видимо, сильно двигала им [Солженицын 1999: 165].

Солженицын был отчасти прав, говоря о том, что мысль об известности двигала Шаламовым, но не принимал во внимание то, что это была мысль об известности иного рода: Шаламов стремился опубликовать свои рассказы в СССР, а попадание в «самиздат» или в «тамиздат» такую возможность исключало, это было неприемлемо. Но и эстетически сотрудничество было невозможно, о чем Солженицын не упоминает.

Ключевым моментом, определяющим эстетическое и экзистенциальное разногласие, является отношение обоих авторов к своему опыту. Солженицын провозглашал, что опыт несвободы человека закаляет и служит предпосылкой духовного роста. Шаламов, напротив, считал, что этот опыт в нормальной человеческой жизни непригоден, он растлевает и уничтожает человеческое. Солженицын боролся с советской властью, а Шаламов — со злом, причиненным ей. Солженицын — последовательный антикоммунист и антисоветчик, в «Архипелаге ГУЛАГ» он провозглашает: «Все началось с залпа “Авроры” ... Сталин шагнул в указанную ленинскую стопу...» [Солженицын 1975б]. Шаламов многократно говорил о том, что у России в 20-е годы, до наступления сталинизма, был исторический шанс осуществить, как он писал, «действительное обновление жизни»,

а в произведении «Вишера. Антироман» высказывался о том, что Сталин и советская власть — не одно и то же [Шаламов 2013: IV, 181].

Солженицын придерживался другой точки зрения, отвергая и революцию, и ее последствия, не отделяя Сталина от его предшественников и последователей в деле революции и установления тоталитарного режима. Он отмечал в Шаламове этот не забытый и не отвергнутый опыт:

Несмотря на весь колымский опыт, на душе Варлама остается налет сочувственника революции и 20-х годов.

Та политическая страсть, с которой он когда-то в молодости поддержал оппозицию Троцкого — видимо, не забыта и 18-ю годами лагерей [Солженицын 1999: 165].

В «Архипелаге...» А. Солженицын вступил в прямую полемику с Шаламовым, характеризуя его позицию и воспевая тюрьму:

Прав был Лев Толстой, когда мечтал о посадке в тюрьму. С какого-то мгновения этот гигант стал иссыхать. Тюрма была, действительно, нужна ему, как ливень засухе! Все писатели, писавшие о тюрьме, но сами не сидевшие там, считали своим долгом выражать сочувствие к узникам, а тюрьму проклинать. Я — достаточно там посидел, я душу там взрастил и говорю непреклонно:

— БЛАГОСЛОВЕНИЕ ТЕБЕ ТЮРЬМА, что ты была в моей жизни!

(А из могил мне отвечают: хорошо тебе говорить, когда ты жив остался!)

Но меня останавливают: вы не о том совсем! Вы опять сбились на тюрьму!

А надо говорить о лагере. Да я, кажется, и о лагере говорил. Ну хорошо, умолкну. Дам место встречным мыслям. Многие лагерники мне возразят и скажут, что никакого «восхождения» они не заметили, чушь, а растрение — на каждом шагу. Настойчивее и значительнее других (потому что у него это уже все написано) возразит Шаламов: «В лагерной обстановке люди никогда не остаются людьми, лагеря не для этого созданы». «Все человеческие чувства — любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность — ушли от нас с мясом мускулов... У нас не было гордости, самолюбия, а ревность и страсть казались марсианскими понятиями... Осталась только злоба — самое долговечное человеческое чувство»⁵⁴ [Солженицын 1975а: 310].

Шаламов много раз высказывался об отрицательном опыте лагеря: и в письмах, и в заметках, и главное — в «Колымских рассказах». В дополнение к этим, широко известным и обсуждаемым заявлениям, можно привести один пример из его переписки с Я. Грозденским. В письме от 23 июля 1968 года Шаламов рассказывает о том, как получил предложение от Г. Г. Регистана перевести несколько стихов неизвестного еврейского поэта. Автор стихов — инвалид войны, который провел 10 лет в лагерях. Предполагая, что стихи такого человека будут близки Шаламову, Регистан сделал это предложение. При принятии решения, Шаламов руководствовался тем, каким будет в этих стихах отношение к лагерному опыту:

⁵⁴ Солженицын цитирует рассказ Шаламова «Сухим пайком» (1959).

Я разговариваю и все время думаю: если хоть строчка будет в этих стихах о благодарности за судьбу и науку, хотя бы в самой завуалированной форме, я новых стихов не возьму, откажусь. Привозят стихи. Я просматриваю то, что мне досталось (мы переводим пополам с Озеровым) и ничего «компрометирующего» не нахожу. И беру. Потом просмотрел дома. Это — поэт, божьей милостью поэт-самоучка, разбитый жизнью в лагере и войной. Трещина по сердцу, тревога, но ни строчки, ни звука, что было бы подлым, уклончивым. Вот такой герой. Весь тон обвинения скрытого, искренность, обида [Шаламов 2013: VI, 326].

В 1965 г. Шаламов покинул «Новый мир», не найдя никакой поддержки главного редактора и перспектив публикации. Солженицына перестали публиковать — и он начал активно распространять свои тексты в самиздате. Записные книжки и письма Шаламова того времени еще не отражают изменения в отношении к Солженицыну, эпизод с «Архипелагом» там также отсутствует. Несмотря на то, что в этот период Шаламов много рассуждал о литературе, в частности, о поэтах Серебряного века и современных молодых поэтах (упоминаются Е. Евтушенко и А. Вознесенский), имя Солженицына появилось лишь в одной, уже упоминавшейся ранее записи в связи с А. Платоновым. Это могло быть связано и с тем, что после 17 лет лагерей Шаламов осторожен в высказываниях и особенно в записях: он редко писал о политике, и не оставлял никаких следов чтения самиздата, хотя, по свидетельству С. Ю. Неклюдова, самиздат в доме читали регулярно и сам Неклюдов активно занимался его распространением. К тому же, за Шаламовым еще в середине 50-х годов было установлено наблюдение, с тех пор сохранились кадры оперативной съемки и тексты донесений.

Лишь в середине 1965 года, после отказа от соавторства «Архипелага», в письме Шаламова к Г. Демидову появится довольно сдержанная, хотя еще не критическая фраза: «Тут дело таланта. Солженицын, опыт которого очень невелик, поднят наверх именно жадной силой времени» [Там же: 403].

3.4. Эволюция размышлений В. Шаламова о прозе и методе в литературе в 60-е годы

В 60-е годы В. Шаламов записал свои главные теоретические размышления, обосновывающие его собственный метод. «О прозе», «О моей прозе» и «О новой прозе» опубликованы И. П. Сиротинской как эссе, представляют собой записи в тетрадях или выдержки из письма В. Шаламова к ней. Важно перечислить ряд текстов, посвященных исследованиям некоторых литературных сюжетов, которые уже были опубликованы или планировались к публикации в разных изданиях. Это, например: статья «Работа Бунина над переводом “Песни о Гайвате”», опубликованная в журнале «Вопросы литературы» (1963. № 1); «Несколько замечаний к воспоминаниям Эренбурга о Пастернаке» (Написан 1961 г., вероятно, для журнала «Новый мир», где напечатана глава из книги И. Г. Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь»

с воспоминаниями о Б. Л. Пастернаке. Но статья Шаламова опубликована лишь в 1990 г. в газете «Литературная Россия», № 6 от 9 февраля).

Вопрос художественного метода — один из главных, над которым работал Шаламов в этот период. И это связано не только с катастрофическим опытом, пережитым писателем совсем недавно (менее 10 лет прошло после реабилитации и возвращения домой). Ему важно и систематизировать опыт, и описать события 20-х годов, которые, так же, как и колымские замалчивались и должны были быть обнародованы.

Говоря о «новой прозе» Шаламова, необходимо обратиться к рецензиям на «Колымские рассказы», которые отмечают ее основные особенности — писателя обвиняли и отвергали за то, что было его изобретением, новаторством, сознательно выстроенным методом.

В рецензии на «Колымские рассказы» Э. Мороз (Советский писатель, 20 июля 1963 г.) отмечает:

Индивидуализация каждого героя очень слабая, ее почти нет, и это, на мой взгляд, большой недостаток рукописи. Вторым недостатком рукописи, по-моему, стала выбранная автором позиция, для меня совершенно неприемлемая. Создается впечатление, что автор не любит своих героев, не любит людей вообще. Герои его лишены всего человеческого, как он пишет, единственное, что в них живет — это злость, они отличаются от животных лишь одним — выносливостью [Мороз: 10].

В данном случае рецензент права: именно это и хотел сказать Шаламов, именно такая позиция являлась основой его понимания и эстетического воплощения лагерного опыта как опыта расчеловечивания, антигуманности, без какого-либо перспективного будущего. Индивидуализация автором отвергалась: мгновенной потере человеческого подвержены все: и политические, и блатные, и те, кто их охраняет, и в этом смысле они равны. Рецензент этого не понимала и настаивала на том, что литература должна быть гуманистичной, даже несмотря на то, какой опыт она описывает:

Может быть горький опыт автора и дает ему права так писать о людях, но я глубоко убеждена, что литература должна быть гуманистичной, должна вызывать к лучшему, что есть в человеке, а не унижать его [Там же].

Шаламов же убежден: в лагере в человеке не остается не то, что лучшего, но и хорошего и даже человеческого. Поэтому, как будет показано ниже, он отвергает и психологию характеров, и индивидуальные черты. Лагерные жители — масса, из которой выделяются только «религиозники», как наиболее способные к сопротивлению распаду и — на другом полюсе — блатные как самое отвратительное, самое ненавистное Шаламову явление лагеря. При этом Э. Мороз рекомендовала опубликовать рассказы — именно потому, что это была правда, выстраданная автором.

Другой прием прозы Шаламова, который отмечают его критики, — фотографичность. Именно с такой точностью Шаламов дает ужасающие детали лагерного быта: свитер, шевелящийся от вшей, кожа, перчаткой сходящая с руки, цинга, отмороженные конечности, развалившиеся бурки,

страшный мороз. Сам писатель называет это достоверностью, в отзывах на чужие рукописи он максимально внимателен именно к деталям — в лагере не может быть кот, потому что его бы съели, не нужны ложки, потому что суп слишком жидкий и его пьют через край. По его мнению, лагерь у Пастернака и называется и описан неверно именно в деталях. Рецензенты Шаламова тоже обращают на это внимание, называя прозу Шаламова фотографией.

В рецензии А. Дремова от 15 ноября 1963 г. мы находим:

Через все описания проходят основные эмоциональные мотивы — чувство голода, превращающее каждого человека в зверя, страх и приниженность, медленное умирание, безграничный произвол и беззаконие. Все это фотографируется, нанизывается, ужасы нагромождаются без всяких попыток как-то это все осмыслить, разобраться в причинах и следствиях описываемого [Соловьев 2015].

В рецензии О. Волкова, который сам много лет провел в лагерях, прослеживается мысль об особенностях, отдельности от всего соцреализма прозы Шаламова. По словам С. Соловьева, исследователя творчества Шаламова и главного редактора сайта shalamov.ru:

Волков увидел в рассказах Шаламова то, чего не было в «Одном дне...»: «лагерь — мироподобен» (В. Т. Шаламов). Рассказы, писал Волков, «приоткрывают занавес над целой огромной областью человеческих отношений и философией, порожденной дикими порядками исправительно-трудовых лагерей». Иными словами, в «Колымских рассказах» автор рецензии нашел описание и осмысление экзистенциальной катастрофы середины XX века [Там же: 175].

Рецензент отвергал исчерпанность темы лагеря рассказами Солженицына. Более того, он отмечал, что:

восприятие системы принудительного труда его героем оставляет незадетыми ворохи жгучих вопросов, невольно встающих перед читателем [Там же].

Особенностью прозы Шаламова, помимо точности и достоверности, Волков называет рефлексивность героев, анализирование и осмысление происходящего с ними:

Герои Шаламова пытаются, в отличие от Солженицынского, осмыслить навалившуюся на них беду, и в этом анализе и осмыслении заключается огромное значение рецензируемых рассказов: без такого процесса никогда не удастся выкорчевать последствия того зла, которое мы унаследовали от сталинского правления [Там же].

Осмыслению и описанию своего художественного метода Шаламов посвятил большое количество заметок. Рассматривая их хронологически, можно выявить эволюцию его размышлений и результат, к которому он пришел за годы работы. Н. Лейдерман, говоря об этой эволюции, указывает на необходимость изучения манифестов Шаламова:

Те материалы, которые опубликованы, свидетельствуют, что с годами его высказывания о «старых» литературных традициях становились все нетерпимее,

а заявления о преимуществах документальной прозы все категоричнее. Это, видимо, сказывалось и на творческой практике. Однако достаточно определенно судить об этом можно будет лишь после изучения творческой истории всех его произведений — не только рассказов, но и «манифестов» [Лейдерман: 182].

Далее мы проследим эволюцию размышлений Шаламова о методе в литературе на примере нескольких, наиболее раскрывающих эту тему документов. По хронологии они выстраиваются следующим образом:

- письмо А. И. Солженицыну по поводу публикации «Одного дня Ивана Денисовича» в № 11 журнала «Новый мир» (1962);
- две рецензии на произведения самодельных авторов на «колымскую» тему (январь–март 1963);
- «Заметки рецензента» в архиве датированные «началом 60-х годов»;
- текст «О моей прозе» 1971 года (отрывок из письма И. П. Сиротинской).

Таким образом появляется возможность проследить эволюцию размышлений и взглядов автора на протяжении десяти наиболее плодотворных для него лет.

Из архива «Нового мира» выбраны две рецензии, которые не включены в фонд писателя и не публиковались ранее, это внутренние документы журнала, которые представляют интерес как типичные высказывания Шаламова о «лагерной» прозе. Его мнение об этих текстах важно, поскольку требовательность к рукописям на эту тему была особенно высока, имел значение и опыт автора (лагерный. В особенности, колымский), и умение этот опыт художественно обобщить. Шаламов очень критично и ревниво относился к профессиональным писателям, которые высказывались на тему репрессий, например, к Евгении Гинзбург, что будет рассмотрено далее.

Необходимо оговориться, что обычно рецензии на «самотек» — это особый жанр, где существует канон отказа самодельному автору. Если сравнивать тексты Шаламова с ответами других новомирских рецензентов, то претензии, как правило, будут совпадать: плохой язык, газетность, отсутствие новизны. «Лагерные» рукописи он рассматривал и оценивал более пристально.

После публикации «Одного дня Ивана Денисовича», в редакцию «Нового мира» хлынул поток подобных рукописей, ни одна из которых не была напечатана. Одна из них — повесть И. Кандобарова «Все смертные», 1963 год. Рукопись не была рекомендована к публикации. В начале отзыва В. Шаламова следует краткий пересказ повести. Он необходим нам для понимания, к чему относятся замечания рецензента:

Повесть посвящена одной из тяжелых страниц сталинского времени — Ложно оклеветанный молодой офицер подвергается побоям во время допроса, подписывает признание. Затем целый ряд лет он добивается пересмотра дела, собирает архивные справки. Этому сбору мешает чья-то опытная в подлостях рука. Пройдя целый ряд испытаний, требующих чуть ли не личного героизма, герой — больной, почти умирающий, наконец, добивается правды [Шаламов 1963а: 65].

Второй документ — рецензия на пьесу И. Куликова «Опала коммуниста», которая посвящена судьбе одной из жертв сталинского времени, также отклоненная Шаламовым:

Сюжет пьесы, состоящей из девяти сцен, таков. Во время коллективизации председатель комбеда⁵⁵ из личной мести раскулачивает его хозяйство. Семья [героя] бежит из дому. Одному из сыновей [героя] удается устроиться учиться, он хороший студент, но из-за «социального происхождения» его исключают из института, а в 1937 году сажают в тюрьму⁵⁶.

Наступает война и [герой] показывает образцы героизма на фронте. Комиссар, лично видевший героическое поведение, умирает и [герой] не получает нужных справок. Война кончается, [герой] женится и уезжает на Дальний Север. Там у него умирают дети и жена. Служивцы присваивают его изобретение. [героя] и здесь «разоблачают» как сына кулака. Умирает Сталин, страна готовится к XX съезду. [Герой] получает с родины бумажку об истинном своем социальном происхождении. Тот же самый персонаж, который раскулачивал когда-то [героя], признает свою ошибку [Шаламов 1963б: 67].

Все тексты оцениваются по пяти параметрам, которые их объединяют:

- требования к языку художественного произведения, которые предъявлял рецензент Шаламов;
- требования к достоверности в художественном тексте;
- характеры героев;
- высказывания «о правде жизни и художественной правде»;
- какой должна быть проза после Колымы.

Язык художественного произведения — то, на что всегда обращает внимание Шаламов. Важно отметить, что проблема языка имеет два аспекта. К языку героев предъявляется то же требование, что и к повествованию в целом: достоверность. Поэтому, с точки зрения Шаламова, у Солженицына — исключительно сильная форма. Это достигается за счет правильной передачи лагерного языка.

Язык автора — это другая проблема, на которую постоянно обращает внимание Шаламов. В рецензии на повесть «Все смертные» (1963) он указывает на то, что язык повести очень неровен:

В ряде случаев автор во что бы то ни стало хочет говорить «красиво» и получается «прыщавая стужа», «слякотливая погода», «клеенчатое молчание». Главная проблема героев автора Куликова — они говорят друг с другом языком газетных статей, а не живой человеческой речи. Этим недостатком страдают в особенности фронтовые сцены. Диалоги героев, их поведение, далеки от жизненной правды [Шаламов 1963а: 65].

⁵⁵ Комбед — комитет бедноты, орган Советской власти в сельской местности в годы «военного коммунизма». Создан декретами ВЦИКа от 11.06.1918 и Совнаркома от 06.08.1918.

⁵⁶ История, описывающая судьбу самого В. Шаламова, который был исключен из МГУ по доносу своего земляка М. Коробова за сокрытие социального происхождения.

В «Заметках рецензента» (60-е) язык самостоятельных авторов подвергается критике за подражание и штампы:

Как писать? Каков должен быть современный литературный язык? Как должна выглядеть фраза современного русского языка? Короткая фраза, которой стараются пользоваться многие молодые прозаики, объявлена прогрессивным явлением русского языка. Язык «самотечных» рукописей (кроме немногих исключений) изобилует штампами [Шаламов 2013: V, 228].

И, наконец, в эссе «О моей прозе» (1971) Шаламов подводит итог размышлениям о языке современной художественной прозы: главное — лаконизм, исключается любая «пестрота».

Фраза рассказа должна быть проста, все лишнее устраняется еще до бумаги, до того, как взял перо.

Вырабатывается своего рода автоматизм в том, что из бесконечного запаса, хранящегося в мозгу, отбирается в языковом смысле только то, что сможет принести пользу, никаких новых вариантов и сравнений, пестроты не возникает, — я мог бы тащить вон эту пестроту лишь как пародию [Там же: VI, 484].

Устранение всего лишнего в собственных произведениях до того, как они написаны осуществляется Шаламовым путем проговаривания текстов вслух. Н. Лейдерман отмечает:

У Шаламова есть немало резких высказываний насчет «беллетристики». Он порицает ее за описательность, его коробит от словесных «пустяков, погремушек», «от старых литературных людей и схем». Он считает, что расхожие художественные формы не способны освоить новый трагический опыт вроде опыта Колымы: «обыкновенные рассказы» — «опошление темы [Лейдерман: 172].

Вторая тема — **достоверность**. Относительно собственных произведений Шаламов повторяет, что было бы ошибкой воспринимать их как документ, мемуары, дневник. При этом, достоверность должна быть абсолютной. Говоря о недостоверности, Шаламов подробно, раз за разом объясняет, как, по его мнению, должно быть «правильно». Такие же замечания были адресованы Солженицыну и Пастернаку, которым Шаламов указывал на недостоверное описание лагерного быта. При этом особенно важно, имеет ли автор лагерный опыт (Пастернак — нет) и какого рода этот опыт (у Шаламова и Солженицына он разный). Лагерь Солженицына, при всех достоинствах повести «Один день Ивана Денисовича» — достоверный, хотя и:

... «легкий», не совсем настоящий. Настоящий лагерь в повести тоже показан и показан очень хорошо: этот страшный лагерь — Ижма Шухова — пробивается в повести, как белый пар сквозь щели холодного барака [Шаламов 2013: VI, 276].

И продолжает, поясняя свою позицию:

...все эти мои замечания, ясное дело, не умаляют ни художественной правды Вашей повести, ни той действительности, которая стоит за ними. Просто у меня другие оценки. Главное для меня в том, что лагерь 1938 года есть вершина всего страшного, отвратительного, растлевающего [Там же].

Автору повести «Все смертные» Шаламов указывает именно на недостоверность описанного события.

В начале повести, в ее завязке — грубая ошибка. Никогда не бывало случая, чтоб на допросах подследственных били, вымогая признание, а потом отпускали домой. Всякий раз «допросам» такого рода предшествует арест [Шаламов 1963а: 65].

Автора «Опалы коммуниста» Шаламов вовсе упрекает в лубочности, настолько ненастоящими выглядят его герои. Художественную прозу надо выстрадать, рассказ — это не газетная статья — говорит он в «Заметках рецензента», а те, кто не имеют такого опыта, — не могут писать о лагере вообще.

Какой, по мнению Шаламова, должна быть проза после печей Освенцима и позора Колымы? Такой, какую пишет он сам — а именно, достоверной как документ, но вместе с тем художественной:

Не просто документ, а документ эмоционально окрашенный, как «Колымские рассказы». Такая проза — единственная форма литературы, которая может удовлетворить читателя XX века [Шаламов 2013: VI, 441].

Таким образом, автор в своих размышлениях в 60-е годы проходит путь от достоверности факта к художественному осмыслению этой достоверности и эмоциональной окрашенности документа. В 70-е годы этот подход изменится: Шаламов начнет собирать материалы о народовольцах, писать фантастическую пьесу, что предполагает отход от требования личного переживания описываемых событий.

Характерам персонажей Шаламов изначально уделяет большое внимание. Характеры Солженицына — правдивы, безупречны, потому что сам Шаламов видел таких людей в лагере, точность наблюдения Солженицына отмечена в письме не раз. Он отметил это в «Записках» — необходима верность и точность наблюдений, выраженных с помощью новых художественных подробностей и деталей, взятых в живой жизни:

Необычайно правдивой фигурой в повести, авторской удачей, не уступающей главному герою, я считаю Алешку, сектанта.

Очень хорош бригадир, очень верен. Художественно этот портрет безупречен [Там же: 277].

Замечания о характерах персонажей встречаются почти в каждой новоязской рецензии: нет характеров, нет живых людей, персонажи должны быть взяты из живой жизни, писатель должен быть наблюдателем, уметь замечать мелочи. Так, в рецензии на повесть «Все смертные» Шаламов указывает:

В повести нет характеров — главного, для чего пишется рассказ, повесть. Фигуры, выведенные в повести — и генерал Климов и Левашов и Завенягин, и сам Креонов могли бы стать очень интересными характерами, если бы автор больше поработал над изображением внутренней жизни, психологии каждого

персонажа. Ведь и Климов, Левашов, и Завенягин, и Креонов не стали живыми людьми. Характеры их только намечены, а не развиты [Шаламов 1963а].

В рецензии на пьесу «Опала коммуниста» мы находим похожее замечание:

В пьесе нет характеров, нет живых людей. Каслеев много раз уверяет, что он горд и независим, но его характер все же остается схемой, тенью, как, впрочем, и любое действующее лицо пьесы. Автор не владеет даром замечать мелочи, подробности, тонкости психологии — с тем, чтобы с их помощью показать душу своего героя [Шаламов 1963б: 67].

При этом применительно к своей прозе впоследствии он вообще отказался от понятия «характер», придавая большее значение понятию «состояние»:

В моих рассказах нет сюжета, **нет так называемых характеров**. На чем они держатся? На информации о редко наблюдаемом состоянии души, на крике этой души или еще на чем-то другом, чисто техническом [Шаламов 2013: VI, 441].

Только таким образом Шаламов может показать расчеловечивание. В рассказе «На представку» на убийство человека герой реагирует короткой фразой: «Игра была кончена, и я мог идти домой. Теперь надо было искать другого партнера для пилки дров» [Там же: I, 48].

Никаких переживаний, психологизма, эмоций, внутренней жизни здесь не наблюдается потому, что их в ни лагере, ни в тексте Шаламова быть не может.

В нехудожественных текстах Шаламова постоянно встречается выражение «художественная правда — правда жизни». Это два понятия, которые Шаламов последовательно разводит, указывая на то, что одно не равно другому, это принципиально разные вещи. Художественная правда — это художественное обобщение наблюдений писателя, а произведение — обобщение, типизация, вывод, сделанный из художественного осмысления живой жизни. Это есть у Солженицына, и «Один день» Шаламов называет первым в литературе произведением, обладающим художественной правдой.

Все описанное должно быть пережито автором лично, тогда произведение не будет газетной статьей, с которой боролся Шаламов. Эти разъяснения встречаются последовательно в каждом представленном тексте: художественная правда — это обобщение, типизация, вывод, а не последовательное изложение событий, как в газетной статье. В этом Шаламов последователен до конца, эти мысли наблюдаются в его высказываниях на протяжении десятилетия.

Письмо к А. И. Солженицыну по поводу рассказа «Один день Ивана Денисовича». Ноябрь 1962:

Повесть эта для внимательного читателя — откровение в каждой ее фразе. Это первое, конечно, в нашей литературе произведение, обладающее и смелостью, и художественной правдой, и правдой пережитого, перечувствованного — первое слово о том, о чем все говорят, но еще никто ничего не написал [Там же: VI, 276].

Кандобаров. Все смертные. Январь 1963:

Материал повести очень серьезен. Замысел автора хорош. К сожалению, по своим литературным качествам повесть не находится на должной высоте.

Для этой цели автор волен был, и кое-что домыслить, дополнить, обострить — и в сюжете, и в образе каждого героя повести. *Ведь правда действительности и художественная правда — вещи разные.* Повесть в целом — описание случая, описание мытарств Креонова, а не *художественное обобщение наблюдений* [Шаламов 1963а: 66].

Куликов. Опала коммуниста. Февраль–март 1963:

Пользуясь реальными событиями, как канвой, основой для своего произведения, автор должен хорошо знать, *что художественная правда и правда действительности — вещи разные.* Художественное произведение всегда — *обобщение, типизация, вывод.* Судьба Каслеева не кажется таким «выводом». Пьеса в ее настоящем виде очень лична и не столько осуждает Сталина и его методы, сколько старается доказать, что данный пострадавший не виновен [Шаламов 1963б: 67].

Записки рецензента. Начало 60-х:

Тут дело не в поисках экстравагантности, экзотичности во что бы то ни стало, а наоборот: в поисках величайшей простоты, в новом писательском зрении, которое сумеет **разглядеть в обыкновенной жизни новую, неописанную еще правду и с помощью художественных средств** введет эти новые подробности жизни в литературу [Шаламов 2013: V, 228].

О моей прозе. 1971:

Каждый писатель отражает время, но не путем изображения виденного на пути, а познанием с помощью самого чувствительного в мире инструмента — собственной души, собственной личности. Отношение, ощущение дает в руки писателя безошибочный ориентир. Это — не ориентир для читателя, вернее, не обязательный ориентир. Но для самого писателя — его радар устроен в его собственной душе. Чем обусловлен этот радар, какие технические претензии и особенности имеет этот инструмент — не важно [Шаламов 2016: 129].

И, наконец, самое важное в эстетических взглядах писателя — **какой должна быть проза будущего**, проза после позора Колымы. С самостоятельными авторами Шаламов в такие беседы не вступает, ограничиваясь полномочиями внештатного рецензента. Можно также отметить, что тон его общения с самостоятельными авторами намного проще, чем в переписке с друзьями и коллегами — в рецензиях он как бы объясняет прописные истины, которые людям его круга хорошо известны и не требуют оговорок. Поэтому в рецензиях размышления о прозе будущего не находится, есть лишь типизация ошибок настоящего.

Некоторое резюме содержится в «Заметках рецензента»: проза будущего подразумевает ясное изложение событий, простой и точный рассказ без единого лишнего слова. Чувство и мысль не должны быть размельчены на «красоты» слога:

Однако в рассказе должны быть одна или две художественные подробности или детали, свидетельствующие о зоркости писательского глаза автора, — тонкое, верное и точное, поражающее наблюдение». Проза будущего будет прозой знающих людей, которые, подобно Сент-Экзюпери, открывшему нам воздух, вернее, чувства людей воздуха — откроют нам душу другой профессии. Писатели будущего будут знать и им будут верить, как ученым, как специалистам не по написанию романа, а по знанию Человека в этом материале [Шаламов 2013: V, 230].

В приведенном фрагменте интересно представление Шаламова о прозе будущего, трансформированное из формалистического представления 20-х годов, требовавшего отражения в искусстве фактов новой действительности и вообще технократического дискурса модернизма. Это представление будет развиваться в позднейших работах, например в статье «Наука и язык писателя». Не менее важен личный опыт писателя, который является основой и обязательным условием достоверности прозы.

В некоторых письмах начала 60-х годов также находятся размышления на эту тему. Например, в письме Л. И. Скорино Шаламов выскажется о том, что проза будущего — проста, без витиеватостей, где лишь время от времени возникает новое, впервые увиденное — деталь или подробность, описанная ярко. Этим деталям читатель должен удивиться и поверить всему рассказу. В коротком рассказе достаточно одной или двух таких подробностей. Шаламов отмечает, что в последних рассказах Бунина есть кое-что похожее на настоящую прозу будущего [Там же: VI, 218].

Самое важное заключение содержится в тексте «О моей прозе»: документальная проза будущего и есть эмоционально окрашенный, окрашенный душой и кровью мемуарный документ, где все — документ и в то же время представляет эмоциональную прозу. Пояснение о том, что такое «эмоционально окрашенный документ» и какое впечатление он может производить на читателя, можно найти в письме Ф. Вигдоровой. Шаламов считает, что его рассказы все же не производят гнетущего впечатления. Так казалось ему при попытке посмотреть на них со стороны:

В полувопросе Вы хотите знать, почему «Колымские рассказы» не давят, не производят гнетущего впечатления, несмотря на их материал. Я пытался посмотреть на своих героев со стороны. Мне кажется, дело тут в силе душевного сопротивления началам зла, в той великой нравственной пробе которая неожиданно, случайно для автора и для его героев оказывается положительной пробой. Растлевающая сила лагерей велика и многообразна. (Даже желание изобразить характеры «устоявших» связано с этой растлевающей силой.) <...> И еще — в «Колымских рассказах» нет осуждения. Моральные барьеры отодвинуты, нравственные масштабы смещены. Все это надо было показать людям, не знающим этого страшного мира [Там же: 363].

Таким образом, 60-е годы для Шаламова — время максимальной активности и включенности в литературную и культурную жизнь. Постепенно, к концу 60-х эта активность замедляется.

Его рассказы начинают стихийно распространяться в самиздате и «тамиздате». Уже в декабре 1966 года первые четыре «Колымских рассказа» вышли в нью-йоркском «Новом журнале», где они печатались в течение последующих десяти лет, пока не были изданы отдельной книгой в Лондоне в 1978 году.

Это уже навсегда закрывало возможность публикации «Колымских рассказов» в СССР. Протестное письмо Шаламова в «Литературную газету» в 1972 году приведет к разрыву с привычным кругом общения и к изоляции. Сборники стихов Шаламова, хотя и «покалеченных», будут издаваться в издательстве «Советский писатель» и в 60-е, и в 70-е годы. Несмотря на то, что В. Шаламов вступил в Союз писателей, советским писателем в полном смысле ему стать не удалось. Его проза не могла быть опубликована в СССР не только из-за биографии автора и публикаций на Западе, но и из-за резкого нежелания соответствовать канону советской литературы, и непопадания в писательскую иерархию. Варлам Шаламов исключал для себя возможность редактировать свои произведения для того, чтобы сделать их «проходными». Литературный мир того времени, с его иерархичностью и закрытостью отторгал Шаламова.

ГЛАВА 4

ПЕРИОД «ЗАСТОЯ» И ТВОРЧЕСТВО ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

4.1. Литература «застоя» (внутри и вне поля зрения В. Шаламова)

Период «застоя» — самый сложный для анализа наследия В. Шаламова. Писатель постепенно уходил в изоляцию, отказывался от общения с прежним кругом, практически прервал переписку. С конца 60-х начала нарастать проблема, связанная с западными публикациями Шаламова, которые были серьезным препятствием для и без того «неблагонадежного» писателя, публикации сборников стихов стали задерживаться.

Количество документов, свидетельствующих об этом времени, резко сокращается. Например, отсутствуют записные книжки 1975 и 1976 года, записи в других тетрадях фрагментарны, не всегда датированы точно. Еще одна сложность связана с прочтением текстов: из-за болезни почерк писателя портится настолько, что некоторые тексты не поддаются расшифровке.

В этот период Шаламова посещала, в основном, И. П. Сиротинская, которой он постепенно передал архив и завещал все имущественные и авторские права. После разрыва Шаламова с Сиротинской ее посещения стали редкими, Шаламова опекали несколько его знакомых.

С одной стороны, для Шаламова, по его словам, это был сознательный эксперимент: так он хотел проверить, будут ли опубликованы его произведения, в том случае, если он прекратит контакты с литературным миром:

Конституционный опыт, который я провожу на самом себе <выделено нами. — К. Ф.>, заключается в том, что я никуда не хожу, не выступаю, не читаю, даже в гости не хожу, ко мне не ходит ни один человек, я не переписываюсь ни с кем, все равно подвергаюсь дискриминации. Не печатают стихи, снимают книгу с плана, [нрзб.], не печатают ни один рассказ, ни стихи — каждая (точка) проверена чуть не на зуб. В «Литературной газете» год пролежали [нрзб.], в «Знамени» и «Юности» — то же самое [Шаламов 2013: V, 329].

С другой стороны, состояние здоровья затрудняло коммуникацию: Шаламов постепенно терял слух, страдая от того, что это является серьезным препятствием при взаимодействии с миром: в тетрадях есть запись о том, что современный мир с его средствами связи (телефон) и информации (телевидение и радио) — не для глухих людей.

Произошел резкий разрыв отношений с Н. Я. Мандельштам («хлопок дверью», по словам Шаламова), Б. Лесняком. К середине 70-х годов резко изменился тон высказываний о Б. Пастернаке — в записях появилось упоминание романа «Доктор Мертваго», указывающее на смерть жанра романа.

Неоднозначно Шаламов начал высказываться и о стихах Пастернака, например:

Вот стихотворение, которое давалось Пастернаку чрезвычайно трудно, и переделывалось не один год: «Быть знаменитым некрасиво...» Стихотворение <печаталось> после большой переделки, поэтической. Пальцы поэта утратили гибкость, и первый вариант был, прямо сказать, коряв [Шаламов 2004: 318].

В тетрадах Шаламова этого периода очень мало записей о современной литературе, писатель был полностью погружен в прошлое: записывал воспоминания о 20-х годах, «Вишерский антироман», заключительную часть «Колымских рассказов».

Рассмотрим некоторые события литературной жизни в СССР 70-х годов, которые могли быть важны для Шаламова или косвенно были отражены в его записях.

Самая важная тенденция, которую отметил Шаламов в своих записях, — усиление цензуры. После смещения Н. С. Хрущева в 1964 году, а особенно вследствие событий 1968 года, когда советские войска вошли в Прагу, а на Красной площади в Москве 25 августа 1968 года состоялась демонстрация восьмерых диссидентов, относительно либеральные перемены в СССР были окончательно прекращены. Зародилась и развивалась подпольная культура: в «самиздате» распространялись не только неподцензурные литературные произведения, но и документы, например, стенограмма суда над И. Бродским и диссидентское периодическое издание «Хроника текущих событий». К концу 60-х уже не печатавшийся официально Солженицын «отпустил» свои произведения в «самиздат» и «тамиздат».

В 1970 году Шаламов делает запись об усилении цензуры в связи с подготовкой своего сборника к печати:

Лучшие стихи сняты:

- 1) Живопись
- 2) Инструмент
- 3) «Рассказано людям немного...»
- 4) Таруса
- 5) «Мы рубим стихи как болотную гать...»

Все — напечатано ранее, т. е. контроль усилился многократно. Из опубликованного ранее вошло только дерьмо двадцатилетней давности. Стихи о Пастернаке напечатаны в «Юности» и прорвавшие решение Фогельсона.

Но его расчет — детский расчет. Просто 1970/71 год — не 1967 [Там же: 324].

4.1.1. Разгром «Нового мира»

В 1970 году А. Т. Твардовский покинул пост главного редактора журнала «Новый мир». Отставке предшествовала широкая кампания по травле слишком либерального журнала. «Новый мир» активно критиковали за серьезные идейные ошибки. 26 июля 1969 года в журнале «Огонек» вышла статья «Против чего выступает «Новый мир»?», подписанная одиннадцатью

литераторами: М. Алексеевым, С. Викуловым, С. Ворониным, В. Закруткиным, А. Ивановым, С. Малашкиным, А. Прокофьевым, П. Проскуриным, С. Смирновым, В. Чивилихиным, Н. Шундиком:

...мы еще и еще раз утверждаем, что проникновение к нам буржуазной идеологии было и остается серьезнейшей опасностью. Если против нее не бороться, это может привести к постепенной подмене пролетарского интернационализма столь милыми сердцу некоторых критиков и литераторов, группирующихся вокруг «Нового мира», космополитическими идеями [Огонек: 27].

В 1969 году заместитель главного редактора «Нового мира» А. Кондратович описал в дневнике важнейшую тенденцию, проявившуюся в травле журнала — возвращение к сталинизму в виде риторики борьбы с космополитизмом, доноительства и обвинительных заключений «по известным образцам»:

26/VII – 69 г.

Купил все же номер «Огонька», хотя не было желания тратить 30 копеек. Громадная статья «Против чего выступает «Новый мир». <...> начиная с самого заголовка, против «Н. м.», статья Дементьева⁵⁷ лишь повод для кампании против журнала. Наши предчувствия сбываются. А. Т. снова в больнице. Есть возможность начать новую атаку на журнал и на А. Т. лично. <...> Такого, что написано в «Огоньке»⁵⁸, я еще не читал. О Дементьеве пишут, как о враге, сравнивают его фактически с троцкистами пр. В духе «канонических» статей 48 года. А может, даже и похлеще. Подписей 11. Удивительнее всего подпись Прокофьева. Они же были с Дементьевым когда-то друзьями. Основной тезис статьи хитер и демагогичен: Дементьев «многократно призывает читателя не преувеличивать опасности чуждых идеологических влияний» <...>

А вывод уж совсем доноистельский, в духе 48 года: «Если противнее (буржуазной идеологии) не бороться, это может привести к постепенной подмене понятий пролетарского интернационализма столь милыми сердцу некоторых критиков и литераторов, группирующихся вокруг «Нового мира», космополитическими идеями». Вот и космополитизм воскрес. Здравсьте, давно не виделись... «И, если хотите, наглядным подтверждением такой опасности является тот факт, что у нас уже появились литераторы вроде А. Дементьева». (Прелестно это «уже» в органе Софронова, который 20 лет назад поднялся на волне борьбы с космополитизмом. Уже! Не уже, а давно!). Более того, прикрываясь трескучей фразеологией, они сами выступают против таких основополагающих морально-политических сил нашего общества, как советский патриотизм, как дружба и братство народов СССР, как социалистическое по содержанию, национальное по форме искусство социалистического реализма.

Все. Обвинительное заключение готово. По образцам известным.

Век живи — век жди — повторений.

А далеко мы отходим — к Сталину [Кондратович: 425].

⁵⁷ Статья А. Дементьева. О традициях и народности (Литературные заметки) опубликована в № IV журнала «Новый мир» за 1969 год.

⁵⁸ Статья «Против чего выступает «Новый мир?»» («Огонек», 26 июля 1969 г.).

А. Кондратович отметил тенденцию возвращения к сталинизму в способах расправы с журналом. Это замечание не случайно. Еще в 1966 году появилось «Письмо двадцати пяти» деятелей науки, культуры, литературы и искусства с протестом против реабилитации имени Сталина. Подписавшие письмо также отмечают опасную тенденцию и предупреждают о том, что реабилитация Сталина может породить раскол в советском обществе, а также о том, что никакие разъяснения не заставят молодежь снова поверить в Сталина.

Ситуация с разгромом «Нового мира» описана А. И. Солженицыным в очерках литературной жизни «Бодался теленок с дубом». Солженицын отмечает те же методы — доноительство, провокация:

Подхватились самые поворотливые трупоеды — «Огонек», и дали по «Н. Миру» двухмиллионный залп — «письмо одиннадцати» писателей, которых и не знает никто. Да уж не в защиту «страны отцов», или там «духовного слова», а — последние следы спора утопляя в политическом визге, в самых пошлых доносных обвинениях: провокационная тактика наведения мостов! чехословацкая диверсия! космополитическая интеграция! капитулянтство! не случайно Синяевский — автор «Н. Мира»!.. Да ведь как аукнется [Солженицын 1975а].

9 февраля 1970 года на заседании секретариата Союза писателей было принято решение о переменах в руководстве журнала «Новый мир». Вслед за семью членами редакционной коллегии пост покинул и главный редактор.

Шаламов на тот момент уже давно не работал в «Новом мире» (с 1965 года) и в ряде записей отзывался о Твардовском негативно как о плохом поэте. На саму ситуацию разгрома «Нового мира» он не отреагировал. Но в первой половине 1971 года он вспомнил о журнале и сообщил неожиданную версию своего разрыва с журналом:

Мои отношения с «Новым миром» ухудшились после того, как я рекомендовал большую повесть автора — заключенного врача, но напечатана она не была [Шаламов 2004: 329].

Речь идет о повести казанского врача А. П. Чигарина «Всюду жизнь», о которой шла речь во третьей главе. В записях 60-х гг. эта повесть не упоминается, Шаламов никогда не обсуждал ее ни с лагерными товарищами, ни с адресатами переписки. Следов какого-либо конфликта с редакцией из-за повести тоже не сохранилось. Возможно, Шаламов вспомнил о случайной рукописи, выхваченной из «самотека» семь лет спустя, на фоне событий вокруг «Нового мира» и разрастающегося скандала вокруг А. И. Солженицына, которому в 1970 году была присуждена Нобелевская премия, а также укрепляющегося диссидентского движения, которое Шаламов отвергал и избегал не только связей с ним, но и своего упоминания среди диссидентов.

4.1.2. В. Шаламов между официальной и подпольной литературой

Активный читатель самиздата в 60-е годы, Шаламов начал отрицать и подпольную литературу, поскольку эта форма деятельности тоже была связана с «прогрессивным человечеством» (диссидентами), от которого он пытался находиться максимально далеко. Самиздат он называет оружием двух разведок (по-видимому, КГБ и ЦРУ, тема Холодной войны появляется в его записях не раз⁵⁹):

Самиздат, этот призрак, опаснейший среди призраков, отравленное оружие борьбы двух разведок, где человеческая жизнь стоит не больше, чем в битве за Берлин. 1971 – III [Шаламов 2004: 340].

При этом «Колымские рассказы» ранее распространялись в самиздате с ведома Шаламова. С. Ю. Неклюдов упоминает, что они не имели широкого хождения, но связывает распространение текстов с именем Я. Грозденского⁶⁰. Подтверждение этого мы находим в воспоминаниях его сына — С. Я. Грозденского:

Мой отец распространял «Колымские рассказы» и в своих письмах отчитывался об откликах на эту прозу, рассказывал о лестных отзывах достойных людей и пожеланиях издать рассказы «большим тиражом и перевести на другие языки» [Грозденский: 77].

Итак, о литературном процессе 70-х годов в СССР мы обнаруживаем, фактически две записи. Первая посвящена смерти Н. Рубцова:

27.1.71. Умер поэт Николай Рубцов от водки [Шаламов 2013: V, 315].

Такая версия смерти Рубцова, скорее всего, является догадкой, основанной на репутации поэта. Похожей позиции придерживается и исследователь В. Есипов:

Возможно, Шаламов, живя в Москве достаточно изолированно от литературных кругов (по причине своей глухоты он общался с людьми вообще мало), поначалу не знал обстоятельств смерти Рубцова. Кто ему передал такую версию или он сам ее для себя сформулировал, суммировав сообщенные ему факты? К сожалению, здесь можно только гадать. Но с учетом того, что Шаламов страшно не любил сплетен и тем более — грязных, связанных с женщинами, можно предполагать, что он сам, отсекая все лишнее, интуитивно и опираясь на опыт, вывел общий знаменатель этой истории — именно смерть «от водки» как первопричина трагедии многих русских поэтов [Есипов 2013].

⁵⁹ В последнем обращении к А. И. Солженицыну Шаламов назовет его «орудием Холодной войны».

⁶⁰ В воспоминаниях о Грозденском в 1970 году Шаламов называл его «рязанским самиздатчиком»: Яков Грозденский был рязанский самиздатчик, 64 лет от роду, философ по образованию и геолог по профессии, прошедший известный курс наук на Воркуте [Грозденский: 139].

Судьба Рубцова была явно небезразлична Шаламову, хотя сведений о том, что они были знакомы, нет. Возможно, имело значение то, что Шаламов и Рубцов были земляками. Сравнительно недавно, в 2013 году, в архиве было обнаружено стихотворение, посвященное вологодскому поэту. Предположительно, оно должно было войти в сборник «Точка кипения» (1977):

Я четко усвоил, где «А» и «Б»,
И русской грамматикой скован.
Мне часто бывало не по себе
От робкой улыбки Рубцова.
За тот поразительный тотемский рай,
Отпущенный роком поэту,
За тот не вполне поэтический край,
В каком расположена Лета.
Поэты, купаясь в горниле столиц,
Испытываются без меры.
И нету предела — глубин и границ,
И нету химерней химеры
[Шаламов 2013: VII, 173].

Вторая, очень лаконичная запись Шаламова в 1971 году, которую можно было бы назвать реакцией на современный ему литературный процесс, посвящена «Литературной газете». При этом с «Литературной газетой» он пытался сотрудничать как автор — в архиве содержатся черновики его текстов для газеты⁶¹, а в 1972 году именно в «Литературной газете» Шаламов опубликовал письмо-отречение от своих западных публикаций. До этого же он лишь саркастически высказывается о появлении новой юмористической рубрики:

«Литературная газета» приобрела животноводческий уклон: последний отдел — «Рога и копыта» [Там же: V, 321].

Саркастическое отношение Шаламова можно объяснить тем, что никаких положительных тенденций развития темы сталинских репрессий в литературе он не наблюдал. Это означало две вещи: правда о ГУЛАГе сказана не будет, и надежды на публикацию рассказов нет.

«Колымская» тема все еще очень важна для Шаламова, он даже ссылается на положительный опыт США:

Верховный суд США разрешил напечатать документы Пентагона, [нрзб.] А у нас? Документы Колымы до сих пор не могут быть опубликованы, хотя Колыму [нрзб.] все осуждают, но не печатают [Там же].

Возмутительным для Шаламова являлось намеренное замалчивание фактов недавней истории. В 1969 году Б. Лесняк переслал Шаламову книгу В. В. Яновского «Человек и Север» о современной Колыме. Книга представляет собой популярную брошюру о достижениях в освоении

⁶¹ См. статью В. Шаламова «Наука и язык писателя» в Приложении 3 настоящей работы.

севера (Колымы), написана в позитивных тонах, традиционных для социалистической агитки 60-х годов. Лесняк пересылал Шаламову литературу о Колыме и справочные материалы, о чем он сообщал в воспоминаниях:

Мне известно, как писались многие из колымских рассказов В. Шаламова. Я посылал Варламу из Магадана в Москву справочную литературу, архивные документы, сведения об интересующих его людях [Лесняк: 135].

Реакция Шаламова на книгу Яновского была очень резкой:

Москва, 17 апреля 1969 г.

Дорогой Борис!

Спасибо за книжку Яновского. Эту книжку написал подлец. Учебник географии Кузьмина⁶² выглядит много порядочнее. Автор видит решение колымского вопроса в навечном прикреплении людей к Северу — ясно, что для «комплекса» не имеет значения, чем прикрепляют — длинным рублем или колючей проволокой — до концлагерей тут один шаг.

Как ни безразлична мне современная Колыма, я с жадностью ловлю каждую кроху сведений о любом дне из тех двадцати лет нашей колымской жизни. Тот исторический период (с 1932 по 1956 год) бесконечно важнее всей Колымы исторической и всей Колымы современной для русской истории.

Поистине мы с тобой наблюдали «мир в его минуты роковые». Автор брошюры «Человек и Север» хотел бы отменить мороз и ветер, отменить климат. Увы — автор не в силах отменить географию. Он не в силах отменить и историю, как бы ни хотел замолчать, исказить, отрицать все, что было, оболгать мертвецов и прославить убийц.

Привет Н. В.

С уважением и симпатией В. Шаламов [Шаламов 2013: VI, 327].

4.1.3. Проблема западных публикаций В. Шаламова

Значительные усилия предпринималась Шаламовым в 70-е годы в борьбе с «тамиздатом». Эта борьба привела писателя в итоге к публичному отрицанию колымской темы в 1972 году.

В 70-е годы «тамиздат» стал, фактически, еще одной русской литературой: после официальной советской, эмигрантской — неподцензурного самиздата. Американский славист, переводчик лагерной прозы Яков Клоц в статье, посвященной 50-летию выхода «Колымских рассказов» на Западе, также отмечает параллельное развитие нескольких культур этого периода:

⁶² Шаламов просил Лесняка присылать учебники географии Магаданской области. Критерием оценки учебников являлось наличие объективной информации о Колыме. Так, Шаламов считал хорошим учебник Петрова (Петров В. М. «География Магаданской области». Магадан, 1964): «Я вспоминаю, что в школьные географические учебники в течение сорока лет не включали одну восьмую часть Советского Союза — ту самую, о которой написана работа Петрова». Видимо, по сравнению с книгой Яновского, учебник Кузьмина был более правдив.

Тамиздат представлял собой альтернативное «поле культуры» (Пьер Бурдьё), не лишенное, однако, собственной идеологии и «горизонта ожиданий» (Ханс-Роберт Яусс). От этого горизонта, как правило, и зависела судьба первых публикаций и восприятия контрабандных рукописей из-за железного занавеса — таких, как «Доктор Живаго» Пастернака (1957), «Поэма без героя» и «Реквием» Ахматовой (1959–1960 и 1963), «Стихотворения и поэмы» Бродского (1965), «Софья Петровна» Лидии Чуковской (1965), сочинения Синявского и Даниэля, «Колымские рассказы» Шаламова, романы Солженицына и др. Механизмы взаимодействия тамиздата с официальной советской печатью углубляют традиционно полярное представление о литературной жизни 1960-х как о борьбе между мейнстримом (Госиздатом) и андеграундом (самиздатом). Тамиздат приносит в эту бинарную модель третью составляющую, модифицируя ее в треугольник, основанием которого тамиздат и является. При вполне официальной, хотя и секретной, поддержке Запада (в т. ч. западных секретных служб) тамиздат, как правило, оперировал теми же рукописями, которые, прежде чем «утечь» за границу, циркулировали в самиздате, будучи отвергнутыми государственными издательствами. Выступая посредником в отношениях многих авторов, живущих в СССР, с литературным истеблишментом, с одной стороны, и со «второй культурой», с другой, тамиздат, таким образом, служил их общим знаменателем, влияя на позицию писателей, оказавшихся в поле пересечения одной культурной сферы с другой [Клоц 2019].

Долгое время существовала версия передачи Шаламовым «Колымских рассказов» в «тамиздат» под давлением Н. Я. Мандельштам, которая изложена В. Есиповым со слов И. П. Сиротинской в биографии В. Шаламова в серии «ЖЗЛ»⁶³. Автор оспаривает информацию американского переводчика Дж. Глэда, согласно которой рукописи были переданы Шаламовым американскому профессору-слависту К. Брауну, который перевез машинопись рассказов Шаламова через границу и передал Р. Гулю:

...поверить тому, чтобы Шаламов передавал 600 страниц своих рукописей какому-то неизвестному человеку и при этом столь «революционно» ему заявлял: «Мы устали бояться» — невозможно. (Слово «мы» писатель никогда не употреблял — мог говорить только о себе, а сам он после Колымы уже ничего не боялся.) В этой истории известно лишь то, что в 1961 году Шаламов под давлением Н. Я. Мандельштам согласился на переправку и печатание на Западе книги «Колымские рассказы». Писатель однажды сам признался в этом И. П. Сиротинской, которая привела данный факт в своем интервью с Дж. Глэдом. Никаких подробностей о передаче рукописей Шаламов ей не сообщал, но ясно, что речь шла не о журнальной публикации и тем более — не о «подарке» Р. Гулю и «Новому журналу», о существовании которого Шаламов, вероятно, и не знал, поскольку не интересовался эмигрантской литературой и никогда не слушал «радиоголосов». Позже писатель сильно сожалел об этом своем согласии, данном скорее импульсивно [Есипов 2012: 293].

⁶³ На момент публикации книги В. Есипову не было достоверно известно, что рукопись действительно была передана Шаламовым К. Брауну. Эта информация была впоследствии подтверждена переводчиком Шаламова на английский Д. Глэдом.

Она была оспорена израильским исследователем Шаламова Д. Ничем, который на основе различных свидетельств, писем, интервью переводчиков Шаламова выясняет, что рукописи все же были переданы сознательно:

Первую книгу Варлам Тихонович отправил на Запад через Надежду Яковлевну Мандельштам. Насколько я знаю, это была единственная попытка публикации, предпринятая с его ведома. Но Шаламова очень разочаровало то, что сделали с его первой рукописью. Он ждал, что его издадут отдельным томом, что будет удар, резонанс, а из-за публикации маленькими дозами исчез эффект. Позже он считал, что Запад его не оценил, и перестал поддерживать отношения с западными корреспондентами. Так что все последующие публикации были взяты из «самиздата» [Нич: 121].

Информацию о добровольной передаче рукописи подтвердил Я. Клоц, который который документально точно установил факт перевозки на Запад «Колымских рассказов» славистом К. Брауном:

Профессором-славистом, переправившим рукопись Шаламова на Запад, был Клэрэнс Браун, известный мандельштамовед из Принстонского университета, с начала 1960-х годов помогавший Борису Филиппову и Глебу Струве готовить к печати первое собрание сочинений Мандельштама и регулярно ездивший в Москву, где был частым гостем у Н. Я. Мандельштам [Клоц 2019].

Итак, первые публикации «Колымских рассказов» появились в 1966–1976 гг. в русском эмигрантском литературно-художественном журнале «Новый журнал», который опубликовал 49 рассказов. Издатель «Нового журнала», участник Белого движения, прозаик и мемуарист первой эмиграции Роман Гуль предварил публикацию сообщением о том, что она происходит без согласия автора:

Рукопись этих рассказов мы получили с оказией из СССР. Автор их В. Т. Шаламов, поэт и прозаик, проведенный в концентрационных лагерях около 20 лет. Мы печатаем «Колымские рассказы» без согласия и ведома автора. В этом мы приносим В. Т. Шаламову наши извинения. Но мы считаем нашей общественной обязанностью опубликовать «Колымские рассказы» как человеческий документ исключительной ценности [Там же].

Рассказы выходили по одному-два в номере на протяжении 10 лет. В 1978 году они вышли отдельным томом⁶⁴.

В 1967 г. рассказы «Калигула» и «Почерк» вышли в западногерманском радикальном антисоветском журнале «Посев» (№ 1/7). Через два года перевод «Колымских рассказов» с немецкого появился и во Франции.

Шаламов очень протестовал против этих публикаций, и протест его был связан не только с тем, что они происходили без его ведома. Главная претензия была к «дозированному» публикованию и нарушению композиции сборника «Колымских рассказов». То, что рассказы появлялись

⁶⁴ Варлам Шаламов. Колымские рассказы. Сост. Михаил Геллер. — Лондон: Overseas Publications Interchange, 1978.

на страницах журнала на протяжении многих лет, давало ложные основания полагать, что Шаламов сотрудничал с этими журналами постоянно.

В 1972 году Шаламов написал письмо в «Литературную газету», где в резкой форме отрекся и от западных публикаций и от самой проблематики Колымы:

Проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью, и представлять меня миру в роли подпольного антисоветчика, «внутреннего эмигранта» господам из «Посева» и «Нового журнала» и их хозяевам не удастся! [Шаламов 2013: VII, 365]

После этого его разрыв с диссидентским движением и многими сочувствующими стал окончательным. Продолжалось общение только с некоторыми друзьями из «колымского» круга: с Г. А. Воронской, Б. Н. Лесняком и Н. В. Савоевой. А. И. Солженицын написал о том, что Варлам Шаламов умер: отречение было напечатано в черной «траурной» рамке, что дало Солженицыну повод для подобных метафор. Шаламов пояснял свое письмо следующим образом:

Почему сделано это заявление? Мне надоело причисление меня к «человечеству», непрерывная спекуляция моим именем: меня останавливают на улице, жмут руки и так далее. Если бы речь шла о газете «Таймс», я бы нашел особый язык, а для «Посева» не существует другого языка, как брань. Письмо мое так и написано, и другого «Посев» не заслуживает. Художественно я уже дал ответ на эту проблему в рассказе «Необращенный», написанном в 1957 году, и ничего не прочувствовали, это заставило меня дать другое толкование этим проблемам [Там же: 367].

Несмотря на вступление в 1972 году в Союз писателей, никаких актуальных событий литературной жизни в записях Шаламова не появилось. Эмиграция Бродского, лишение советского гражданства и высылка Солженицына, современная литературная жизнь не нашли отражения в сохранившихся записях Шаламова 70-х годов.

4.2. В. Шаламов в контексте лагерной прозы и мемуаристики

В 1962 году, после публикации «Одного дня Ивана Денисовича», в СССР В. Шаламов и А. Солженицын обсуждали судьбу «лагерной» темы в литературе. Ноябрьский номер «Нового мира» стал сигналом для многих тысяч прошедших сталинские лагеря о том, что теперь на эту тему можно говорить публично. В адрес редакции журнала начали приходить письма с личными историями, мемуарами и художественными текстами на эту тему. Диалог двух писателей был посвящен размышлениям о том, откроет ли «Один день» эту тему для всех, или закроет ее навсегда. Солженицын вспоминает об этом в статье «С Варламом Шаламовым»:

В один из средненоябрьских дней, когда «Иван Денисович» был только-только напечатан, мы впервые встретились в комнатухе отдела прозы «Нового мира». Он был крайне взволнован событием (теперь имея в виду, что же будет с «Колымскими рассказами»): по своей болезненной манере нервно подергивал вытянутым бритым лицом, как бы закусывал сдвинутой челюстью и размахивал предлинными руками. Из его первых фраз было: что идет повсюду спор — будет ли мой рассказ ледоколом, таранящим дорогу и всей остальной правде, лагерной и не лагерной, либо (и Шаламов склонялся так): это — только крайнее положение маятника, и теперь покачнет нас в другую сторону. Я, хоть и ожидал вскоре зажима меня самого — но лишь потому, что все прочее мое обнаружится куда острее «Денисовича», а в общем движении, я думал, прорыв продолжится и будет значительный. Нет, пессимизм Шаламова оказался верней [Солженицын 1999: 163].

Отношение Шаламова почти ко всей «лагерной» прозе было изначально отрицательным: никакой текст, написанный по канонам русской классической или современной советской литературы, не был возможен для описания такого опыта. К 70-м годам его собственный метод и теория новой прозы были уже сформированы и применены в «Колымских рассказах». В записях и переписке положительных упоминаний других произведений было очень мало — Шаламова эстетически или морально не удовлетворяло почти все, что было создано на эту тему. Установить точно, что именно из такого типа литературы он читал, возможно по официальным публикациям, датировкам произведений, имевших обращение в самиздате⁶⁵, и письмам Шаламова друзьям — лагерникам: Лесняку, Грозденскому и Добровольскому, рецензиям на новомирский самотек. С. Ю. Неклюдов подтверждает тезис о том, что у Шаламова были серьезные претензии к такого рода текстам:

Мне кажется, что, в основном все, что было в то время написано, и тем более попадало в печать его не устраивало. Кроме Солженицына, он был по особому счету. Мне помнится, что он отрицательно отнесся к книжке Гинзбург «Крутой маршрут», я помню, что он раздраженно говорил о ней.

Были какие-то мемуары опубликованные, и они действительно были неприятные, потому что заканчивались в том смысле «А теперь восторжествовала справедливость и как все замечательно».

Я не помню, когда он прочитал «Архипелаг ГУЛАГ»⁶⁶. Помню, как он читал первые вещи, которые вышли в «Новом мире». И потом уже самиздатовские «В круге первом» и «Раковый корпус», а потом уже тамиздатовские «Ленин в Цюрихе» и «Бодался теленок», но это уже намного позже. Не помню, чтобы он кого-нибудь одобрял из пишущих на данную тему, но я не исключаю, что ничего достойного, на самом деле, вокруг и не было. Масштаб его и Солженицына был несопоставим с тем, что было другое. Он о себе понимал вполне адекватно и очень много [Неклюдов].

⁶⁵ До 1966–68 года. После ухода в глубокую изоляцию Шаламов, скорее всего, не читал самиздат, считая его вредным.

⁶⁶ Нет свидетельств того, что Шаламов читал «Архипелаг».

Официально в СССР опубликованы были 4 рассказа А. Солженицына — «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай в Кречетовке», «Для пользы дела». В 1965 году «Новый мир» опубликовал мемуары генерала Горбатова [Горбатов]. В самиздате вышли ненапечатанные в «Новом мире» романы Солженицына «Раковый корпус» (1963–1967) и «В круге первом» (1955–1968). Уже в 1965 году Шаламов знакомится, как он пишет, с «мемуаром» «Крутой маршрут» Е. Гинзбург. Свои впечатления он изложил в письме А. И. Солженицыну от 29 мая 1965 года. Он очень доверительно, но нелестно высказался о книге⁶⁷:

Недавно мне пришлось познакомиться с мемуаром «Крутой подъем» и встретиться с его автором, некоей Гинзбург. Твардовского не обманывает чутье, когда он отказывается печатать это произведение, как Вы мне рассказывали. Со стороны чисто литературной — это не писательская вещь. Это — журналистская скоропись, претенциозная мазня. Чего стоят стихотворные эпиграфы к каждой главе? Материал такого рода не может иметь стихотворных эпиграфов, но вкус автора воспитан на женских альбомах провинциальных гимназий. Но дело, конечно, не в стихах и не в полной неспособности дать картину, оценить и т. д. Не в отсутствии скромности автора. Дело гораздо хуже.

Года два назад в Солотче Вы просили меня указать на черты некоего характера, необходимого Вам для работы. Пишите этот задуманный портрет с Гинзбург — не ошибетесь. Я очень, очень жалею, что согласился на это свидание. В любой день и час готов побеседовать с Вами об этой даме подробнее [Шаламов 2013: VI, 213].

В этом письме было отражено главное требование Шаламова к «лагерной прозе»: в ней не может быть дурновкусия, претенциозности и того, что здесь он называет «журналистской скорописью». Обращаясь к другим, уже рассмотренным документам («Заметки рецензента», «О новой прозе»), можно уточнить претензии Шаламова: газетные штампы, фельетонность, язык газетных статей, отсутствие художественного анализа наблюдаемых явлений даже при очевидной достоверности описываемого, неумение обобщить опыт художественными средствами. Все это, по мнению Шаламова, было в повести Е. Гинзбург.

Вторая важная для Шаламова мысль по отношению к лагерной прозе: она не может быть смешной. Проза, описывающая катастрофический опыт, не может содержать никакого намека на юмор. С. Ю. Неклюдов характеризует Шаламова как человека мрачного, мизантропичного, лишенного какой-либо склонности к юмору. Однако рассказ «Инжектор» из первого цикла «Колымских рассказов» может поставить под сомнение это

⁶⁷ В комментариях к письму на сайте shalamov.ru указано, что, по-видимому, на отношение В. Т. Шаламова к Е. Гинзбург повлияли не личные впечатления от встречи с ней (он ее не помнит по Колыме), а рассказы его тогдашних друзей — Б. Н. Лесняка и Н. В. Савоевой, хорошо знавших Е. Гинзбург по Беличьей (колымской районной больнице), они упомянуты в «Крутом маршруте» в главе «Зека, зека и бека» не совсем благожелательно. Впоследствии, познакомившись ближе с Е. С. Гинзбург, он изменил свое мнение о ней.

утверждение. В рассказе цитируется объяснение начальником смены пятидневного простоя в связи с неисправным инжектором, который не работает на пятидесятиградусном морозе. В ответ на объяснительную записку начальник лагеря требует отстранить от работ осужденного Инжектора, арестовать и начать расследование по факту срыва работ:

За отказ от работы в течение пяти дней, вызвавший срыв производства и простои на участке, з/к Инжектора арестовать на трое суток без выхода на работу, водворив его в роту усиленного режима. Дело передать в следственные органы для привлечения з/к Инжектора к законной ответственности [Шаламов 2013: I, 87].

Неожиданно среди «Колымских рассказов» появляется анекдот в духе тыняновского «Подпоручика Кижее».

Именно смех и юмор Шаламов считал одной из причин расхождений с Солженицыным:

С<олженицын> идет дальше и говорит, что для шутки есть место и за колючей проволокой, [нрзб] Я не считаю, что из лагерной темы извлекается шутка [Там же: V, 311].

Противоречиво отношение В. Шаламова к Ю. Домбровскому. Как пишет И. П. Сиротинская в воспоминаниях «Мой друг Варлам Шаламов», он считал «Хранитель древностей» лучшей книгой о 1937 годе⁶⁸. Сиротинская описывает встречу с Домбровским, спасение текста «Факультет ненужных вещей» и отношения с Шаламовым:

Говорили мы с Юрием Осиповичем тогда долго. Он рассказывал захватывающие детективные истории, где фигурировали отпечатки пальцев покойника, блатари и следователи. Но самое замечательное и для меня интересное он сказал о Шаламове: «Тацитовская лапидарность и мощь».

Впоследствии Федот Федотович Сучков передал мне слова Юрия Осиповича: «В лагерной прозе Шаламов первый, я — второй, Солженицын — третий». Конечно, литература — не спорт, у каждого свое, не сравнимое с другим, место в ней. Но слово мастера о мастере — большая ценность по гамбургскому счету [Сиротинская].

В архиве сохранилась короткая переписка Шаламова с Домбровским, датированная 1965 годом. С. Ю. Неклюдов свидетельствует о том, что знакомство было недолгим и расстроилось из-за бытовых причин: Шаламов не выносил пьянства Домбровского.

Интересен еще один сюжет «колымской» темы в литературной концепции Шаламова. В конце 60-х — начале 70-х Шаламов переводил стихи двух еврейских поэтов — Иосифа Альбирта и Хаима Мальтийского. Первый поэт пережил Освенцим, второй — Колыму. В обоих случаях Шаламов отмечает искренность, с которой поэты рассказывают о пережитых событиях, а одной из задач перевода называет истолкование написанного с позиции собственного опыта.

⁶⁸ «Хранитель древностей» напечатан в журнале «Новый мир» в 1964 г.; вышел отдельным изданием (в сокращенном виде) 1966, полным изданием — в Париже в 1978 г.

...если хоть строчка будет в этих стихах о благодарности за судьбу и науку, хотя бы в самой завуалированной форме, я новых стихов не возьму, откажусь. Привозят стихи. Я просматриваю то, что мне досталось (мы переводим пополам с Озеровым) и ничего «компрометирующего» не нахожу. И беру. Потом просмотрел дома. Это — поэт, божьей милостью поэт-самоучка, разбитый жизнью в лагере и войной. Трещина по сердцу, тревога, но ни строчки, ни звука, что было бы подлым, уклончивым. Вот такой герой. **Весь тон обвинения скрытого, искренность, обида.**

Я обещал и ему и Регистану сделать все, что в моих литературных силах, чтобы эти стихи не утратили тех качеств, которые всякий стих всегда теряет при всяком, даже гениальном переводе.

Сегодня он был у меня — Мальтинский Хаим Израилевич. Его мать, жену и детей немцы убили. Что за жизнь, Яша. Я похвалил стихи, сказал, что для меня самое главное, чтобы Вы ничего не забыли. Ни Гитлера, ни Сталина. Но и по стихам видел, что автор не забудет, не собирается забывать. Нет стихов «проходных» или фальшивых, а счастье — еврейское счастье, шутки — еврейские шутки [Шаламов 2013: VI, 326].

Во третьей главе были рассмотрены взаимоотношения и эстетические позиции В. Шаламова и А. Солженицына. В 70-е годы записи Шаламова о Солженицыне становятся более радикальными, часто обвинительными. Но важно заметить следующее обстоятельство: в 1974 году Солженицын был выслан из СССР и лишен гражданства. Никаких личных и эпистолярных контактов между писателями не было уже с середины 1960-х годов, после отъезда Солженицына их тем более не могло быть. Острые высказывания появлялись лишь на страницах дневников и в позднейших публикациях 80-х годов, уже после смерти Шаламова. Такие односторонние высказывания послужили основанием для версии о конфликте писателей.

Что касается других «лагерных» авторов, исследователь лагерной прозы Ч. Горбачевский упоминает, прежде всего, Г. Демидова, которому Шаламов давал рекомендации о том, как следует писать о лагере. В разговоре с Демидовым Шаламов изначально допускал любой способ выражения, замечая, что в лагерной теме поместятся «пять таких писателей, как

Произвожу опыт большого, уникального интереса. Перевожу стихи Иосифа Альбирта, еврейского поэта, бывшего в Освенциме, сборник называется «У колыбели поэзии».

Это — стихи, несколько <примитивные>, но душевные, и путь его [нрзб.] мне близок и знаком (душой и телом), антропоморфизм.

Я смотрю на себя как на поэта, как на инструмент, могущий передать тончайший оттенок времени — всего, к чему чувство и душа прикасаются.

Сейчас я оцениваю человека, чья жалоба, (опыт) немецкого лагеря Освенцим, лагеря с другим языком, нравами лагеря же, опыт ночной — сознательно запускает (слова) нашей искренности.

Я знал Колыму, но (бывшая) в этом легчайшем из немецких лагерей Стефа понимает и знает, что разница тут есть. Перевод и заключается в том, чтобы правильным образом словесно, психологически, а в более существенном оценки — с моей позиции и дать истолкование опыта для меня самого очень интересного, тем более что перевод идет легко [Там же: V, 316].

Толстой и сто таких писателей как Солженицын», хотя ставит под сомнение само понятие «лагерная тема». Горбачевский отмечает:

В. Шаламов, в свою очередь, отмечал незаурядность личности Г. Демидова (см. рассказ «Житие инженера Кипреева», посвященный колымской судьбе Г. Демидова). Любопытно, что словосочетание «лагерная тема» встречается и у В. Шаламова, правда, с оговоркой «так называемая» [Горбачевский: 174].

О сути творческого спора В. Шаламова с Г. Демидовым рассуждает прошедший Колыму издатель книг о ГУЛАГе С. Виленский. Этот спор практически повторяет претензии Шаламова к Солженицыну — ничего светлого в лагере быть не может:

Эта встреча закаленных в чудовищных испытаниях людей закончилась яростной полемикой. Шаламов обвинял Демидова в том, что он не умеет писать, «это все розовые сопли — то, что ты пишешь». А Демидов говорил: «Нет, ты не прав, там была жизнь, и у тебя односторонний взгляд на все». В общем, они расстались, рассорились на всю оставшуюся жизнь. Они используют, можно сказать, один и тот же жизненный материал. Действительно, там, где у Шаламова тьма, у Демидова — свет [Виленский].

Горбачевский анализирует тексты нескольких авторов, знавших или не знавших Шаламова лично: Г. К. Вагнера, И. С. Варпаховской, В. Кресса, Г. Г. Демидова, Ю. О. Домбровского, Н. И. Гаген-Торн, И. С. Исаева, Б. Н. Лесняка, С. С. Виленского и др. Главная причина несогласия тех, кто писал произведения на «колымскую» тему (в особенности мемуары, воспоминания, документальные тексты), состояла в том, что Шаламов намеренно смешивал документальное и художественное, выдвигал идею прозы, пережитой как документ. У мемуаристов, которые преследовали максимальную точность изложения событий, смешивание реальных событий с вымышленными, фактологии и художественного, реальных людей и литературных персонажей вызывало протест.

Множество «личных правд» породило множество мнений и версий относительно истории Колымы, а кроме того мнений относительно опыта лагерей и его последствий: нужен ли человеку такой опыт, способствует ли он духовному перерождению или возрождению, полезен ли физический труд и навыки, приобретенные в лагере для человека? Ответ Шаламова — однозначно нет. Ответы других свидетелей, документалистов и писателей Колымы могли радикально отличаться от шаламовского:

Для узников-колымчан «Колымские рассказы» стали документально-художественным открытием того мира, который им был знаком воочию. Основные претензии, предъявляемые ими В. Шаламову, связаны с тем, что при творческом моделировании лагерной действительности писатель наделил реальных людей вымышленными качествами и характеристиками. Причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что каждый реципиент (он же автор собственных художественных или документальных текстов) опирается на личные «сигналы припоминаний» и пользуется собственным методом исследования действительности [Горбачевский: 181].

4.3. Направления творческих поисков

В. Шаламова в 70-е годы

70-е годы — период, в который В. Шаламов записывает наибольшее количество воспоминаний. В 1968–1971 гг. он работал над «Четвертой Вологодой» и «Вишерским антироманом».

Дневники начала 70-х отражают довольно активную вовлеченность в культурную жизнь: посещение театров (и размышления и о современном театре), выставок, шахматных матчей, покупку новых книг. Посещение театров отражается на творческих планах Шаламова: он обдумывал и начал писать пьесу «Вечерние беседы». В 1972 году Шаламов был принят в Союз писателей, что давало ему возможность пользоваться писательскими «привилегиями», а именно ездить в санаторий в Крым, где он побывал несколько раз.

Размышления Шаламова о литературе в 70-е годы обращены, в основном, в прошлое, в 20-е годы, созвучны его воспоминаниям. Шаламов писал биографические очерки.

Кроме «Четвертой Вологды» и «Вишерского антиромана», в 1973 году написана биография революционера Федора Раскольникова, над которой Шаламов работал с начала 60-х годов. Как отмечает С. Соловьев, это не просто биографический очерк, которых в наследии Шаламова немало, а исторический текст, созданный в логике «Колымских рассказов»:

«Федор Раскольников», как было показано выше, написан в логике и в продолжение «Колымских рассказов», в продолжение линии на воссоздание памяти, причем здесь Шаламов выбрал для борьбы особенно сложный случай. В 1963 году Раскольников был реабилитирован, на следующий год вышла его книга в серии «Военные мемуары», но в 1965 году наперсник Суслова — Трапезников — выступил с резким осуждением Раскольникова, полностью повторив сталинские обвинения [Соловьев 2017: 161].

В других биографических записях этого периода Шаламов неоднократно обращался к личности С. Есенина.

4.3.1. Записи о С. Есенине

В дневниках первой половины 1970 года находится несколько записей, посвященных С. Есенину. Выделение этого сюжета в отдельный параграф обусловлено не только тем, что Шаламов действительно часто обращается к фигуре Есенина, как значимой для 20-х годов, но и оригинальным сравнением Есенина с Достоевским, представляющим особенный интерес в ракурсе шаламовского сближения стиха и прозы. Появление этого имени в записях Шаламова не случайно. Во-первых, Есенин — одна из ярчайших фигур 20-х годов, к которым все чаще обращается Шаламов в конце жизни. Шаламов называл его «красочной фигурой», сожалел о том, что не удалось увидеть его живым. Рассказ о похоронах Есенина встречается в воспоминаниях «Двадцатые годы»:

Так и не пришлось мне услышать, увидеть Есенина — красочную фигуру первой половины двадцатых годов.

Но все, что было после, помню: коричневый гроб, приехавший из Ленинграда. Толпа людей на Страстной площади. Коричневый гроб трижды обносят вокруг памятника Пушкину, и похоронная процессия плывет на Ваганьково.

Самоубийство поэта наполнило новым смыслом, живой кровью многие, многие строки его стихов. То, что казалось позой, на поверку оказалось трагедией. Плохая «отделка» многих стихов отступала в сторону перед живой правдой, живой кровью [Шаламов 2013: IV, 318].

Во-вторых, для Шаламова было важным то, что Есенин общался с А. К. Воронским, прислушивался к его советам. Имя Есенина упоминается в очерке о Воронском.

Т. К. Савченко усматривает схожесть судьбы Есенина с самим Шаламовым, а именно трагедию «невнимания к творчеству»:

Некоторые мысли Шаламова о творческой судьбе писателя сопрягаются с Есенинскими, особенно мучившими поэта в последний год жизни. Есенин особенно болезненно воспринимал невнимание к его творчеству со стороны «большой критики» [Савченко: 456].

Для сравнения исследователь приводит цитату из записных книжек В. Шаламова за 1966 год: «Мне нужно сжечь себя, чтобы привлечь к себе внимание».

Есенину посвящен ряд текстов Шаламова: «Ответ на анкету о С. Есенине» (опубликована в журнале «Сельская молодежь», 1965, № 9. С. 8. Анкета, в которой наряду с Шаламовым участвовали поэты Е. Винокуров, К. Ваншенкин, П. Вегин, Л. Васильева, была посвящена 70-летию со дня рождения С. Есенина), очерк «Русские поэты XX столетия и десталинизация» (1964), очерк «Есенин» (70-е гг.), некоторые письма, имя Есенина возникает в очерке «Александр Константинович Воронский» (70-е гг.).

Оценки Шаламова очень высоки, Есенин — «мастер», «высококвалифицированнейший, образованный профессионал, выступающий во всеоружии современной поэтической техники» [Шаламов 2013: V, 185]. «“Москва кабацкая” — документ большой художественной силы», — считал Шаламов. Сила эта состояла в том, что в 20-е годы многие литераторы пытались поэтизировать уголовный мир, но только Есенин стал этому миру «своим», был чрезвычайно популярен у уголовников. Влияние стихов Есенина на преступников Шаламов ранее, в пятидесятые годы описал в очерке «Сергей Есенин и воровской мир»⁶⁹.

В записях 1970 года появилось суждение о том, что судьба С. Есенина схожа с судьбой Ф. Достоевского:

Есенин и Достоевский, общая судьба русских поэтов. Есенин — поэт. Достоевский — поэт. Трагедия Есенина подобна трагедии, изображенной Достоевским [Шаламов 2004: 321].

⁶⁹ Точная дата не известна, возможно, конец 50-х годов.

Шаламов выявляет эти совпадения: оба запойные (Есенин — пьяница, Достоевский — игрок), оба антизападники. Однако это антизападничество различается в том, что превосходство Есенина над Западом — в невежестве, а Достоевского — в том, что он глубоко образованный философ-пророк. У обоих в жизни присутствовала «роковая» женщина — Дункан и Суслова. Также их объединяет тема уголовного мира («Москва кабацкая» и «Записки из мертвого дома») и богохульство (богохульство Есенина и Ивана Карамазова). Среди сопоставлений упомянуты также столкновение с бытом Толстого у Есенина и столкновение с мнением Толстого у Достоевского. Шаламов особенно подчеркивает мастерство, с которым Есенин описывает этот мир, интуицию и умение замечать детали, точно выявлять темы и мотивы. Это похвала не сближению с миром уголовников, а мастерству художника, способного увидеть и точно передать детали.

4.3.2. Наука и литература

В. Шаламов нередко обращался к теме науки. Первая публикация, связанная с этой темой, относится еще к 1934 году, в журнале «Фронт науки и техники» была опубликована статья Шаламова «Наука и художественная литература» [Шаламов 1934]. Он внимательно следил за научными открытиями, интересовался медициной, читал научную литературу по медицине. Например, одна из рецензий на «самотечные» рукописи посвящена научно-фантастическому киносценарию. Шаламов последовательно указывал на неточности, допущенные автором. Киносценарий В. Шацкого «Правда о будущем», как следует из рецензии, повествует о событиях 6939 года и раскрывает теорию воскрешения людей. В рецензии Шаламов отмечал невероятный научно-технический прогресс XX века, настолько быстрый, что фантастическая литература не успевала за ним:

Думается, что научно-фантастический жанр в наше время должен искать какие-то особенные пути, ибо простой очерк в действительности или даже со-общение ТАСС превосходит всякую «фантастическую» беллетристику. Телевизионный режиссер, ставящий «80 000 верст под водой», обходит теперь техническую сторону дела, никому не интересную, превращает жюльверновский роман в рассказ о прошлом, интерес к фильму держится только на актерской игре. Если приглядеться к сценарию, мы не найдем там какого-либо нового технического устройства, поражающего воображения [Шаламов 1959б: 233].

Соответствие времени, актуальность, способность поражать воображение — все это задачи современной Шаламову научной фантастики и шире — литературы. В рецензии также упоминаются современные научные эксперименты:

Автор сообщает мимоходом, что две-три тысячи лет назад (от 6939 года) были найдены способы оживления умерших (склады замороженных тел). Но ведь в 1959 году, на пять тысяч лет раньше, ведутся научные работы (Неговским,

Демиховым) — научные, а не научно-фантастические. Фантазия должна быть посмелее [Шаламов 1959б: 233].

Имя трансплантолога Демихова⁷⁰ упоминалось Шаламовым еще в записях 50-х годов, когда он планировал написать очерк для журнала «Москва». Неопубликованный текст очерка «В одной лаборатории» (1957) находится в архиве Шаламова среди других биографических очерков. К этому жанру Шаламов обращался довольно часто. Среди таких записей очерк о селекционере и генетике И. В. Мичурине (1934), об основателе экспериментального театра «Синяя блуза» Борисе Южанине (1950-е), литературный очерк о В. В. Маяковском, записи о руководителе строительства Вишерского ЦБК в 1930–1932 гг. Э. П. Берзине⁷¹ (1960-е), очерк об основателе журнала «Красная новь» А. К. Воронском (1970-е) и Н. Г. Гарине-Михайловском (1970-е).

В очерке о Демихове мы находим близкое по содержанию рецензии утверждение, которое выражает отношение Шаламова к жанру научной фантастики:

Научно-фантастический жанр на ущербе. Двадцатый век застал фантастику врасплох, жизнь наступает фантастике на пятки. Жанр этот, по-видимому, обречён на вырождение, если только авторы, заглядывающие в научное будущее, не напрягут всех своих творческих сил, чтобы оказаться достойными жизненной прозы — прозы лабораторий, научных кабинетов и кафедр [Шаламов 1957: 1].

В начале 1970-х годов Шаламов продолжал размышлять о связи науки и литературы. В приложении к настоящей работе приведен неопубликованный очерк, подготовленный писателем для «Литературной газеты»⁷². Текст начинается как полемика с В. Липатовым. Шаламов поставил под сомнение неисчерпаемость ресурсов русского языка и его значение для современного писателя. В связи с необратимостью процесса урбанизации литературный русский язык больше не обогащается деревенским миром. Развитие языка во второй половине XX века определяется прежде всего научной революцией, которая стремительно меняет мир и приходит на смену литературе в качестве учителя жизни.

Наука и ее достижения, по мнению Шаламова, являются причиной падения авторитета художественной литературы, создавая своеобразное положение, невиданное еще в истории:

Идя на сближение с наукой, средствами искусства постигая ее, вырабатывая новые средства и новые формы выражения, нам не надо бояться каких-то потерь.

⁷⁰ В. П. Демихов (1916–1998), врач-трансплантолог, автор монографии по трансплантологии «Пересадка жизненно важных органов в эксперименте» (1960). Выполнял операции по пересадке сердца, легкого, печени. В 1954 году пересадил вторую голову собаке.

⁷¹ Схема очерка-романа посвящена возникновению системы принудительного труда заключенных и последним моментам жизни Берзина — аресту и расстрелу.

⁷² Точная дата не установлена, по бланку, на котором напечатан очерк — не ранее 1971 года.

Память — это такой кинофильм, которым никакая кибернетика не сможет управлять.

Мы же, со своей стороны, готовы открыть кибернетикам все свои секреты, вывернуть перед кибернетиками свою память до самого глубинного конца. У нас тоже есть свои соображения по психологии творчества. Вместе с кибернетиками мы думаем о моделях живых систем, о крайней специфичности такой модели, как язык.

Надо избавиться от гипноза наукообразности, а это сделать нелегко, из-за авторитета науки. Наука одержала ряд гигантских побед, и перспективы науки ошеломляющи (см. Приложение 3 настоящей работы).

Сближение с наукой буквально происходит и в биографии Шаламова: в начале семидесятых годов он обратился к Ю. М. Лотману с предложением некоторых материалов для тартуского сборника, на инновационные, по его мнению, темы:

Я хотел бы предложить свое участие в тартуском сборнике, о чем именно идет речь. У меня есть кое-какие записи по вопросу о поэтической интонации — вопросу, вовсе не разработанному в нашем литературоведении.

Есть также стиховедческие разборы некоторых стихотворений Межирова (например, «Защитникам Москвы»). Могли ли бы эту загадку ради звуковой системы, какой отличается, взять у меня. Это предложение [Шаламов 2013: VI, 594].

Публикация статьи «Звуковой повтор — поиск смысла» состоялась в 1976 году в сборнике «Семиотика и информатика»⁷³. В приложении к статье были опубликованы статьи сотрудника (на тот момент) отдела семиотики Всесоюзного института научной и технической информации АН СССР Ю. А. Шрейдера и кандидата филологических наук, специалиста по теоретической лингвистике С. И. Гиндина положительно оценивавших вклад В. Т. Шаламова в теорию стихотворного языка. В частности, С. И. Гиндин отметил:

Публикуемая статья В. Т. Шаламова также является попыткой объединить собственный стиховой опыт с раздумьями об общих законах стиха и поэтического творчества. Жанр этот прославлен в отечественной литературе статьей В. В. Маяковского и курсом И. Л. Сельвинского, в первом издании, называвшемся «Стихия русского стиха». Правда, от этих знаменитых образцов статью В. Т. Шаламова отличает большая эскизность и фрагментарность, а ее жанровая принадлежность обусловила и такие особенности ее стиля и структуры, как эмоциональность и угловатость изложения, отсутствие научного аппарата, субъективная заостренность оценок. Тем не менее статья эта (и особенно § 1, свободный от попыток формализации и теснее связанный с творческим опытом автора) должна привлечь внимание не только специалистов по поэтике [Гиндин: 148].

Таким образом, Шаламов описывает тенденции развития современного ему литературного процесса, которые состоят в связи с наукой, изменением роли и свойства литературного языка, утратой актуальности традиционных

⁷³ Семиотика и информатика. Сборник. Вып. 7. М., 1976. С. 128–144.

форм («деревенской прозы», например), и необходимостью появления нового способа для описания событий XX века. Он активно разрабатывал тему связи науки с литературой и сам пытался включиться в научную жизнь, обращаясь в самый передовой на тот момент научный центр — в Тартуский университет. Не владея научным аппаратом, на что указывают авторы послесловий к статье, Шаламов обладает оригинальным мышлением, его идеи, восходившие к теориям ОПОЯЗа, заслуживали обсуждения в научных кругах.

4.4. Итог размышлений о методе: теория новой прозы

Подводя итог рассмотрению эволюции эстетических взглядов В. Т. Шаламова в историко-культурном и литературном контексте эпохи, можно выявить ряд ключевых тем, которые сформировали концепцию художественной прозы писателя.

То видение литературы и своей прозы, в первую очередь, к которому Шаламов пришел к 70-м годам, изложено им в письме И. П. Сиротинской. Такая форма была единственно доступным ему способом трансляции своих рассуждений. По словам Д. Нича,

Лишенный возможности публичного изложения своих эстетических взглядов, профессионального диалога, критики, наблюдения за эволюцией читательских ожиданий и не надеясь когда-нибудь все это приобрести, Шаламов обобщает своей новаторский опыт в частном письме, адресованном в прямом смысле слова потомкам и не рассчитанном на ответ [Нич: 258].

Письмо, действительно, носит характер манифеста, недаром оно впоследствии было опубликовано как эссе.

После смерти Пастернака, разрыва с Солженицыным, Н. Я. Мандельштам Шаламову действительно не с кем вести подробный профессиональный и писательский разговор. Конечно, он находился в переписке с Ю. А. Шрейдером, А. А. Кременским, его взгляды на поэзию были опубликованы в сборнике «Семиотика и информатика», случались и публикации в журнале «Юность». Но все же активных дискуссий, как в 50-е, и тем более, как в 20-е уже не случалось.

Не случайно в черновиках фантастической пьесы «Вечерние беседы» в тюремно-лагерной обстановке встречаются лауреаты Нобелевской премии — И. А. Бунин, Б. Л. Пастернак, М. А. Шолохов и А. И. Солженицын. С ними Шаламов беседует в воображаемом пространстве.

Первым и, возможно, главным фактором формирования «новой прозы Шаламова» является его занятия поэзией и осознанием себя, в первую очередь, как поэта. Ритмизованные рассказы «на звуковой основе»⁷⁴, написанные короткой фразой, проговариваемые («прокричанные») писателем

⁷⁴ Здесь и далее термины взяты из письма И. П. Сиротинской, преобразованном в эссе «О моей прозе».

вслух (как вслух читают стихи) приближает художественную прозу Шаламова к поэзии. Раскрывая понятие ритмизованной прозы по отношению к своим рассказам в письме А. А. Кременскому, Шаламов указывал на их непереводаемость:

«Колымские рассказы», где создаются новые русские фразы без метафор, ритмизованные, — все это теряется и должно безнадежно теряться в переводе [Шаламов 2013: VI, 576].

Внимание к жанру, а точнее постоянная борьба с ним также является особенностью художественного метода Шаламова. С середины XX века он отрицал жанр романа (возможно, поэтому рассказы Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Для пользы дела» и «Случай на станции Кочетовка» он принял, а романы — категорически отвергал еще на этапе замысла). Назвав «Доктор Живаго» Пастернака сначала последним русским романом, а потом «Доктором Мертваго», Шаламов в борьбе с формой отрицал и безусловный авторитет Пастернака. Вишерские воспоминания названы антироманом, что снова подчеркивает неуместность этой традиционной, характерной для XIX века формы по отношению к содержанию, определенному катастрофами XX века.

Далее отрицается и форма рассказа, происходит «борьба с жанром рассказа». Здесь подразумевается следующее: наблюдаемая Шаламовым литература, по его словам, приближается к газетной передовице (см. письмо М. Гудзь о соцреализме), жанру не литературному, калечащему язык. «Рассказ должен быть не документальным, но достоверным» — то есть отстоять от газеты, документа, но и не содержать вымысла.

Размышляя над еще большим усложнением творческой задачи, Шаламов отмечал в записных книжках, что его рассказы — поверхностны: «Все не описано — да и самые лучшие колымские рассказы — все это лишь поверхность, именно потому, что доступно описано» [Шаламов 2004: 334]. В этой фразе усматривается некоторое противоречие с теорией в целом. Утверждая, что проза должна быть максимально ясной, лаконичной, документальной, Шаламов отмечает поверхностность и доступность своих рассказов. Однако Е. Михайлик не соглашается с таким самоопределением автора, усматривая более сложное устройство повествования:

Как мы уже говорили, предметы и обстоятельства лагерного быта воссоздаются Шаламовым точно. У каждого слова есть жесткое, словно вмурованное в лагерный контекст, значение. Последовательность документальных подробностей, изложенных с приполярным равнодушием старого зека, воссоздает некий связанный и внешне всегда укорененный в реальности сюжет. Тот сюжет, который позволяет ощущать себя читателем документа. Свидетельства беспощадного очевидца.

Однако текст довольно быстро вступает в стадию перенасыщения. Не связанные между собой, вполне самостоятельные детали начинают образовывать сложные, неожиданные соединения. И оказывается, что во внешне документальной прозе свидетельства возник мощный ассоциативный поток. Мощный

метафорический ряд, параллельный, а иногда и противонаправленный буквальным значениям текста [Михайлик 1997: 78].

Продолжая мысль Е. Михайлик, можно высказать предположение о том, что именно в этом состоит наследие модернизма в шаламовских текстах.

В новой прозе, согласно идее Шаламова, не может быть сюжета и характеров, но должна содержаться «информация о редко наблюдаемом состоянии души», «фиксация исключительного в состоянии исключительности», особый психологизм, который он называет эмоциональной окрашенностью документа. Эта мысль возникает и в другой переписке Шаламова. В частности, в письме рецензенту своих стихов О. Н. Михайлову⁷⁵ от 2 февраля 1968 г.:

Я думаю, что сейчас читателя, пережившего Хиросиму и концлагеря, войны, революции, сама мысль о выдуманных судьбах, выдуманных людях приводит в раздражение. Только правду, ничего, кроме правды. Документ становится во главу угла, без документа нет литературы. Но дело даже не в документе (который захватил даже театр). Документа мало. Должна быть документальной проза, выстраданная как документ [Шаламов 2013: VI, 576].

Что такое «эмоционально окрашенный документ»? Таким документом может быть, например, фотография. Именно фотографичность прозы Шаламова отмечалась рецензентами в издательстве «Советский писатель».

Наследие Варлама Шаламова содержит большое число документов, свидетельствующих о его постоянной работе над некоторыми вопросам литературы. Исследованные записи о прозе позволили расширить представление о воззрениях Шаламова на литературу, их основаниях, описать литературный генезис писателя и проследить его реакции на историко-культурный контекст. Более подробного рассмотрения в рамках отдельных исследований заслуживает тема науки у Шаламова, нуждается в расшифровке и анализе эпистолярное наследие из архива О. С. Неклюдовой, а также ряд записей позднего периода.

⁷⁵ Михайлов Олег Николаевич (1932–2013), критик, литературовед, автор рецензии «По самой сути бытия» (о сборнике стихов Шаламова «Дорога и судьба», М., 1967). Опубликовано в «Литературной газете», 1968, 31 янв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы рассмотрели эволюцию эстетических взглядов В. Шаламова в 50–70-е годы XX века в контексте исторических процессов, происходивших в СССР, и советской литературе и культуре в этот период.

Для того чтобы выявить истоки и основания эстетической позиции Шаламова, необходимо было представить литературную ситуацию 20-х годов, которые постоянно присутствуют в записях и воспоминаниях писателя. В это время он приехал в Москву из Вологды, принимал активное участие в общественной, культурной и литературной жизни. Для Шаламова это было время самой большой за всю его жизнь свободы, с которым он сравнивал ситуацию в культурной и литературной жизни 50–70-х гг. Участие Шаламова в литературных объединениях, в частности, «Новом ЛЕФе», которое, отразилось на его эстетической концепции и воззрениях на литературу. И наконец, была предпринята попытка выявить связь В. Шаламова с наследием А. Ремизова и А. Белого, обозначить темы и методы, объединяющие этих писателей.

Историко-культурный контекст появления и развития теории «новой прозы» Шаламова охватывает практически весь XX век — от участия писателя в литературной, культурной и политической жизни Москвы 20-х годов, до эпохи позднего застоя конца 70-х.

Каждый исторический этап нашел отражение в литературной работе Шаламова: как в художественной прозе, так и в теоретических работах, эпистолярном наследии.

В работе рассмотрено участие писателя в литературной жизни и современных ему культурных процессах на протяжении «послеколымской» части биографии. В рамках исследования проанализированы и опубликованы новые документы из архивов В. Т. Шаламова, О. С. Неклюдовой, журнала «Новый мир». Эти документы не публиковались ранее и имеют большое значение для расширения представления о взглядах и творческом наследии Шаламова, уточнения некоторых биографических сюжетов, в частности, взаимоотношений с А. И. Солженицыным.

Как мы показали в своей работе, период 50-х – 60-х годов, период возвращения писателя в Москву и литературную жизнь, когда был написан основной корпус «колымских» рассказов, стал временем обращения писателя к теоретическим размышлениям о новом методе, которым должна создаваться литература после глобальных катастроф, таких как война, массовые репрессии, Холокост.

Историко-культурный контекст этого периода жизни и творчества Шаламова включает значительные исторические перемены в стране, а именно смерть И. В. Сталина и последовавшие за ней XX съезд и «хрущевскую оттепель». Важным событием, касающимся непосредственно творческой жизни Шаламова, является переписка и последующее знакомство с Б. Л. Пастернаком, поддержка которого во многом убедила Шаламова

в правильности выбранного литературного пути. Пастернак высоко оценил стихи Шаламова, общался с ним, как с равным (что подчеркивалось в переписке). Пастернак навсегда останется для Шаламова важнейшим эстетическим и нравственным ориентиром, «живым Буддой» и главным поэтом его жизни.

Вернувшийся с Колымы после 17 лет полной изоляции, Варлам Шаламов сохранил убеждения и идеалы 20-х годов, периода расцвета литературных групп, дискуссий, в которых он принимал участие. Сложность его вхождения в литературную жизнь была связана с тем, что за время, пока он находился в лагере, ситуация в литературе резко изменилась, восстановить старые связи и найти единомышленников было практически невозможно. Конфликт идеалов 20-х годов и реалий послесталинского художественного мира с его четкой писательской иерархией и категорическим нежеланием Шаламова приспособлять свою прозу под стандарты социалистического реализма не оставлял возможности для карьеры советского писателя. Но и стратегия писателя-«подпольщика»⁷⁶ его не устраивала, Шаламов не имел намерений распространять свои произведения в «тамиздате», в отличие от А. Солженицына. С «самиздатом» история развивалась несколько иначе: поначалу Шаламов не возражал против распространения своих текстов неподцензурным образом: сохранилась дарственная надпись Л. Пинского на самиздатском варианте «Колымских рассказов», подаренном Шаламову. Шаламов знал и, по крайней мере, не препятствовал распространению в самиздате своих стихов, наконец, специально для самиздата написал «Письмо старому другу». Но к концу 1960-х гг. произошло окончательное разочарование в «самиздате».

Работая в журналах, Шаламов энергично предлагал им темы революции и 20-х годов, ему удалось опубликовать статью о «Красной нови», было много и других замыслов. Эта часть литературного наследия писателя вызывает большой интерес, так как содержит документы, свидетельствующие о том, что В. Шаламова в этот период волновала не только «лагерная» тема [Головизнин 2007; Гаврилова 2013а; Есипов 1994; Соловьев 2013].

Несмотря на то, что в этот период написано довольно много «колымских» рассказов, понятия «новая проза» или «проза будущего» в высказываниях Шаламова пока не возникало, писатель только подступал к этой формулировке, которая появилась в его размышлениях в 60-е годы. Тем не менее, определенная работа по теоретизации литературных впечатлений им велась. В шестидесятые годы эта она получила развитие.

Историко-культурный контекст шестидесятых годов разнообразен: от появления целого пласта «оттепельной» культуры до радикальных политических событий и агрессии СССР в Венгрии и Чехословакии, появление диссидентского движения и постепенного ухода в подполье тех, кто не мог приспособиться в рамках официальной культуры.

⁷⁶ Термин А. И. Солженицына.

В шестидесятые годы, после написания основного корпуса «колымских» рассказов, позиция Шаламова по отношению к официальной литературе по-прежнему остается двойственной. С одной стороны, он добивается публикаций, обращается в литературные журналы, в издательство «Советский писатель». С другой — его высказывания о современном процессе чаще всего критичны, он не только не видел хороших писателей, но и тенденции развития литературы по-прежнему не удовлетворяли его. Несмотря на «оттепель» и ослабление цензуры, самая важная для него тема — правда о ГУЛАГе — остается практически запретной.

Важным эпизодом для Шаламова является его встреча, короткая дружба и расхождение с А. Солженицыным. Шаламов был категорически не согласен с тем, что лагерная тема, как утверждали редакторы «Нового мира», исчерпала рассказами Солженицына. Но он был также не согласен с тем, что любые средства распространения правды — в особенности «самиздат» и «тамиздат» — пригодны для его писательской стратегии. Однако говорить о явном конфликте между писателями нет оснований. Нами опубликованы два письма В. Шаламова к О. С. Неклюдовой, которые свидетельствуют о пребывании В. Шаламова в Солотче, в гостях у Солженицына. В работе мы также рассмотрели особенности эстетических позиций двух авторов, подходы к описанию лагерного опыта и основания для полемики между ними.

В работе впервые подробно описано сотрудничество В. Шаламова с журналом «Новый мир», приведены внутренние рецензии писателя, которые ранее не публиковались. Уточнены даты, исследовано более 200 рецензий Шаламова на рукописи «самодельных» авторов, рекомендации, которые легли в основу размышлений о состоянии языка, о литературе, творческом методе. Отдельного внимания заслуживает «лагерная» мемуаристика, поступавшая в «Новый мир» после публикации «Одного дня Ивана Денисовича».

В шестидесятые Шаламовым был окончательно сформулирован и постепенно радикализован его творческий метод в прозе «после позора Колымы». Шаламов отвергает сюжетность, психологию характеров, «украшательства» в виде метафор, но вместе с тем постулирует *художественное* осмысление лично пережитого автором, называя такой метод эмоционально окрашенным документом. Среди его требований к тексту — лаконичность, короткая фраза, достоверность. Это стало причиной эстетического расхождения с кругом «лагерных» писателей. Шаламов, следуя своей концепции, смешивал документальное и художественное и категорически отрицал какие-либо положительные последствия лагеря, будь то совершенствование духа или приобретение полезных навыков. Таким образом, Шаламов находился в стороне от «подпольного» мира, и от сообщества репрессированных авторов, которые занимались литературной деятельностью, диссидентского круга. Следствием такой позиции стал публичный отказ от заграничных публикаций и вообще проблематики Колымы в письме в «Литературную газету» (1972).

В 70-е годы эстетические взгляды Шаламова снова претерпевают изменения. Размышляя об опыте 20-х годов, он возвращается и к формалистическим идеям, а также начинает писать в новых для себя жанрах — фантастике и научным статьям. При минимальной коммуникации с внешним миром, особенно с литературным сообществом, Шаламов был погружен в исторические сюжеты, биографии, следил за научными исследованиями в разных областях. Это — этап некоторого отхода от «колымской» проблематики несмотря на то, что Шаламов продолжал писать «Колымские рассказы».

Дневники начала 70-х отражают довольно активную вовлеченность в культурную жизнь, в основном, благодаря И. П. Сиротинской: посещение театров, выставок, шахматных матчей, покупку новых книг. Посещение театров отражается на творческих планах Шаламова: он обращается к драматургии. Драматургическое наследие Шаламова состоит из пьес «Анна Ивановна» и «Вечерние беседы» (середина 70-х).

Письмо в «Литературную газету» и вступление в Союз писателей были еще одной неудачной попыткой Шаламова выйти на официальный уровень советской литературы, начать публиковать не только цензурированные стихи, но и прозу.

Размышления Шаламова о литературе в 70-е годы обращены, в основном, в прошлое, в 20-е годы, созвучны его воспоминаниям. Он практически не реагировал на современный литературный процесс, делая много записей о классической литературе или о литературе 20-х годов. В частности, некоторое количество записей посвящены С. Есенину, судьбу которого Шаламов сопоставлял с судьбой Ф. Достоевского, находя пересечения и совпадения.

В этот период появился и самый радикальный манифест Шаламова «О моей прозе» — часть письма И. П. Сиротинской, опубликованный впоследствии как эссе. В нем он постулировал работу над рассказом как борьбу с жанром рассказа.

Варлам Шаламов — уникальное явление русской литературы XX века. Бескомпромиссность его позиции по отношению к жизни, литературе, окружающим, выражена и в беспощадности его прозы, в которой он не жалеет читателя, не смягчает повествования о самых ужасных событиях, пережитых им, не делает никаких оптимистических выводов. Конечно, такая позиция не могла быть принята советской литературой ни на одном из рассмотренных в работе этапов: ни в «оттепель», ни, тем более, в период застоя. При всем стремлении стать советским писателем и публиковаться, Шаламов не редактировал своих произведений для того, чтобы пройти цензуру.

В работе нами была предпринята попытка объяснения литературного наследия Шаламова через историко-культурных контекст эпохи, установление истоков мировоззрения писателя, его отношений с литературным миром. Открытие неизвестных до настоящего времени документов в архиве Шаламова и других архивах дополняет, а иногда по-новому раскрывает уникальность Шаламова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

- Шаламов 1954а: *Шаламов В. Т.* Тетради // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 2.
- Шаламов 1954б: *Шаламов В. Т.* Черновик письма М. Гудзь // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 26.
- Шаламов 1955: *Шаламов В. Т.* Тетради // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 65.
- Шаламов 1957а: *Шаламов В. Т.* Очерк «В одной лаборатории» <осень 1956 – февраль 1957> // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 1–39.
- Шаламов 1958: *Шаламов В. Т.* Первый номер «Красной нови» // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 122. Л. 1–9.
- Шаламов 1959а: *Шаламов В. Т.* Поэт и современники // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 124. Л. 11.
- Шаламов 1959б: *Шаламов В. Т.* Рецензия на рукопись самодеятельного автора В. Шацкого «Правда о будущем». Научно-фантастический кино-сценарий (либретто) // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 8. Ед. хр. 419. Л. 233–237.
- Шаламов 1960а: *Шаламов В. Т.* «Василий Шибанов», «Москва», отрывки из воспоминаний // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 1–27.
- Шаламов 1960б: *Шаламов В. Т.* Воспоминания о Б. Л. Пастернаке. Отрывки // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 121.
- Шаламов 63–65: *Шаламов В. Т.* Записные книжки 1963–1965 г. // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 172 Л. 33.
- Шаламов 1963а: *Шаламов В. Т.* Внутренняя рецензия на повесть И. Кандобаров «Все смертные» // Архив журнала «Новый мир» // РГАЛИ. Ф. 1703. Оп. 10. Ед. хр. 63. Л. 65–66.
- Шаламов 1963б: *Шаламов В. Т.* Внутренняя рецензия на повесть И. Куликова «Опала коммуниста». Архив журнала «Новый мир» // РГАЛИ. Ф. 1703. Оп. 10. Ед. хр. 64. Л. 67–68.
- Шаламов 1964а: *Шаламов В. Т.* Рецензия на рукопись самодеятельного автора А. П. Чигарина «Всюду жизнь», журнал «Новый мир» // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 160. Л. 36–46.
- Шаламов 1964б: *Шаламов В. Т.* Моя жизнь // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Ед. хр. 78.
- Волков: *Волков О.* Рецензия. Варлам Шаламов «Колымские рассказы», Рукопись, стр. 245 // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 1456. Л. 1–10.
- Дремов: *Дремов А.* Рецензия на «Колымские рассказы» // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 1456. Л. 11–15.
- Кононенко: *Кононенко М. И.* Письмо в редакцию журнала «Новый мир». 13.04.1963. // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 1. Л. 21–22, 24–25.
- Кравцова: *Кравцова О.* Письмо в редакцию журнала «Новый мир» // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 8. Ед. хр. 663. Л. 125.

- Мороз: *Мороз Э.* Рецензия на «Колымские рассказы», издательство «Советский писатель» // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 1456. Л. 10.
- Москва: Архив журнала «Москва» // РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 68.
- Новоселова: *Новоселова М.* Письмо главному редактору журнала «Новый мир» А. Т. Твардовскому // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 17. Л. 52.
- Рощин: *Рощин М.* Ответ на письмо М. Новоселовой от 07.09.1963. РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 17. Л. 53.
- Сиротинская 1998: *Сиротинская И. П.* Несколько его архивов // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Ед. хр. 189. Л. 70–74.

Источники

- Шаламов 1934: *Шаламов В. Т.* Наука и художественная литература // Фронт науки и техники. М., 1934. № 12. С. 84–91.
- Шаламов 1957б: *Шаламов В.* Адресная книга русской культуры. Статья / илл. А. Мищенко // Москва. 1957. № 5.
- Шаламов 1961: *Шаламов В. Т.* Огниво: Стихи. М., 1961.
- Шаламов 1964: *Шаламов В. Т.* Шелест листьев: Стихи. М., 1964.
- Шаламов 1965: *Шаламов В. Т.* Ответ на анкету о Сергее Есенине // Сельская молодежь. 1965. № 9.
- Шаламов 1967: *Шаламов В. Т.* Дорога и судьба: Кн. стихов. М., 1967.
- Шаламов 1972: *Шаламов В.* В редакцию «Литературной газеты». Литературная газета. 23.02.1972.
- Шаламов 1989: *Шаламов В. Т.* Вишера: Антироман [Сост. И. П. Сиротинская; Предисл. О. Волков]. М., 1989.
- Шаламов 1994: *Шаламов В. Т.* Колымские тетради. [Стихи 1937–1956 / Коммент., сост. И. П. Сиротинская]. М., 1994.
- Шаламов 1996: *Шаламов В. Т.* Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. Эссе. [Сост., примеч. И. П. Сиротинской]. М., 1996.
- Шаламов 1998: *Шаламов В. Т.* Собрание сочинений: В 4 т. [Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской]. М., 1998. Т. 1–4.
- Шаламов 2004: *Шаламов В.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004.
- Шаламов 2005: *Шаламов В. Т.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 2005. Т. 1–7.
- Шаламов 2007: *Шаламов В.* Колымские рассказы: Антироман, повесть, рассказы. М., 2007.
- Шаламов 2013: *Шаламов В. Т.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 2013. Т. 1–7.
- Шаламов 2016: *Шаламов В. Т.* Все или ничего. Эссе о поэзии и прозе. СПб., 2016.
- Андреев *Андреев К.* «Искатели приключений». М., 1963.
- Беньямин: *Беньямин В.* Московский дневник. М., 2012.
- Горбатов: *Генерал армии А. В. Горбатов.* Годы и войны (Страницы воспоминаний). Новый мир. 1964. №№ 3–5.

- Грозденский: *Грозденский С. Я.* Воспоминания об Александре Солженицыне и Варламе Шаламове. М., 2018. 2 изд., перераб. и. доп.
- Евтушенко: *Евтушенко Евг.* Взмах руки. М., 1962.
- Иванов: *Иванов Вс.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1958. Т. 1–8.
- Кафка: *Кафка Ф.* В исправительной колонии, Превращение, У врат закона, Мост, Пассажиры, Правда о Санчо-Панса, Возвращение домой, Ночью. Перевод: Соломон Апт // Иностранная литература. 1964. № 1.
- Кондратович: *Кондратович А. И.* Новомирский дневник (1967–1970). М., 1991.
- Лакшин: *Лакшин В. Я.* «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953–1964). М., 1991.
- Лакшин 1989: *Лакшин В. Я.* Предисловие к публикации «Колымских рассказов» В. Шаламова // Знамя. 1989. № 6.
- Неклюдов: *Неклюдов С. Ю.* Интервью. Дата записи 30.01.2019: Приложение 1.
- Неклюдов 2011: *Неклюдов С. Ю.* Варлам Тихонович Шаламов: 1950–1960-е годы. Стенограмма выступления на конференции «Судьба и творчество Варлама Шаламова в контексте мировой литературы и советской истории», дополненная автором. 16–19 июня 2011 г. Москва – Вологда. <https://shalamov.ru/memory/192/> (05.08.2019).
- Пастернак 2004: *Пастернак Б. Л.* Собрание сочинений: В 11 т. М., 2004. Т. 1–11.
- Померанцев: *Померанцев В. М.* Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12.
- Огонек: *Алексеев М., Викулов С., Воронин С., Закруткин В., Иванов А., Малашикин С., Прокофьев А., Проскурин П., Смирнов С., Чивилихин В., Шундик Н.* Против чего выступает «Новый мир»? // Огонек. 1969. № 30. 26.07.1969.
- Сиротинская: *Сиротинская И. П.* Мой друг Валам Шаламов // www.shalamov.ru. <https://shalamov.ru/memory/37/1.html> (11.12.2019).
- Солженицын 1975а: *Солженицын А. И.* Бодался теленок с дубом. Paris, 1975.
- Солженицын 1975б: *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. Paris, 1975.
- Солженицын 1999: *Солженицын А. И.* С Варламом Шаламовым // Новый Мир. 1999. № 4.
- Съезд писателей: Второй всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М., 1956.
- Твардовский: *Твардовский А. Т.* Новомирский дневник. М., 2009.
- Троцкий: *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 20. М.; Л., 1926.
- Яновский: *Яновский В. В.* Человек и Север. Магадан, 1969.

Исследования

- Адорно: *Адорно Т. В.* Негативная диалектика. М., 2003.
- Апанович 2013: *Апанович Ф.* Система рассказчиков в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. Сборник трудов международной научной конференции. М., 2013.
- Бабка, Соловьев, Есипов, Махонин: Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. Сборник научных трудов. Сост.: Лукаш Бабка, Сергей Соловьев, Валерий Есипов, Ян Махонин. Прага; М., 2017.
- Берютти: *Берютти М.* Утверждение истины // Шаламовский сборник: Вып. 3. Сост. В. В. Есипов. Вологда, 2002.
- Бит-Юнан, Фельдман: *Бит-Юнан Ю. Г., Фельдман Д. М.* К истории альманаха «Метрополь» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44).
- Виленский: *Виленский С. С.* Реабилитировали те же, кто губил // Новая газета <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/10/29/61742-semen-vilenskiy-171-reabilitirovali-te-zhe-kto-gubil-187> (12.08.2019).
- Волкова: *Волкова Е. В.* Трагический парадокс Варлама Шаламова. М., 1998.
- Гаврилова 2013а: *Гаврилова А. П.* Работа Шаламова в журнале «Москва» в 1956–1958 гг. // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. Сборник трудов международной научной конференции. М., 2013.
- Гаврилова 2013б: *Гаврилова А. П.* «...Сыграл огромную роль в истории советской литературы» // Отечественные архивы. 2013. № 6.
- Гаврилова 2019: *Гаврилова А. П.* К истории очерка Варлама Шаламова «Пастернак». Доклад на конференции «Текстология и историко-литературный процесс», Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 21–23 марта 2019 г.
- Гиндин: *Гиндин С. И.* Послесловие к статье В. Т. Шаламова // Семиотика и информатика. 1976. Вып. 7.
- Головизнин: *Головизнин М.* Медицина в жизни и творчестве Шаламова // Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. Сборник научных трудов. Сост.: Лукаш Бабка, Сергей Соловьев, Валерий Есипов, Ян Махонин. Прага; М., 2017.
- Головизнин 2007: *Головизнин М.* Образ революции и революционера у Варлама Шаламова // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова. Материалы конференции. М., 2007.
- Горбачевский: *Горбачевский Ч.* Творческий метод В. Т. Шаламова глазами узников-колымчан // Новый филологический вестник. № 3(42). 2017.
- Гунин 2017: *Гунин А.* Подходы к переводу «Колымских рассказов» Варлама Шаламова // Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. Сборник

- научных трудов. Сост.: Лукаш Бабка, Сергей Соловьёв, Валерий Есипов, Ян Махонин. Прага; М., 2017.
- Дементьев: *Дементьев А. Г.* Съезды писателей СССР // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 7: «Советская Украина» — Флиаки. — 1972.
- Есипов 1994: *Есипов В.* Традиции русского Сопротивления // Шаламовский сборник. Вып. 1. Вологда, 1994.
- Есипов 2012: *Есипов В.* Шаламов. М., 2012.
- Есипов 2013: *Есипов В.* Неизвестное стихотворение Варлама Шаламова о Николае Рубцове. Литературная Россия. № 38. 20.09.2013.
- Жаравина 2013: *Жаравина Л. В.* У времени на дне: эстетика и поэтика прозы Варлама Шаламова: монография. М., 2013.
- Жирнов: *Жирнов Е.* «На 1 июля 1965 г. по области осталось 398 неграмотных» // Коммерсантъ власть. 2012. № 5. 06.02.2012.
- Иванова 2007: *Иванова Н.* Варлам Шаламов и Борис Пастернак: к истории одного стихотворения // Знамя. 2007. № 9.
- Калашникова 2019: *Калашникова Е.* «Пережитый опыт Шаламову удалось превратить в замечательную прозу», — уверена Франциска Тун-Хоэнштайн, издатель немецкого собрания сочинений Варлама Шаламова // Год литературы <https://godliteratury.ru/projects/otvet-shalamova-zhit-i-pisat> (11.12.2019).
- Клюц 2019: *Клюц Я.* Варлам Шаламов между тамиздатом и Союзом советских писателей (1966–1978) К 50-летию выхода «Колымских рассказов» на западе // Colta.ru <https://www.colta.ru/articles/literature/13546-varlam-shalamov-mezhdu-tamizdatom-i-soyuzom-sovetskih-pisateley-1966-1978> (05.08.2019).
- Лакшин 1994: *Лакшин В. Я.* Не уставал вспоминать // Шаламовский сборник. Вып. 1. Вологда, 1994.
- Лейдерман: *Лейдерман Н.* «...В метельный, ледяной век» // Урал. 1992. № 3.
- Лесняк: *Лесняк Б. Н.* Я к вам пришел! Магадан, 1998.
- Лойпольд: *Лойпольд Г.* Анатомия сдержанности. Переводя Варлама Шаламова // Восточная Европа (“Osteuropa”), 57-й год издания, № 6. Июнь. 2007.
- Михайлик: *Михайлик Е.* Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения. М., 2018.
- Михайлик 1997: *Михайлик Е.* Варлам Шаламов: рассказ «Ягоды». Пример деструктивной прозы // IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 1997.
- Михайлик 2002: *Михайлик Е.* Кот, бегущий между Шаламовым и Солженицыным. Шаламовский сборник: Вып. 3. Вологда, 2002.
- Михайлик 2009: *Михайлик Е.* Незамеченная революция // Антропология революции Сб. статей. Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М., 2009.
- Майофис: *Майофис М.* Хрущевская оттепель — демонтаж сталинской системы // Арзамас <https://arzamas.academy/materials/1484> (15.07.2019).

- Немзер: *Немзер А. С.* Проза Александра Солженицына: Опыт прочтения. М., 2019.
- Нерлер: *Нерлер П.* Сила жизни и смерти. Варлам Шаламов и Мандельштамы (на полях переписки Н. Я. Мандельштам и В. Т. Шаламова) // Восточная Европа. 2007. Вып. 6.
- Нерлер 2007: *Нерлер П.* От зимы к весне: на полях переписки Надежды Мандельштам и Варлама Шаламова // Полит.ру. 22.06.2007 <https://polit.ru/article/2007/06/22/mandelshtam/#> (03.09.2020).
- Нерлер 2015: *Нерлер П.* Мандельштамовский вечер на мехмате. Реконструкция // Корни, побеги, плоды...Мандельштамовские дни в Варшаве. М., 2015.
- Неустроев: *Неустроев Д. В. Т. Шаламов о С. А. Есенине* // shalamov.ru. <https://shalamov.ru/research/126/> (26.05.2020).
- Нич: *Нич Дм.* Московский рассказ. Жизнеописание Варлама Шаламова, 1960–80-е годы. Личное издание, 2011.
- Пастернак 2012: *Пастернак Е. Б.* «Шаламов был верен Пастернаку...» // Новая газета. № 67. 20.06.2012. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/06/20/50237-evgeniy-pasternak-171-opyt-shalamova-151-posledniy-krug-ada-187> (19.07.2019).
- Петроченков: *Петроченков В. В* поисках архетипа // Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. Сборник научных трудов. Сост.: Лукаш Бабка, Сергей Соловьёв, Валерий Есипов, Ян Махонин. Прага; М., 2017.
- Подорога: *Подорога В.* Дерево мертвых: Варлам Шаламов и время ГУЛАГа (Опыт отрицательной антропологии) // Новое литературное обозрение № 120 (2/2013).
- Подорога 2017: *Подорога В.* Время после. М., 2017.
- Ригосик 2017: *Ригосик А. Л.* Воспоминания свободны // Премьер. 2017. № 3 (1002). 27.01.2007. <https://premier.region35.ru/gazeta/np1002/s9.html>. (05.08.2019).
- Розанов: *Розанов Ю. В.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова и В. Т. Шаламова // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова. Материалы конференции. М., 2007.
- Савченко: *Савченко Т. К.* Есенин и русская литература XX века: влияния, взаимовлияния, литературно-творческие связи. М., 2014.
- Синатти 2013: *Синатти П.* Судьба Варлама Шаламова в Италии // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. Сборник трудов международной научной конференции. М., 2013.
- Слезкин: *Слезкин Ю. Л.* Дом правительства. Сага о русской революции. М., 2019.
- Соловьев 2013: *Соловьев С.* «Повесть наших отцов» — об одном замысле Варлама Шаламова // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. Сборник трудов международной научной конференции. М., 2013.

- Соловьев 2015: *Соловьев С.* Олег Волков — первый рецензент «Колымских рассказов» // *Знамя.* 2015. № 2.
- Соловьев 2017: *Соловьев С.* «Надеть намордник на эпоху...» Варлам Шаламов как биограф. Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. Сборник научных трудов. Сост.: Лукаш Бабка, Сергей Соловьёв, Валерий Есипов, Ян Махонин. Прага; М., 2017.
- Сараскина: *Сараскина Л. И.* Солженицын. М., 2018.
- Тюрина: «Дорогой Иван Денисович!...»: Письма читателей: 1962–1964. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Сост., коммент., предисл. Г. А. Тюриной. М., 2012.
- Тынянов: *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Филимонова 2019а: *Филимонова К. Л.* Варлам Шаламов в «Новом мире» / Коммент. и вступ. ст. К. Филимоновой // *Новый мир.* 2019. № 7.
- Филимонова 2019б: *Филимонова К. Л.* Варлам Шаламов и другие свидетели Колымы: к полемике о публикации рассказа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Русская филология. Тарту, 2019. Вып. 30.
- Филимонова 2020: *Филимонова К. Л.* В. Шаламов в литературных журналах конца 1950-х – начала 1960-х гг. // *Русская филология.* Тарту, 2020. Вып. 31.
- Фрезинский 2016: *Фрезинский Б. Я.* Наш жестокий XX век. Страницы истории и культуры. М., 2016.
- Чандлер: *Чандлер Р.* Рассказы Шаламова — кажущаяся документальная простота Хемингуэя и почти математический формализм Борхеса // *Гефтер* <http://gefter.ru/archive/16799> (02.07.2019).
- Чудакова: *Чудакова М. О.* Избранные работы. Т. I. Литература советского прошлого. М., 2001.
- Чупринин: *Чупринин С.* Оттепель: События. Март 1953 – август 1968 года. М., 2020.
- Шаламовский сборник 1–5: Шаламовский сборник: Сб. статей. Вып. 1. Вологда, 1994; Вып. 2. Вологда, 1997; Вып. 3. Вологда, 2002; Вып. 5. М., 2017 (сост. В. В. Есипов); Вып. 4. М., 2011 (сост. и ред.: В. В. Есипов, С. М. Соловьев).
- Berutti 2014: *Berutti M.* Varlam Chalamov: Chroniqueur du Goulag et poète de la Kolyma. Paris, 2014.
- Kozlov: *Kozlov D.* The readers of Novyi mir. Coming to terms with the Stalinist parts, Harvard University press, 2013.
- Thun-Hohenstein: *Thun-Hohenstein F.* Gebrochene Linien. Autobiographisches Schreiben und Lagerzivilisation. Berlin: Kadmos, 2007.
- Toker 2008: *Toker L.* Samizdat and the Problem of Authorial Control: The Case of Varlam Shalamov Duke University Press, Poetics Today 2008. 29(4).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Интервью с С. Ю. Неклюдовым. Записано К. Филимоновой 30.01.2019 г.

Быт В. Шаламова в конце 50-х – начале 60-х годов и работа в журнале «Новый мир»

Как писались рецензии для «Нового мира»? В какой-то момент он <Шаламов. — К. Ф.> купил машинку «Эрика» — не помню, когда это случилось точно, видимо в начале 60-х годов. Почему мне так помнится? Потому что помню, как свою первую курсовую отстукал на этой машинке, а я поступил в университет в 1960 году. Машинка появилась незадолго до этого, она была бракованная, купить ее было трудно, она просто так не продавалась. Были какие-то наши советские, очень плохие. А «Эрика» — надо было записываться на эти немецкие машинки. Он ее купил, поскольку у нее оказалась какая-то литера не та, она была «с турецким акцентом», что-то не то печатала. Какой-то мастер ему за малые деньги перепаял эту букву, она не стала проблемой. Впрочем, рецензии для «Нового мира» он начал писать раньше.

У меня такое ощущение, что этой машинкой я пользовался больше, чем он. Она была в общем пользовании. Мать к ней не прикасалась, она не умела печатать. Но не помню, чтобы я когда-нибудь что-нибудь печатал для него, чтобы он просил меня об этом.

В каком виде он писал рецензии для «Нового мира» — я не помню. Он вообще обычно писал от руки — его почерк вам знаком. Писал часто карандашом. Карандашом стал писать, по-моему, прочитав где-то, что Хемингуэй пишет карандашами. Он был не чужд некоторых таких влияний. И, действительно, стал часто писать карандашом, но и ручкой писал тоже.

Рецензии — даже скорее не рецензии, такие небольшие отзывы. В. Т. читал то, что тогда называлось «самотек», т. е. рукописи, присылаемые (обычно почтой) от неизвестных людей. Он сидел на этом самотеке, причем его использовали как специалиста по колымской теме, ему давали соответствующие рукописи, которых много приходило в «Новый мир». Он что-то давал нам читать или сам вслух зачитывал. Там литературы настоящей не было, конечно, но были «человеческие документы», что называется. Делал ли он оттуда какие-нибудь выписки — не знаю, не думаю.

Вообще это был способ его заработка — другого заработка у него тогда не было. Жизнь, впрочем, была довольно дешевая. До поры до времени деньги у нас были общие. У матери вышло несколько книг, и какие-то деньги, в общем, в доме были, хоть и немного. Мать на самотеке тоже достаточно времени просидела. Платили за это очень мало, но при наличии определенной квалификации можно было набрать скорость и все-таки кое-что заработать. Я помню, как жена моего приятеля тоже брала самотек,

а поскольку у нее этого было очень много, она отдавала часть и мне, и своему мужу, и мы, прочитав, быстро писали. В основном, это была графомания, почти ни единого проблеска. Я как раз все время старался написать что-то человеческое, но она меня тут окорачивала, говорила, что это не надо, абсолютно бессмысленно — все равно не пойдет, из самотека никогда ничего не идет, а ты даешь людям лишнюю надежду.

Не помню, чтобы Варлам Тихонович был трудоголиком, который сидит за работой, не вставая. Режим дня у него был рваный, он сколько-то времени сидел за столом, потом вскакивал, ходил по квартире, потом хватал авоську и убегал в магазин, потом возвращался, потом ложился. Все это — очень импульсивно, рывками. Когда он съездил к Александру Исаевичу в Солотчу, у него было ощущение дискомфорта от невероятной размеренности его режима. Он не мог так. Это были первые впечатления, понятно, за этим стояло и нечто большее.

Но так, чтобы он ночами сидел над чем-либо — не помню. Читал много. Будучи сам человеком предельно неспортивным, очень интересовался спортом, читал литературу по теннису, любил футбол. Ходил на стадион, смотрел футбол по телевизору — очень темпераментно: ерзая и подпрыгивая на стуле, он ломал эти стулья, крупный он был такой...

О «лагерных» рукописях

То, что он тогда показал мне — это было рассуждение бывшего лагерника, по-моему, из камеры смертников, оставшегося в живых. По-моему, я могу путать, но мне кажется так. И вот разговоры людей, которые там происходили, про то, что усатый — не главный, а главный — Жданов (хотя имя не называлось, он упоминался под какой-то кличкой — кажется, социус, но не уверен). Что-то такого типа. Его, конечно, интересовала фактическая часть этого текста, отнюдь не литературная. Я не помню, чтобы он что-нибудь выделял с художественной, литературной точки зрения.

Отношения В. Шаламова с литературным миром 50–60-х гг.

Литературный мир того времени, каким я знал его в 50–60-е, отчасти в 70-е годы, иерархический, сословный, чванливый, кастовый, не был склонен пускать к себе кого-нибудь постороннего. Он был поделен на своего рода отсеки, как формальные, так и неформальные, переходы между которыми были практически перекрыты. Если ты в секции детской литературы, то не суйся в другую секцию. Мать всю жизнь писала стихи, но она была «записана прозаиком», т.е. числилась в секции прозы, причем считалась «писателем для юношества», а потому ее стихи в редакции, издающей поэзию, даже рассматривать отказывались. А ведь она была членом Союза писателей с 1943 года и в этом плане вполне профессионально «сертифицирована», однако относилась к числу не то чтобы «литературных пролетариев», но к некой периферии литературного сообщества.

Молодым было очень трудно войти в этот мир. Печатали своих. Вокруг каждого журнала был свой круг, и печатался этот круг; ну, лишь чудом кто-то новенький, по чьим-то весомым рекомендациям. Показательно, что Варлама в «Новом мире» не напечатали ни разу. Его туда на рецензирование «самотёка» устроила Ася Берзер⁷⁷, близкая подруга моей матери. Она в это время уже, видимо, работала в «Новом мире» — после того как из издательства «Советский писатель» ее со скандалом выгнал Лесючевский⁷⁸.

Никаких отношений с Твардовским у В. Т., видимо, не было. Думаю, они особенно и не пересекались. Твардовский ведь, при всех своих поэтических и политических заслугах, был советский литературный вельможа, причем очень высокого ранга, а Шаламов — литературный поденщик на «самотёке». Сомневаюсь, чтобы ему могло придти в голову по какому-либо поводу пригласить его свой кабинет. Где-то в редакции Варлам получал свой материал, ну, мог немного задержаться, чтобы поболтать с кем-то знакомым, с той же Асей Берзер. Еще он часто поминал Кондратовича, но не помню в каком контексте, положительном или отрицательном. Упоминаний Лакшина — не помню. Никаких других отношений у него там, вроде, не было.

Я не могу ничего рассказать о том, как у него складывались отношения с «Юностью» — ведь Полевой его время от времени печатал. Не знаю, не помню.

Когда он (Варлам) появился, почти никого из литературных знакомых его молодости не осталось. Большая часть либо погибла, либо умерла. Из тех, кого он вспоминал, всплывает имя Людмилы Скорино⁷⁹, мама тоже с ней была знакома. Варлам ее помнил по своей долагерной жизни, может быть она ему и чем-то помогала, но точно я в этом не уверен.

Остальные отношения устанавливались заново. Шаламов был для этого круга людей, в основном пришедших в литературу после войны, человеком совершенно чужим, неизвестным — представителем той категории людей, которые вернулись в советское общество после XX съезда, после реабилитации; была, конечно, в этом отношении и некоторая политическая опасливость. Среди исключений прежде всего назову Бориса Абрамовича Слуцкого.

Я помню, как он вел литературный вечер «забытых» (не открытых?) поэтов в старом МГУ на Моховой. Тогда Борис Абрамович говорил такие вещи... Клеймил официозного художника Герасимова, возвеличивал

⁷⁷ Берзер Анна Самойловна (1917–1994) — литературный критик и редактор, работала в «Литературной газете», в издательстве «Советский писатель», в журналах «Знамя», «Москва», «Новый мир».

⁷⁸ Лесючевский Николай Васильевич (1907–1978) — советский писатель, журналист, возглавлял изд-во «Советский писатель» с 1951 г.; известен своим участием в репрессиях в отношении ряда писателей (Борис Корнилов, Бенедикт Лившиц, Елена Тагер, Николай Заболоцкий).

⁷⁹ Скорино Людмила Ивановна (1908–1999) — литературовед и критик; в 1949–1976 гг. — зам. гл. ред. журн. «Знамя». Сохранилась ее переписка с В. Шаламовым.

андеграундного Рабина. Казалось, свобода и все позволено. Возможно, я путаю дату, но, по моим ощущениям, это было ровно в тот день, когда Хрущев отправился громить выставку на Манеже.

На этом вечере, кроме Варлама, выступали другие, тоже немолодые люди, чье многолетнее поэтическое творчество по самым разным причинам оставалось неизвестным. Нина Эскович, по профессии инженер-путеец, автор очень профессиональных лирических стихов, дотоле никогда не публиковавшихся. Елена Благинина, хороший и известный детский поэт, всю жизнь писавшая «в стол» также и «взрослые» стихи. А когда стала их читать, из зала раздался крик: «Прочтите “Журавушку”!» — ее стихотворение, всем знакомое с детства. И она, грустно вздыхая, прочитала «Журавушку»...

Был еще вечер, посвященный Мандельштаму в МГУ, его вел Эренбург⁸⁰. Варлам тоже выступал там, читал свой рассказ «Шерри-бренди». И вот у меня путается набор людей, которые там выступали. Там точно выступали Николай Леонидович Степанов, Николай Корнеевич Чуковский, а вот где выступал Тарковский — не помню.

Слуцкий всячески способствовал изданию первой книжки В. Т. — «Огниво», добился того, чтобы ее представили по телевизору, была передача, типа «Пять минут поэзии», дневная. Я очень хорошо это помню. Тогда, к сожалению, не записывали. Я помню, что Варлам был страшно взволнован, очень возбужден. Ему сказали, чтобы он не надевал пестрого пиджака, а у него был такой «букле» пиджак, в котором он ходил постоянно. И он надел парадный, но нелюбимый черный костюм. Мы тоже с напряженным вниманием ждали. И сначала выступил Слуцкий, сказал, что, вот, передо мной книжечка, весь ее тираж мог бы уместиться в один небольшой тюк. Варлам читал. Ничего колымского.

С кем у него были литературные отношения? Какое-то время — с Надеждой Яковлевной, но сама Надежда Яковлевна существовала в очень специфической ситуации в литературном мире.

Домбровский приходил, его приводила к нам Наталья Ивановна Столярова, но эти отношения не удержались. Варлам не только не пил, но и терпеть не мог пьяных, не мог даже толком разговаривать с пьяным человеком. А Юрий Осипович был человек сильно выпивающий и без бутылки, кажется, не приходил. Так что его визиты быстро закончились.

Варлам Тихонович, вероятно, был знаком со многими, но о том, что происходило за пределами нашего дома, я знаю очень мало. По-моему, был знаком с Межировым, хотя, может быть, я путаю. Круг журнала «Юность», он был с ним, по-видимому, связан. Я не помню, выходило ли у него что-нибудь в альманахе «День поэзии»⁸¹.

⁸⁰ См. сноску 41 на стр. 60 настоящей работы.

⁸¹ В альманахе «День поэзии» в разные годы были опубликованы несколько стихотворений Шаламова. «Кто ты? Руда, иль просто россыпь...»; «Я выходил на чистый воздух...» // День поэзии, 1967. М., 1967. С. 104–105. «По старому следу сегодня

Его литературные вкусы были довольно разнообразными, оценки — временами снисходительными, неожиданно снисходительными, а иногда — очень резкими и категоричными. Например, он очень одобрительно отзывался о Евтушенко, хотя это была совсем «не его» поэзия, эстрадная; однако огромная, всероссийская слава Евтушенко, собиравшего полные стадионы, чем-то напоминала ему 20-е годы, Маяковского. С Евтушенко он был знаком, они лежали вместе в какой-то больнице, не в какой-то престижной, в обычной. И он, когда вышел, сказал, что рядом лежал Евтушенко, говорит: «Такой здоровый парень, я не ожидал. Крупный такой, высокий». Но после эти отношения не поддерживались.

Отношение В. Шаламова к современной литературе

Отношение В. Т. к современной поэзии было, по правде говоря, не без некоторой ревливости. Он был человек достаточно субъективный и очень строгий. Помню, мне что-то понравится, какие-то стихи, приду, прочитаю ему, он послушает и говорит: «Эт-то не стихи». Две категории было: «стихи» или «не стихи». То, что «не стихи» — об этом и говорить нечего. Это могло быть вполне грамотно и даже недурно, но, тем не менее, отбрасывалось. По какому критерию, мне сказать трудно. Литературный вкус у него был очень хороший, тонкий.

Круг чтения В. Шаламова

Он читал много. Он был человек очень начитанный. Он не был человеком систематически образованным. Он не знал иностранных языков — не случилось. Он, скорее, был ориентирован на русскую литературу, чем на зарубежную, хотя читал и ее. И новинки, которые появлялись, он читал. Мы выписывали «Иностранку», «Новый мир», иногда «Знамя», много журналов — тогда же было журнальное время.

Он любил ту литературу, которая сейчас называется нонфикшн, документальную. Географическую очень любил, «Путешествие на корабле “Бигль”» Дарвина, например. С другой стороны, очень высоко ставил «Трех мушкетеров» Дюма — хотя, казалось бы... Но он считал, что это хорошая литература, настоящая.

Чапыгина Варлам очень ценил. И даже книжка, которая у меня есть — от него. Высоко ставил Герцена, «Былое и думы». У меня книжка есть, подаренная им. Его книжные подарки мне запомнились, они поныне стоят на моей полке: «Былое и думы», четырехтомник Ибсена.

уюду...»; «Поблескивает озеро...»; «На небе, бледно-васильковом...»; «Я пришел на ржавый берег...» // День поэзии, 1969. М., 1969. С. 164–165. «Наступающим мам...»; Лодка; Пегас; «Вечерний холодок...»; «Ты — учитель красноречья...»: [Стихи] // День поэзии, 1970. М., 1970. С. 213–214. «Я выходил на чистый воздух...»; «Ощутил в душе и теле...»; «Я — северянин. Я ценю тепло...»; «По старому следу сегодня уеду...» // День поэзии, 1956–1981: Избранное. М., 1982. С. 258–259.

Мне он не рекомендовал никакого чтения. У нас с ним такие отношения не сложились с самого начала. Они не сложились по многим субъективным причинам, в которых были виноваты и он, и я в равной мере. Он не занимался моим воспитанием ни в чем. Мог делиться впечатлениями, но не учил тому, что надо делать. Не умел, по-моему, да и мне это совершенно не было нужно.

Литературные вкусы и круг интересов В. Шаламова

Что еще из его литературных вкусов? По поводу кинематографа? Не помню, чтобы он как-то высказывался. Помню его рефлексии по поводу фильма «Карнавальная ночь», когда тот появился на экранах. Это ведь большое событие было. Он высказывался в том смысле, что герой Ильинского — Огурцов, главный и единственный отрицательный персонаж, является героем наподобие Дон Кихота, который борется один против всех. У него своя правда, он ее знает, а все — против него. Не знаю, насколько это было шуткой, он к шуткам не был склонен. Он был человеком угрюмым, мизантропическим, мрачно глядящим на мир и с мрачными реакциями. Я потом, задним числом, подумал, что, может быть, он представлял себя на месте Огурцова, в каком-то карикатурном, искаженном виде, в полном противостоянии абсолютно всем.

В поэзии у него был очень хороший, очень избирательный и очень выверенный вкус. Я много чего прочитал с его подачи — и стихов, и прозы. Мне помнится, что он ценил Уэллса, но это, скорее, наследие 20-х годов — Уэллс был тогда страшно популярен в России.

У него было довольно много предпочтений, которые были связаны с его молодостью, когда он сложился идеологически и эстетически. Потому он, не будучи ни в каком смысле авангардистом, очень лояльно и с большим интересом относился к авангардизму.

В. Шаламов и А. Солженицын

Он был совершенно влюблен в эти тексты (Солженицына). Я помню, как он их читает вслух. Когда ему что-то нравилось, он сначала прочитывал это в своей комнатке, а потом выходил и зачитывал нам. Я помню, как он зачитывает финал «Случая в Кречетовке». Я помню, как он читает куски из «Ивана Денисовича». Он был совершенно потрясен этим. Я не помню, чтобы он когда-нибудь высказывался иначе даже после их разрыва, который был даже не то, чтобы ссорой — просто разошлись в разные стороны.

Я, конечно, очень близко его <В. Т. — К. Ф.> знал, мы 10 лет жили вместе, практически в одной комнате, разделенной фанерной перегородкой. Понятно, что не знать человека в такой обстановке трудно. Однако я его знал больше с бытовой стороны, что никоим образом не обедняло моих впечатлений. Но у него, кроме того, была другая жизнь, которая протекала вне дома. Это был мир его знакомых, про которых он нам никогда ничего не говорил. Причем, я не думаю, что он это специально скрывал. Те люди,

которые у нас тоже бывали — про них мы знали. Надежда Яковлевна, Наталья Ивановна Столярова, Галина Александровна Воронская, Леонид Ефимович Пинский — это был первоначально мой знакомый, они с В. Т. познакомились на моей свадьбе. Юрий Михайлович Лотман тоже был на этой чрезвычайно многолюдной свадьбе, но не помню, чтобы их знакомство продолжилось. Я где-то прочитал, что он слушал песни Галича, причем Галич не знал, кто этот молчаливый человек в углу, который потом к нему подошел, пожал руку и представился. Но нам он никогда про это не рассказывал.

Все эти сведения, конечно, далеки от полноты...

«Самиздат» и «тамиздат»

У нас была машинистка, которая, между прочим, сначала много печатала и Варлама. Марья Алексеевна Станкевич. Она была внучкой Станкевича, того самого. Колоритная такая. Потом появилась другая машинистка, Елена Александровна, кажется. Много лет она перепечатывала тексты Варлама, и большая часть его стихов и рассказов напечатана ею. Он предпочитал отдавать машинистке, а не печатать сам.

Утекали ли «Колымские рассказы» в самиздат — это вопрос. Я был активным потребителем самиздата, сам перепечатывал разные тексты — на той же самой «Эрике», и получал их от своих друзей — Наташи Горбаневской, Гарика Суперфина, Сени Рогинского и других. Помню, как пришла Наташа, она дружила с Ахматовой, и сказала: «Анна Андреевна наконец-то выпустила из архива “Реквием”, перепечатай, один экземпляр возьми себе, а остальные сделай мне».

Однако никогда среди самиздата мне не попадались тексты Варлама. У меня скорее составилось впечатление, что его тексты активно не ходили.

Помню, был кружок физиков, технарей, то ли из подмосковного наукограда или из новосибирского Академгородка, они приходили, читали его рассказы. Они их очень высоко ценили. Они изготовили такое «самиздание» — один том (а может быть и больше), у которого переплетная крышка была сделана из полированной карельской березы. Они, наверное, ему его подарили.

Меня пытались опровергать: мол, Солженицын в Рязани читал тексты Варлама, значит, все-таки они разошлись по самиздату. Но, я думаю, тут все просто: ближайший друг Варлама — Яков Давыдович Грозденский, который жил в Рязани, а сын его учился в школе у Александра Исаевича. И, конечно, у Якова Давыдовича были его рассказы. Он, тоже отсидевший, был знаком с Солженицыным, был одним из источников «Архипелага». Едва ли это является доказательством того, что «даже до Рязани дошло». У меня нет подобных свидетельств, боюсь обобщать свои наблюдения.

Варлама Тихоновича не очень интересовало издание его рассказов за границей. Не знаю точно, но не исключаю, что с предложениями такого рода к нему обращались, но он очень хотел быть членом Союза писателей —

это открывало дорогу к публикациям и так далее. Кроме всего прочего, и помимо всяческих жизненных благ, он хотел, чтобы его признали на родине. Он хотел состояться здесь. Это было очень яркое желание, и с ним ему приходилось наступать, в некотором смысле, на горло своей нетерпимости, иметь дело с теми людьми, которых он в душе, видимо, не очень-то уважал. Ну нет, с отменными негодьями, конечно, нет, но с некоторыми приходилось иметь дело, за что мать его осуждала, но это было несправедливо. Совершенно очевидно, что после публикаций за рубежом на всем можно было поставить крест, не говоря о прочих возможных неприятностях.

Для меня оказалось большим сюрпризом, когда Сиротинская в каком-то журнале опубликовала материалы слежки за ним, с фотографиями, сделанными тайной камерой — он с мамой где-то стоит, разговаривает. И из донесения агента становится понятно, что этот человек очень часто бывал у нас в доме. А знакомых не так много бывало у нас. Я теряюсь, потому что ни на кого не хочется думать. Ведь это был настоящий секретный агент, систематически писавший свои донесения.

В. Шаламов и «лагерная» проза

Мне кажется, что, в основном всё, что было в то время написано, и тем более, попадало в печать, его не устраивало — кроме Солженицына, он был на особом счету. Мне помнится, что он отрицательно отнесся к книжке Гинзбург «Крутой маршрут», я помню, что он раздраженно говорил о ней.

Были какие-то опубликованные мемуары, действительно неприятные, поскольку заканчивались в том смысле, что «теперь восторжествовала справедливость, и как все замечательно». Не помню автора.

Я не помню, когда он прочитал «Архипелаг ГУЛАГ». Помню, как он читал первые вещи, которые вышли в «Новом мире». Потом самиздатовские «В круге первом» и «Раковый корпус», потом тамиздатовские «Ленин в Цюрихе» и «Бодался теленок с дубом», но это уже намного позже. Последующих его оценок солженицынского творчества я не знаю. Я не помню, чтобы он кого-нибудь одобрял из пишущих на данную тему, но не исключаю, что ничего выдающегося на самом деле вокруг и не было.

Он знал себе цену, и никакой ложной скромности у него не было. Как-то к нему пришел Евгений Борисович Пастернак, который тогда начинал готовить издание Бориса Леонидовича, и попросил адресованные В. Т. письма Пастернака, даже просто копии. Он сам мне потом рассказывал, что Варлам Тихонович ответил: «Нет, это будет опубликовано в моем собрании сочинений». В тот момент дико было себе представить, что когда-нибудь выйдет в свет его собрание сочинений, а он твердо знал это. Потом дал, конечно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Рецензия В. Т. Шаламова на повесть А. П. Чигарина «Всюду жизнь». Публикуется впервые

РГАЛИ Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 121. Л. 27–28

Письмо А. П. Чигарина в редакцию журнала «Новый мир»⁸²

Глубокоуважаемый Александр Трифонович!

Одновременно с письмом посылаю заказную бандероль с моей работой — повестью «Всюду жизнь». Обращаюсь с нею к Вам с чувством глубокого доверия и уважения. Вы своими произведениями высокого гражданского долга перед Родиной, Партией, располагаете к тому, что от Вас можно ожидать строгое принципиальное суждение о моей работе. Писал я ее с досадной болью за наш великий советский народ, вынесший тяжелую ношу периода культа личности, в то же время с гордостью за восстановленную честь Родины, ее Партии на XX съезде.

Жду Вашего беспристрастного суда моей работы. Если она ни в коей мере не умаляет достоинство Родины, Партии и советских людей, напечатайте в редактируемом Вами журнале. Описал в своей работе только чистую правду опыта моей жизни. Гражданский долг я выполнил

Глубокоуважающий Вас (Чигарин А)

Казань, 29

Студенческая ул., 16 кв. 63

Ал-р Петр Чигарин

Послано 10/III 64 г

РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 160. Л. 36–46

Рецензия В. Шаламова на повесть А. П. Чигарина «Всюду жизнь»

А. ЧИГАРИН «ВСЮДУ ЖИЗНЬ» — повесть

А. Чигарин взял эпиграфом своей повести «Всюду жизнь» сюжет известной картина Ярошенко с тем же названием... «Всюду жизнь» — наблюдение, составляющее лейтмотив рассказа о десятилетнем заключении репрессированного врача Пескова — с 1941 по 1951 год. Повесть автобиографического характера и построена просто и вместе с тем искусно. Первая часть — арест, следствие и суд. Вторая часть — десять лет лагерной жизни. Третья часть — «хождение по мукам» после формального освобождения — до реабилитации.

⁸² Публикуется впервые. Орфография и пунктуация автора сохранены.

Повесть имеет важные достоинства. Герой повести, пятидесятилетний врач Песков выступает как вдумчивый и пытливый наблюдатель того «подземного мира», который вдруг открылся перед ним при столь трагических обстоятельствах. По повести видно: автор поставил себе целью рассказать обо всем, что он видел и понял, со всей добросовестностью историка, не позволяя себе легковесных домыслов и не пропуская ничего, что показалось его герою чересчур страшным. В большой повести в четырнадцать авторских листов нет ни одной страницы, которая была бы фальшива, не нужна, незначительна. Повесть — важный документ времени. Написана повесть фрагментарно. Доктор Песков, а вместе с ним и автор (в повести этой не существует грани между рассказчиком и автором) отобрал для рассказа лишь самое важное, самое значительное из великого множества фактов, которые он десять лет наблюдал, над которыми много задумывался.

Доктор Песков большую часть своего срока проработал в женском лагере, более того с т. н. «мамками» (роженицами). Это обстоятельство облегчило судьбу самого заключенного, Пескова, несколько сузило его кругозор. В то же время доктор Песков стал свидетелем и свидетелем очень надежным, жизни особой, видеть которую случается не каждому при знакомстве с бытом лагерей. Повесть эта особенно ценна своими картинками из жизни «мамок», поведением женщин в этот неизбежно драматический момент их жизни. Сцена с Вязовой, услышавшей крик своего увозимого «на этап» грудного ребенка и вырвавшей из рук «начальства» свое дитя — принадлежит к лучшим, наиболее волнующим страницам повести. Навсегда запомнится и начальник Бичевский, который казенным молоком отпаивал своего ребенка в то время, как грудные дети заключенных голодали. Отлично рассказано о Клаве-блатарке, которую коснулась и вернула в человеческое общество радость материнства.

Не менее выразительно изображена и блатарка Жанна и сектантка Анна и Аня Купринова, которая оставила такой теплый след в сердце доктора Пескова.

В повести много замечено верного — и в части общих суждений и отдельных живых картин, подробностей лагерной жизни. Язык автора лаконичен и строг.

Вот несколько примеров, которые хотелось бы отметить «по ходу действия» повести.

Нескончаемые «гастрономические» разговоры арестантов — это общий психологический закон.

Весьма тонко и верно замечено (37 стр.), что в человеческое понятие, в его психологию, наряду с унижением личности входит «что-то» новое, узкое, ограниченное рамками заведенного на него «дела». Человеческой личности наносится здесь навечный, непоправимый, «необратимый» ущерб — это очень хорошо показано в повести.

Искусно, без малейшего нажима показаны допросы; следовательно Измайлов, который равнодушно и терпеливо объясняет з/к Пескову его

«новый статус з/к» (должен вставать, когда я встаю, должен называть «гражданин начальник» и как сам Измайлов привычно называет своего подследственного на «ты» и кричит на него).

На «вы» Пескова назовут через 10 лет — и внимательный врач не пропустит этого изменения «формулы».

Очень хорошо показано сонное состояние утомленного «выстойками» арестанта и расслабление его воли. Эффектны (стр. 47) пирожки с мясом, которые бежит покупать следователь, прервав допрос. Следователь возвращается, откровенно рыгая, и это тоже запомнил доктор навсегда. Вообще весь допрос показан правильно, психологическое состояние следственного изображено очень точно и, хотя это — не «подготовка к «большим процессам» — это малюсенькое отнюдь не групповое дело волжского города вроде Казани — но все, как и всюду.

На 66 странице рассказано об ошеломительности расстрельного приговора, который получает сосед Пескова по камере. Здесь же доктор Песков говорит точно и умно о «легкомысленном» отношении следственных заключенных к собственным «приговорам» (стр. 74).

Отмечает автор и распространённое — в следственной тюрьме желание скорее попасть в лагерь — желание бессмысленное, иллюзорное, ибо лагерь гораздо страшнее тюрьмы.

Очень хороша по своей психологической верности сцена, где соседи, укравшие хлеб и сало у товарища по камере, спят с ним вместе в обнимку, спасаясь от холода, и сам обокраденный обнимает своих «благодетелей» (77).

Грабеж во время «Транзита» (86), который Песков видел в первый (но, увы, не в последний раз), неожиданное звучание улицы (81), больничная палата (81) после шести месяцев следствия — все это очень точно.

Поджаривание хлеба (93) голодными больными хорошо дано и правдиво — желание продлить удовольствие пищи. Скелеты больных, которые смотрит Песков (93) — фиксирует с врачебной добросовестностью.

Ужасна сцена свидания Пескова с женой (через полгода (!) после ареста) — двух стариков (102).

Очень хорошо по своей тонкости приглашение заключенных врачей на врачебную лагерную конференцию (137) и «секретный» конвой. (Участие в таких конференциях специалистов-врачей из з/к разрешалось Москвой). Сама конференция изображена правильно.

Очень хорошо и достоверно описана наивная «борьба» новичка врача Пескова с членовредительством блатарей (146). В/н врач Швардовский очень правильно говорит новичку: «Лагерь — это особый мир, здесь много уродств во взаимоотношениях людей и в отношении к труду». Песков после этого разговора начал приглядываться к внутреннему миру лагеря, и у него возникло много недоумения и вопросов (146).

Песков скоро понял, что иногда «мостырка» спасает жизнь. Он подал начальству сведения о членовредительстве. Арестантов судили, дали им дополнительный срок, блатарям по три года, а «фраеру» Смолину —

58 19 ст. (саботаж) и шесть лет с клеймом политического рецидивиста. Далее в повести следует искренняя фраза: «Песков чувствовал какую-то косвенную вину в судьбе этого юноши» (157).

Эти случаи, очевидно, научили Пескова не поступать и не судить поспешно и опрометчиво о том, чего он еще не понял.

Блестящий портрет в/н врача — шарлатана Червяковского с его аутогемотерапией вместо мяса. (96) Это практиковалось, увы, не только в Казани.

На нескольких страницах рассказано о смертности, о «раздетости», о «доходях», хотя читатель все время помнит, что работа здесь не добыча золота, а заготовка дров для собственных нужд. Тем не менее, люди умирали, болели.

Отличный рассказ на стр. 92 о вступлении кандидата наук клинициста врача Пескова в свою первую лагерную врачебную должность.

«В Румынии мы лечили таких больных — просто давали им хлеб и коину» (стр. 97).

Взаимоотношения врачей — все это показано исчерпывающе точно.

Смерть профессора Метомского и все обстоятельства этой смерти — типичны. (110)

113–115 — голодный врач Песков, умирающий от пеллагры.

Изображения доходят правдивы и страшны — но результаты могут быть и гораздо страшнее.

Врач Менделов, на Сано.

«Перед вами больные, о которых в университете вам лекций не читали (107).

Избиение заключенных нарядчиком — все это в высшей степени правдиво.

«С наступлением весны смертность в лагере увеличилась» (111).

Неоспоримый факт лагерной жизни заключается в том, что наивысшую нравственную стойкость в условиях всяческого рабства, голода и «произвола» показывают религиозники: сектанты, православные священники и т. д. Наблюдательный доктор Песков не может этого не заметить. Он оставляет нам весьма привлекательный портрет Анны, пользующейся всеобщим уважением.

Переливание докторской крови (а то и просто раздача донорской крови «рег ос» — важная заслуга Пескова. Бывали лагеря, где начальство заставляло выливать такую кровь, а тех врачей, которые разрешали раздавать больным донорскую кровь и спасали больных — отдавали под суд. И суды осуждали, давали срок.

Выразительно описание типичной лагерной провокации, которая не миновала порядочного человека доктора Пескова (169). Карцер и начальник карцера Жуков описаны в высшей степени правдиво.

Поистине каждая страница повести — это одна из сторон жизни лагеря.

Врач женского лагеря, разумеется, не мог не рассказать о лагерьной любви. Все описание (175–176) грустно, трагично, но все это —

действительность, и честь и хвала доктору Пескову, что он смог запомнить, оценить и рассказать обо всем этом.

Всякому запомнятся (или вспомнятся) танцы и бледные тусклые лица танцоров и вся эта мрачная и в то же время трогательная картина.

Уродство лагерной любви (182–183) — все достоверно, все так и было.

Великолепна лекция Пескова о вреде абортс с цитатой из Эдмонда Ростана. Нужно было быть очень точным, чтобы не перешагнуть границы трагедии в изложении этой юмористической по существу ситуации из «Шантклера» с цитатой из Эдмонда Ростана, истолкованного Песковым в высшей степени произвольно, но тем лучше, тем правдивее. (186).

Беременность в лагере. Тьма ужасная. Темень еще не бедствия. Песков не может пройти мимо этих печальных картин (158).

Аресты в лагере. Садист Агаманов (20) — вполне рядовая, типичная фигура лагерного начальства, карцер, другой садист Быков. Провокация с боями и премиями — одна из миллионов подобных провокаций в те годы.

Очень реальна страница-картина обыска, которую делает Быков в карцере из-за украденного у него лично сала (213).

На 214 странице рассказано о хулиганстве — и это правомерно и необходимо — без этих картин понять лагерь нельзя.

Правдиво описано окончание войны, надежды, странная амнистия, которая никого, кроме уголовников, не касается (226–228).

Увольнение начальника — садиста Чернековского за самоснабжение.

Дети в лагере. Грудные дети. Тоже тема исключительной остроты, исключительной печали.

Выразительное кормление ребенка начальника Бичевского (236) одно чего стоит.

Кровавым анекдотом веет от приговора врача Блонской (237), получившей 8 лет за то, что увидела Сталина во сне. Увы, случай с Блонской — не единичный.

«Лагерь — это пробуждение после сна о Сталине» — выразительно говорит з/к Блонская.

Сердечно и тепло описана блатарка Клава, ее материнство, ее возвращение в семью людей, все доброе в ее жизни разбужено родами, материнством, ребенком. Эти подспудные душевные силы человеческого организма очень верно изображены доктором Песковым (241).

Начальник Драборенко очередной садист, заболел туберкулезом неизлечимо и удивительным образом незадолго до смерти превратился в человека.

На 252 странице изложена одна из лучших, самых трагических сцен — отправка детей. Трудно сказать, что лучше, что хуже — отправить ребенка или оставить здесь.

Оскорбления в адрес начальника Бычевского, ребенок которого пожирает все лагерное молоко, сражение Вязовой в лагере за своего ребенка — выигранное сражение. Здесь превосходная, полная глубокого смысла, многоговорящая сцена.

О женщинах з/к, о матерях доктор Песков рассказал много важного.

Правдиво и грустно говорится о лекции, которой заслушивались люди. Лекция кончилась, а с нею и иллюзия.

Так лаконично и точно записывает в свой «журнал» доктор Песков.

Страница о том, как поправился безнадежный больной Мюльц до конца хранивший верность и интерес к книге (257).

Столь же лаконично записывается на 263 стр.:

Хоронили в гробах.

И Песков вспоминает лазарет, где он был в начале заключения (265)

«В лазарете за пайкой хлеба агонизирующего могла протянуться рука вора-рецидивиста и рука профессора.»

Все в этой повести верно. Цитаты из Сталина висели на всех лагерных воротах. Очевидно, это были «централизованные» лозунги.

Чего стоит и такая запись: «Заключенных с тяжелыми статьями и большими сроками отправили в далекий этап (283).

Тяжелые статьи — это 58 статья (все пункты, кроме 10, по которому и был осужден Песков), по которой маленьких сроков не давали. Практически это была изоляция на смерть всей 58 статьи.

О впечатлении, произведенном заявлением Вышинского на Генеральной ассамблее, рассказывают воры (295). Именно так и реагировал з/к на это газетное сообщение.

Третья часть, хоть и меньше других по объему, не менее интересна. Содержание ее составляют тщетные попытки освобожденного из заключения кандидата наук доктора Пескова устроиться на работу. Все описанное в этой части правдиво столь же, как все, что есть в повести А. Чигарина.

Переписка с ВАК — это быт того времени.

Повесть «Всюду жизнь» — это правдивый рассказ о «подземном мире», своего рода «история болезни», заполненная рукой вдумчивого врача.

В повести очень хорошо обрисован и ее герой — рассказчик. Доктор Песков из тех людей, для которых арест открыл неожиданную страшную сторону жизни, о которой раньше он не думал или не хотел думать. Это показано очень правдиво. Вместе с Песковым эти люди думали, что лагеря — это порождение войны, тогда как в действительности время войны в лагерях — самое легкое время. Ни режим, ни быт не идет ни в какой сравнение с тем, что было ДО войны или ПОСЛЕ войны. Притом «военным временем» легче маскировался произвол. Следует отметить и то, что лагерь из повести «Всюду жизнь» — это лагерь «легкий», один из самых благополучных — общие работы здесь: заготовка лозы, режим здесь слабый, лагерь расположен на Волге, в тридцати километрах друг от друга, родные ездят на свидание. Наконец — это лагерь женский, где «нагрузки» гораздо меньше, чем у мужчин. И сам доктор Песков с исключительно «счастливой» судьбой. Он ни одного дня не работал «на общих работах» — все десять лет по специальности. Все это, конечно, и сам доктор Песков понимает отлично.

Единственный просчет повести — это суждения доктора Пескова о блатарях, о «преступном мире». Это просчет невольный. Доктор Песков мало

имел дела с блатарями, знает их только из рассказов (хотя бы и самих блатарей). Этот серьезный вопрос не понят героем повести. Суждения доктора Пескова о ворах-рецидивистах наивны и не поднимаются выше уровня «Старого знакомого» или «Аристократов» Погодина, где блатной мир изображен слишком легкомысленно. Сцена с возвращением очков наивна. Святость «тюремной пайки» — легенда, блатарская легенда. Но эти незначительные просчеты — пустяки по сравнению с большим достоинством повести.

Повесть очень правдива. В ней нет ни одной ложной нотки, ни одной натяжки. Переживания доктора Пескова, его душевные и физические страдания, его сомнения, надежды и наблюдения изображены с полнотой правды, без недомолвок и без сглаживания острых углов. Главное достоинство повести именно в том, что «Всюду жизнь» — как бы свидетельское показание, данное со всей ответственностью человеком, хорошим и неглупым, безвинным мучеником доктором Песковым — одной из бесчисленного множества жертв сталинского времени.

Я горячо рекомендую эту повесть журналу.

Возможно, что «Всюду жизнь» следует превратить в мемуар. Расстояние между рассказчиком и автором невелико и сделать такую переделку будет нетрудно.

В письме, которое сопровождает рукопись, автор пишет: «Я выполнил свой гражданский долг». Да, тов. Чигарин выполнил свой гражданский долг. Долг журнала — напечатать эту правдивую повесть.

В. Шаламов

Москва, А-284, Хорошевское шоссе, 10, кв.2

РГАЛИ Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 121.

Ответ редактора И. Борисовой А. П. Чигарину

13 июля 1964 г.

Уважаемый товарищ Чигарин!

А. Т. Твардовский из-за крайней занятости не мог прочесть Вашу рукопись сам и передал ее в отдел прозы. Мы внимательно ее прочли и должны сказать Вам следующее: Ваша повесть относится к тем человеческим документам, ценность которых определяется главным образом не их литературными достоинствами. Здесь живое свидетельство об испытаниях, пережитых в известные годы, причем свидетельство сильного духом человека, которого эти испытания отнюдь не сломили.

Должны сказать Вам, что напечатать Вашу повесть в настоящее время мы не можем — мы загружены подобными рукописями (особенно после повести Солженицына, написанной на том же примерно материале, но обладающей выдающимися художественными достоинствами). Однако, мы, редакция, не хотим просто отклонять эти рукописи. Мы сохраняем

их (конечно, с согласия авторов) в нашем архиве мемуаров. Так или иначе, они представляют непреходящий исторический интерес.

Если Вы не возражаете, мы оставим у себя и Вашу рукопись. На большее сейчас, при отсутствии специальных изданий, рассчитывать, к сожалению, не приходится.

Простите, что долго не отвечали Вам.

Желаем всего доброго,

Старший редактор отдела прозы И. Борисова

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Статья В. Шаламова «Наука и язык писателя».

Черновик. Публикуется впервые⁸³

«Литературная газета», 1971 год. РГАЛИ. Ф. 2506. Оп. 3. Ед. хр. 131 Л. 1–5

Можно понять тоску Виля Липатова по народной основе языка. Но прежде, чем предлагать неосуществимые проекты возрождения утраченных слов — следует задуматься над причинами тех процессов, которые идут в современном русском языке, надо подлинными болезнями языка и реальной возможностью их лечения.

Право писателя черпать свой язык из любого источника — неоспоримое. На язык, на его развитие постоянно действуют несколько разных начал. Газетная речь, телевидение, радио. Иностранные слова входят в язык из художественной прозы Запада и их технической литературы.

Имена этих обновителей языка, а вовсе не разрушителей, традиционно известны, и всех их легко пересчитать по пальцам.

Но сколько бы не говорили о неисчерпаемых ресурсах народного языка — следует признать, что он не имеет сейчас такого значения для писателя, как в прошлом веке. Процесс урбанизации необратим. Современный литературный язык уже не обогащается в деревне.

Развитие языка во второй половине XX века определяется прежде всего одним фактом, одним явлением с чрезвычайно быстрым развитием, превосходящим темпы всех фантастических романов мира. Это научная революция, которая совершается на наших глазах.

В влиянии языка науки на современный литературный язык, мне кажется, коренится главный ответ на вопрос по интересующей нас проблеме.

На смену художественной литературе в качестве учителя жизни приходит наука. Наука и ее достижения — вот причина падения авторитета художественной литературы. Тут создается очень своеобразное положение, невиданное еще в истории.

Быстрые руки науки в необычайно короткий срок с помощью ЭВМ ощупали всех своих соседей и выжали из них все, что можно выжать. Идея смежных проблем — вот первая область, куда бросилась кибернетика.

⁸³ Статья «Наука и язык писателя» является значительно сокращенной версией статьи «Болезни языка и их лечение», опубликованной С. М. Соловьёвым (*Шаламов В. Т. Все или ничего. М.: Лимбус-пресс, 2016. С. 31–48*). Для нас было важно опубликовать именно этот вариант текста по двум соображениям: 1. Текст был отпечатан на бланке «Литературной газеты», то есть, по-видимому, готовился к публикации как самостоятельная единица, а не фрагмент другой статьи. 2. Фокус этого текста — интересующая нас тема связи науки и литературы, важная и многократно поднимавшаяся Шаламовым.

Затем она обратилась к прошлому всех наук и из прошлого сделала ту же вытяжку. Проверив все, что есть в науках истории, наука обратилась к изучению искусства, чтобы из искусства выжать все, что можно для себя. Пути, идеи, обмолвки, намеки, текст и подтекст. Этот процесс вторжения науки самым решительным и удивительным образом сказался на обновлении языка. Эталоном обычной речи стал язык научной статьи, язык, который опять-таки имеет свои лексические особенности: лаконичным его назвать нельзя. Именно здесь-то читатель стал искать образцы своей языковой культуры. И не только языковой культуры, но и правил правописания. Писатель не успел за ростом науки, а наука дала словарь, которому завидовать нельзя. Литературно это бедный словарь. Язык науки слишком скуден, чтобы передать свои же возможности.

Что же делать писателю перед лицом невидимого наступления науки? Науки, посягающей уже на самое святое святых, священный инструмент писателя — язык?

Бесполезно возмущаться или протестовать. Бесполезно искать спасение в некой народной первооснове языка, сохраняющейся, дескать, в заповедных областях, не тронутых цивилизацией, в деревне.

Смело, с открытыми глазами встречая ту агрессию, с которой наука вошла в нашу жизнь, мы, выполняя свой писательский долг, обдумываем в свою очередь пути овладения наукой. Как писатель может использовать науку наших дней? Наиболее простой, элементарный способ — попросту «отразить» происходящие, отнюдь не классические сдвиги, в классической форме. Писатель себе говорит так: бесконечная вечно живая жизнь вызывает новые характеры, я их увидел и описал в классической форме, в этом я вижу свой писательский долг.

Второй путь — написание брошюр, работ на научно-популярные темы. К этому нас призывают, и пользу здесь писатели могут принести очень большую. Сюда же относится путь создания биографий деятелей науки.

Третий путь — это научная фантастика. Мне лично этот жанр, пользующийся необычайной популярностью — сборники научной фантастики исчезают с прилавков во мгновение ока — представляется паразитирующим на подлинно сказочных успехах науки в наши дни.

Четвертый путь — использование самих принципов науки — как борьбы идей для того, чтобы поднять свое собственное творчество на высокий уровень. Уровень споров в науке в наши дни достаточно высок и освобожден от целого ряда предрассудков.

Пятый — это пропаганда научных идей, участие в дискуссиях на самом высоком уровне.

Шестой путь — создание в свете современных научных идей собственной литературной новой формы.

Седьмой путь — поставить себе на службу научные идеи, вроде структурализма, памятуя о том, что этот эксперимент вполне правомерен. Исследования такого рода обогащают наши представления о поэте, о прозаике.

Идя на сближение с наукой, средствами искусства постигая ее, вырабатывая новые средства и новые формы выражения, нам не надо бояться каких-то потерь. Память — это такой кинофильм, которым никакая кибернетика не сможет управлять.

Мы же, со своей стороны, готовы открыть кибернетикам все свои секреты, вывернуть перед кибернетиками свою память до самого глубинного конца. У нас тоже есть свои соображения по психологии творчества. Вместе с кибернетиками мы думаем о моделях живых систем, о крайней специфичности такой модели, как язык.

Надо избавиться от гипноза наукообразности, а это сделать нелегко, из-за авторитета науки. Наука одержала ряд гигантских побед, и перспективы науки ошеломляющи.

Вот причина недоверия к языку беллетриста, и уверенность в том, что только научный язык не может быть моделью для художественного произведения.

На самом деле, наука и искусства — это разные начала, и они не должны теснить друг друга.

Все тайники мозга должны быть вывернуты наизнанку, все свойства художественной памяти должны быть обнажены перед любым желающим измерить эти свойства рулеткой или ЭВМ.

Искусство ничего не потеряет от такой проверки. И само искусство в свою очередь потребует от носителей науки предъявления их секретов, чтобы избавить мир от гипноза наукообразности.

Так кто же писатель? Хранитель традиций языка или новатор, создающий новые модели? Разведчик, вводящий в язык дух современной эпохи, экспериментатор, испытывающий новые модели или случайный командир арьергардных боев литературы? Строитель плотины, защищающий язык от размывов половодья? Все это вместе взятое и в тысячу раз больше.

Язык — это вечно бурлящее море, вечно обновляющиеся волны, меняющийся чертеж берегов.

Пути обновления языка — их диктует время — лежат в возвращении к лаконизму, к точности пушкинской фразы, качеству, утерянному в русской литературе давно.

Новая русская советская проза — это мемуары, документы. Но не просто фотография Лефовского времени, а сознательное сближение очерка и рассказа, сочетающее создание тончайшей ткани художественности с полной ответственностью документа.

Это не просто документальная литература, а проза, пережитая как документ.

Вот пути обновления художественной прозы, пути возвращения к Пушкинским заветам.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Черновик письма В. Шаламова М. Гудзь. Публикуется впервые

РГАЛИ Ф. 2506. Оп. 3 Ед. хр. 15. Л. 26–27

Туркмен, 7 января 1955 г.

Дорогая моя Маша,

Вот и мое второе письмо на интересующую тебя тему. О социалистическом реализме как методе художественного творчества. За эти двадцать лет написаны горы бумаги, а вопрос даже теоретически важнее, чем в Горьковские времена (зачеркнуто).

Лично мне претит это настойчивое желание высосать из пальца что-либо новое и объявить это нашим самым передовым и лучшим. Дескать, реалисты прошлого — это и критические реалисты, а реалисты настоящего — это социалистические реалисты.

Если отбросить все притянутое за уши, случайное и наносное, докопаться до сути, наиболее точным будет следующая формулировка: социалистический реализм есть иллюстрация с помощью методов художественного творчества передовых статей газет.

Это хотя и несколько вульгарно, но отвечает объективному смыслу «метода» и придает ему необходимую гибкость (нрзб 3 сл) «трагедию» тоже ведь выставляли по (нрзб 1 сл) соцреалистической.

Эта гибкость тем более нужна, что на нашей памяти целая свистопляска похвал и (нрзбр. 1 сл.): (1 сл.), А. Жид, Мальро, Пристли, Дос Пассос, Фейхтвангер, Фаллада, Сартр и тд, и т.д.

Это потому, что (нрзб 1 сл.) не принципиальность и не талант писателя, а лишь его общественный путь, да не путь, а выражение сочувствия не к нашей литературе, а к нашему общественному строю.

KOKKUVÕTE

V. Šalamovi esteetiliste vaadete evolutsioon ja 1950.–1970. aastate vene kirjandusprotsess

Käesoleva väitekirja kontseptsioon ja idee põhinevad Varlam Šalamovi kultuurilis-kirjanduslike vaadete käsitlemisel nõukogude kirjandus- ja kultuuri- loo erinevate perioodide kontekstis. Väitekirjas pöördatakse kirjaniku pärandi väheuuritud osa juurde, analüüsitakse kirju, päevikumärkeid, mitteilu- kirjanduslike tekstide publikatsioone ja nende mustandeid.

Sellisel lähenemisel kirjaniku loomingule on mitu põhjust:

- Šalamovi loomingu käsitus kaasaegsetes kirjandusteaduslikes uurimustes piirdub eeskätt „laagri“ teemaga, suur hulk Šalamovi teisi tekste ja märkeid ei ole uurimustesse kaasatud. Tema proosat analüüsitakse tihtilugu nagu memu- aare, kuigi selline lähenemine on vastuolus autori esteetilise kontseptsiooniga.

- Kirjaniku mõtisklused, võimalike lähenemisviiside otsingud kirjeldamaks oma isiklikku meetodit, järkjärguline teoste ja ülestähenduste temaatilise raamistiku laiendamine, kõik see kõneleb autori laiaast huvide ringist.

- „Kolõma“ teema on kindlasti olulisim, aga see pole ainuke teema Šala- movi loomingus. Väga sageli vastandatakse Šalamovit sellele reaalsusele, kus ta elas, või isegi eemaldatakse tegelikkusest. Tuleb tõdeda, et ta siiski puutus reaalsusega kokku, tal oli lai suhtlusringkond, ametlikud töökohad, tema teoseid avaldati trükis (kuigi mitte neid, mida ta ise soovis trükis näha), eriti 1950.– 1960. aastatel. Üsna palju uurimusi on pühendatud Šalamovi konfliktile A. Sol- ženitsõniga, mis oli väga oluline sündmus kirjaniku elus. Kuid arvan, et konfliktiga seotud süžee ei olnud siiski mõlemate autorite biograafias keskne.

Šalamovi „uue proosa“ teooria avaldamise ja evolutsiooni ajaloolis- kultuuriline kontekst hõlmab peaaegu terve 20. sajandi — kirjaniku tulekust 1920. aastate Moskva kirjanduslikku, kultuurilisse ja poliitilisse ellu kuni hilise stagnatsiooniajani 1970. aastate lõpus. Iga ajalooline etapp on kajastatud Šala- movi töödes, nii ilukirjanduses kui ka teoreetilises töödes ja epistolaarses pärandis.

Käesoleva väitekirja **eesmärkideks** on:

Määratleda V. Šalamovi suhtumine 20. sajandi 1950.–1970. aastate kirjandus- protsessi. Töös uuritakse Šalamovi „uue proosa“ tekkimise ajaloolis-kultuurilist konteksti ning seda, mil määral osales Šalamov kirjanduselus ja kaasaegsetes kultuuriprotsessides „Kolõma-järgsel“ perioodil. Šalamovi lugemus, tema arvamused ja väited kaasaegse kirjanduse kohta on ka olulised selle väitekirja raames. Töö sisaldab mõningaid dokumente, mis olid tänini avaldamata ja mis täiendavad ettekujutust kirjaniku elust ja loomingust.

Käsitleda V. Šalamovi esteetilise kontseptsiooni moodustumist, selles peegel- dunud seisukohti, põhimõtteid ning lähenemisi ilukirjanduslikule proosale ja luulele. Väitekirjas kirjeldatakse ja analüüsitakse tekstide korpust, mis kajastab Šalamovi loomingulisi otsinguid.

Vaadelda, kuidas Šalamovi epistolaarsed ja mitteilukirjanduslikud tekstid muutusid kolme aastakümne jooksul, milliseid ideid nad sisaldavad ja kuidas teisenevad, kuidas peegelduvad nendes tekstides tema mõtisklused kirjandusest.

Väitekirja allikate korpuseks on 1950.–1970. aastate päevikumärkmed, selle perioodi kirjavahetus, kirjandusele pühendatud ülestähendused vihikutest (märkmikutest), esseede mustandid, avaldatud ja trükiks ette valmistatud artiklid, retsensioonid isetegevuslike autorite käsikirjade kohta, retsensioonid Šalamovi käsikirjade kohta „Sovetski pisatel“ kirjastuse arhiivist.

Töös analüüsitakse uusi dokumente V. Šalamovi, O. Nekljudova, ajakirja „Novõi mir“ arhiividest. Suurem osa dokumentidest ei olnud varem avaldatud ja omavad suurt tähtsust arusaama laiendamiseks Šalamovi vaadetest ja loomingupärandist. Dokumendid annavad võimaluse ka mõnede biograafiliste sündmuste (eriti see puudutab suhteid A. Solženisõniga) täpsustamiseks. Osa dokumentidest on väitekirja autori poolt avaldatud, näiteks ajakirjades „Novõi mir“ ning „Russkaja literatura“. Väitekirja Lisas on avaldatud ka S. J. Nekljudovi mälestused Šalamovist.

Esimene peatükk „**Varlam Šalamovi esteetilise kontseptsiooni allikad**“ on pühendatud lühikesele perioodile 1924.–1929. aastate vahel, mil Šalamov, kes sattus Moskva kultuurilise ja poliitilise elu keskmesse, kujunes kirjameheks. See on uurimiseks raskeim periood, sest pole säilinud peaaegu mitte mingeid arhiividokumente või teoseid, mis heidaksid valgust sellele ajavahemikule. Tema elu sündmusi 1920. aastatel ja mõtteid nende kohta saab ainult rekonstrueerida hilisemate mälestuste põhjal. 1920. aastad moodustasid Šalamovi esteetilise kontseptsiooni aluse. Sel ajal kohtus ta V. Majakovski ning LEF-i, S. Tretjakovi ja „Uue LEF-i“ ringkonnaga. Peatüki esimene paragrahv heidab valgust Šalamovi tegevuse varaseimale perioodile ning kirjeldab 1920. aastate kultuuri- ja kirjanduselu tema hilisemates mälestustes. Sel ajavahemikul kuulas ta palju A. Lunatšarski ettekandeid, osales diskussioonides, külastas luuleõhtuid, kus esines B. Pasternak, kellest sai tema ideaal ning eeskuju, pidevalt tutvus kirjandusega raamatukogudes. Saab öelda, et see oli kõige sündmusrikkam aeg kirjaniku elus, mida ta meenutas elu lõpuni. Teine paragrahv puudutab Šalamovi osalemist „Uues LEF-is“ ja tema tutvumist vormikoolkonna ideedega. Kolmandas paragrahvis on juttu kirjanikest Andrei Belõist ning Aleksei Remizovist, kes mõjutasid Šalamovit kõige rohkem.

Teises peatükis „**Varlam Šalamov Hruštšovi „sulaaja“ kirjandusprotsessis**“ käsitletakse V. Šalamovi elu ja loomingu nelja põhisündmust 1953.–1962. aastatel. Analüüsitakse esimeste „Kolme juttude“ konteksti. Teise peatüki teema on seotud V. Šalamovi aktiivse kirjandus- ja ajakirjandustöö algusega ajakirjas „Moskva“. See osa kirjaniku pärandist on väga huvitav, kuna laiendab ettekujutusi tema tegevuse mastaabist ja suundadest. Peatükk sisaldab dokumente, mis annavad tunnistust, et sel ajal huvitasid V. Šalamovit peale „laagri“ süžee, ka teised teemad: kirjanik töötas palju, uurides kultuurilugu ja kirjandust. See huvide ring kajastub hiljem esseedes ja artiklites. Perioodi olulisimad sündmused on Stalini surm, sellele järgnev sulaaeg ning Šalamovi rehabiliteerimine. Kirjavahetus ja isiklik tutvus B. Pasternakiga kindlasti veenis Šalamovit valitud

kirjandusliku teekonna õigsuses. Pasternaki luule jääb alati Šalamovi tähtsaimaks esteetiliseks eelistuseks. Peatüki viimane paragrahv „V. Šalamovi mõtisklused kirjandusest 50. aastatel“, on pühendatud kirjaniku esteetilise kontseptsiooni kujunemisele. Mainitud ajavahemikul sõnaühend „uus proosa“ või „tuleviku proosa“ ei kerki veel esile Šalamovi ülestähendustes, kirjanik ainult liigub selle vormeli suunas.

Kolmas peatükk, „**Varlam Šalamov “hilisema sulaaja” epohhi kontekstis**“ hõlmab perioodi 1962. kuni 1972. aastani. Selle ajavahemiku piirid on märgistatud A. I. Solženitsõni teose „Üks päev Ivan Denisovitši elus“ avaldamisega ajakirjas „Novõi mir“ 1962. aastal, V. Šalamovi kirjaga ajalehte „Literaturnaja Gazeta“ protestiga läänevastaste avalduste vastu, samuti loobumisega Kolõma problemaatikast. Esimeses paragrahvis käsitletakse kirjaniku lugemisringi neil aastail. Ühelt poolt, lugemusel puudub süsteemsus, teisalt, demonstreerib see Šalamovi loominguliste otsingute suunitlust. Kirjaniku eluloo oluline etapp on koostöö „Novõi miri“ koosseisuvälise retsensendina. Seda kirjeldatakse peatüki teises paragrahvis. Koostöö ei soodustanud luule ja proosa avaldamist ajakirjas, aga harrastuskirjanike käsikirjade retsenseerimise kogemus sai mõnede mitte-ilukirjanduslike tekstide aluseks. Need tekstid olid pühendatud kaasaegsele kirjandusele, loomingulisele meetodile.

Kolmandas paragrahvis vaadeldakse kirjaniku suhteid A. Solženitsõniga. See teema on huvitanud paljusid teadlasi. Leidsin arhiivist uued dokumendid, mis võimaldavad täpsustada eelnevaid uurimusi. Neljandas paragrahvis analüüsitakse Šalamovi loomingulise meetodi küsimusi. Kirjaniku mõtisklused isikliku loomingulise meetodi üle olid seotud nii tema katastroofilise kogemusega, mille ta elas hiljuti üle, kui ka 1920. aastate kultuuriga. Šalamovi laagrielu kogemus vajas uusi väljendusvahendeid.

Neljas peatükk „**“Stagnaja” periood ja Varlam Šalamovi looming**“ hõlmab V. Šalamovi elu viimast, kõige lühemat ja raskemat perioodi. Kirjanik ei saanud enam aktiivselt osaleda kirjanduselus haiguse süvenemise tõttu. Tema looming kontsentreerub sel ajal mälestuste ümber, ta töötab ka ajalooliste sündedega ja materjalidega. Peatüki esimene paragrahv on pühendatud 1970. aastate kirjanduselule Nõukogude Liidus, mis jagunes ametlikuks ja põranda-aluseks, viimases Šalamov ei soovinud osaleda. Astumine Kirjanike liitu ja avalik sõnavõtt „Literaturnaja Gazetas“ oli katse saada täiel määral nõukogude kirjanikuks, et oleks võimalik avaldada oma teoseid. Teises paragrahvis on käsitletud V. Šalamovi suhteid teiste „laagri“ teema kirjanike ning dissidentide ringkonnaga. Need olid keerulised ja vastuolulised, sest Šalamov avaldas üsna teravalt oma arvamust „progressiivse inimkonna“ esindajate kohta — nii nimetas ta dissidente. Kolmandas paragrahvis analüüsitakse kirjaniku loomingulisi otsinguid 1970. aastatel, kui Šalamov tegeles ajalooliste sündedega, proovis kirjutada teaduslikke artikleid ja mitteilukirjanduslikke esseesid kirjanduse seostest teadusega. Sel ajal polnud kirjanikul enam vestluskaaslasti erinevate põhjuste tõttu, peaaegu katkes ka kirjavahetus. Seda perioodi üldistatakse peatüki neljandas paragrahvis. 1970. aastad on Šalamovi vaadete

radikaliseerumise aeg, mis peegeldus tema ilukirjanduslikus proosas ja märkmetes kirjanduse kohta.

Käesoleva väitekirja raames üritasin selgitada Šalamovi kirjanduspärandi erisusi ajastu ajaloolis-kultuurilise konteksti kaudu, leida kirjaniku suhete allikad kirjandusringkonnaga, tema maailmavaate lätted. Tänapäevani tundmatute dokumentide avastamine arhiivides annab võimaluse täiendada ja mõnikord ka uut moodi avada Varlam Šalamovi isiksuse ja loomingu unikaalsust.

ABSTRACT

V. Shalamov's Aesthetic Views Evolution and Russian Literary Development of the 1950s–1970s

The concept and the main idea of this work are to review Varlam Shalamov's vision of literature and culture in the context of different periods of the history of Soviet literature and culture, as well as to turn to the insufficiently studied part of his texts, namely letters, diary entries, publications and drafts of non-fiction writings.

It is based on several considerations:

- Contemporary studies of Shalamov's works mainly do not go beyond the “camp” theme, a large number of other texts and notes left by Shalamov remain overlooked. Quite often, his prose is considered to be a memoir, which contradicts the original plan and the aesthetic concept.

- The “Kolyma” theme is certainly the most important, but not the only one in Shalamov's work. His reflections, the search for approaches to describe his own method, the gradual expansion of the thematic framework of his works and records indicate a wide range of the author's interests.

- Often, Shalamov is being opposed to, or even separated from the reality he lived in, while he actively interacted with it, had a lot of contacts, worked and his texts were published (although not the ones he wanted), especially in the 50–60s. The conflict with A. Solzhenitsyn is also considered to be very significant in his life, and many publications are devoted to it. We assume that this episode is not central in the biographies of both authors.

The historical and cultural development context of Shalamov's concept of the “new prose” covers almost the entire twentieth century — from the writer's appearance in Moscow literary, cultural and political life of the 1920s, to the era of late stagnation of the late 70s. Each historical period was reflected in Shalamov's works: both in fiction, and theoretical works, epistolary heritage.

In the framework of this study, we set the following **goals**:

To determine V. Shalamov's attitude to the literary process of the 50–70s. We examine the historical and cultural context of the emergence of Shalamov's “new prose”, as well as the degree of his involvement in literary life and participation in cultural processes throughout the “post-Kolyma” part of the biography. Shalamov's reading preferences, his views on contemporary literature and observations about it are especially important for the research. The work includes a number of hitherto unpublished documents that complement the notion of life and work of the writer.

To review the formation V. Shalamov's aesthetic concept, expressing his position, principles and approaches to fiction and poetry. The corpus of texts that reflects these endeavours is examined and described.

To review how Shalamov's epistolary and non-fiction texts changed over the course of three decades, what ideas they contain and how the latter transformed, and how his contemplations about literature are reflected in them.

The sources of the research include diaries of the 1950–1970s, correspondence of this period, entries from notebooks devoted to literature, drafts of essays, articles published and prepared for publication, reviews of manuscripts by amateur authors, and reviews of manuscripts of Shalamov himself from the archive of the “Soviet Writer” publishing house.

New documents from the archives of V. T. Shalamov, O. S. Neklyudova, and the “Novyi Mir” magazine were analyzed and published in the course of the research. These documents had not been previously published and are of great importance for the expansion of Shalamov's views and creative heritage understanding, clarifying some biographical aspects, in particular, the relationship with A. I. Solzhenitsyn. Some of the mentioned documents have become separate publications, in particular in such magazines as “Novyi Mir” and Russian Literature. Also, the memoirs of S. Neklyudov, recorded specifically for this study, are included in the work.

The first chapter, *The Origins of the Aesthetic Concept of Varlam Shalamov*, is devoted to the genesis of the writer during the short period of 1924–1929, in which Shalamov, being in the center of Moscow's cultural and political life, was formed as an author. This is the most difficult period to be studied, since almost no archives and literary works of that time have been preserved, the events and Shalamov's thoughts about the 20s can only be restored from posterior recollections. The 1920s laid the foundation for Shalamov's aesthetic concept. The most important meetings took place during these years: with V. Mayakovsky and the LEF circle, S. Tretyakov and the New LEF circle. Paragraph 1.1. explores the earliest period of Shalamov's literary activity, as well as the literary and cultural life of the 1920s in his later memoirs. In this period, he was a regular visitor of libraries, repeatedly listened to Lunacharsky's speeches, participated in discussions, attended poetry evenings where performances were given by B. Pasternak, who became Shalamov's ideal and model. This period can be claimed to have been the most eventful part of the writer's life, which he recalled until the end of his life. Paragraph 1.2. touches on the topic of participation in the “New LEF” and Shalamov's acquaintance with the ideas of formalism. In different notes he names A. Bely. A. Remizov among those who had the greatest influence on him (paragraph 1.3.).

The second chapter *Varlam Shalamov in the literary process of the Khrushchev “Thaw”* is devoted to four main plot lines of the life and work of V. Shalamov from 1953 to 1962. Section 2.1. discusses the historical and cultural context of writing the first Kolyma Tales. The second episode is connected with the beginning of the active literary and journalistic work of V. Shalamov in the “Moskva” magazine (paragraph 2.2.). This part of the literary heritage of the writer is of great interest, as it expands the idea of the scope and directions of his activity and creative legacy. It contains documents showing that V. Shalamov was not only occupied with the “camp” topic during

this period: the writer worked hard to study the history of culture and literature, which later was reflected in dozens of essays and articles. The most important events of this period were the death of Stalin, the “Khrushchev thaw” that followed, and the rehabilitation of Shalamov. Correspondence and subsequent acquaintance with B. L. Pasternak, to which paragraph 2.3. is devoted, largely assured Shalamov of the felicity of the chosen literary path. For Shalamov, Pasternak would forever remain the most important aesthetic reference point and the main poet of his life. And, finally, paragraph 2.4. “Reflections of V. Shalamov on the literature in the 50s” explores the formation of the aesthetic concept in this period. At this stage, the phrase “new prose” or “prose of the future” is not found in Shalamov’s discourse, the writer was only approaching this formulation, which would appear in his considerations in the 60s. Nevertheless, a certain work on the theoretical comprehension of literary impressions was already underway.

The third chapter, *Varlam Shalamov in the period of “Late Thaw”*, covers the period from 1962 to 1972. The extreme points of this time period were the publication of the story by A. I. Solzhenitsyn, “One Day of Ivan Denisovich” in the “Novyi Mir” magazine in 1962 and the letter of V. Shalamov to “Literaturnaya gazeta” protesting against Western publications and renouncing the problems of Kolyma. Section 3.1. examines the reading practice of the writer during these years, which, on the one hand, was not systematic, but, on the other hand, demonstrates the directions of Shalamov’s creative searches. An important stage in the biography is cooperation with the “Novyi Mir” magazine (paragraph 3.2.) as a freelance reviewer. This collaboration did not contribute to the publication of poetry and prose in the magazine, but the experience of reviewing amateur manuscripts became the basis for several non-fiction texts on contemporary literature, the writer’s skill, and creative method.

The relationship with A. I. Solzhenitsyn, to which paragraph 3.3. is devoted, is a topic of interest to many researchers. New documents that we have found in the archive allow us to clarify this subject. The final paragraph 3.4. analyses the issue of artistic method — one of the main ones that Shalamov worked on during this period. The writer’s contemplations are connected not only with the catastrophic events he had lived through just recently, less than 10 years before. It was important for him to systematize the experience of the 1920s, which, no less than Kolyma, needed new means of expression.

The fourth chapter, *The period of “stagnation” and the work of Varlam Shalamov* covers the last, shortest and most difficult period in the life of V. Shalamov. Due to the progressing illness, the writer could no longer actively participate in literary life, and his work of this period included mainly memories and work with historical materials and subjects. The literary life of the 70s, to which paragraph 4.1. is devoted, was divided into official and underground, in which Shalamov did not want to participate. At the same time, joining the Writers’ Union and a public appearance in “Literaturnaya Gazeta” were not merely attempts to save a collection of poems, but also to be in the full sense a Soviet writer, and therefore have hopes for publication. In paragraph 4.2.,

we also consider the relationships of V. Shalamov with other writers of the “camp” theme and the dissident circle, which were complicated and contradictory, Shalamov spoke harshly about the representatives of “progressive humanity”, as he called the dissidents. Section 4.3. studies the direction of the creative search of the writer in the 70s. At this time, Shalamov was engaged in historical subjects, made attempts to write academic articles and non-fiction essays on the relation between literature and science. Furthermore, this was the phase, when for many reasons he had practically no interlocutors, the correspondence also almost stopped. The result of this period is summarized in paragraph 4.4. The 70s was the time of radicalization of Shalamov’s views, which was reflected in his prose and in separate remarks on literature.

Thus, in this work we made an attempt to interpret the literary heritage of Shalamov through the historical and cultural context of the era, to identify the origins of the writer’s worldview, his relationship with the literary world. The discovery of documents hitherto unknown in the Shalamov’s archive and other archives complements, and sometimes reveals in a new way, the uniqueness of Varlam Shalamov’s personality and work.

CURRICULUM VITAE

КСЕНИЯ ФИЛИМОНОВА

Гражданство: Российская Федерация
Дата и место рождения: 01 декабря 1976, Москва
Адрес: 119261, Москва, ул. Панферова, д. 8, кв. 66
Телефон, эл. почта: +7 905 710 02 06, ksenja@gmail.com
Языки: русский, английский, болгарский, польский, немецкий, итальянский

Образование

1983–1993 Государственная общеобразовательная школа № 53, Москва
1993–1998 Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, отделение славянской филологии (болгарский язык и славянские литературы)
2014–2017 Российский государственный гуманитарный университет, МУНЦ Высшая школа европейских культур, магистратура (культурология)
2014–2017 Leopold-Franzens-Universitat Innsbruck, магистратура (славистика)
2016–2020 Тартуский университет, докторантура (кафедра русской литературы)

Профессиональная деятельность

2019– программа Лидерство и управление в глобальном мире (Global Governance and Leadership) Института общественных наук РАНХиГС, преподаватель
2015–2019 кафедра теории и истории культуры факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, старший преподаватель

Научная деятельность

Области научных интересов: история русской литературы и литературной критики XX века, литература оттепели, лагерная литература, творчество В. Т. Шаламова, А. И. Солженицына, история журнала «Новый мир».

Опубликовано 4 научные статьи, все в международных изданиях.

ELULOOKIRJELDUS

KSENIJA FILIMONOVA

Kodakondsus: Vene Föderatsioon
Sünniaeg ja koht: 1. detsember 1976, Moskva, Venemaa
Aadress: Anne 84–59, Tartu, Eesti
Telefon, e-post: 537 82 054, ksenja@gmail.com
Keeleoskus: vene, inglise, bulgaaria, poola, saksa, itaalia

Haridus

1983–1993 53. kool, Moskva
1993–1998 Moskva Riiklik Ülikool, Filoloogia teaduskond, Slaavi filoloogia osakond, eriala — bulgaaria keel ja slaavi kirjandus
2014–2017 Venemaa Riiklik Humanitaarülikool, Euroopa kultuuride kõrgkool, magistrantuur (kulturoloogia)
2014–2017 Leopold-Franzens-Universität Innsbruck, magistrantuur (slavistika)
2016–2020 Tartu Ülikool, Maailma keelte ja kultuuride kolledž, Slavistika osakond, doktorantuur (vene kirjandus)

Teenistuskäik

2019– Venemaa Rahvamajanduse ja Riigiteenistuse Akadeemia, Ühiskonnateaduste instituut, Global Governance and Leadership programm, õppejõud
2015–2019 Venemaa Rahvaste Sõpruse Ülikool, Humanitaar- ja sotsiaalteadusteaduskond, Kultuuri teooria ja ajaloo õppetool, vanem õppejõud

Teadustegevus

Huvivaldkonnad: 20. sajandi vene kirjanduse ja kirjanduskriitika ajalugu, sulaaja kirjandus, koonduslaagri kirjandus, V. T. Šalamovi, A. I. Solženitsõni looming, ajakirja „Novõi mir“ ajalugu.

Neli artiklit on avaldatud, neist rahvusvahelistes väljaannetes on kõik 4 artiklit.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

К. Филимонова. Варлам Шаламов в «Новом мире» / Комментар. и вступ. ст. К. Филимоновой // Новый мир. 2019. № 7. С. 124–147.

К. Филимонова. Варлам Шаламов и другие свидетели Колымы: к полемике о публикации рассказа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Русская филология. Тарту, 2019. Вып. 30. С. 134–142.

К. Филимонова. В. Шаламов в литературных журналах конца 1950-х – начала 1960-х гг. // Русская филология. Тарту, 2020. Вып. 31. С. 245–252.

К. Филимонова. Эпизод из истории лагерной литературы: неизвестная рецензия Варлама Шаламова // Русская литература. 2020. № 3.

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской фонологии и морфонологии. Тарту, 1996. 157 с.
2. **Светлана Туровская.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997. 136 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. 158 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997. 167 с.
5. **Светлана Кульюс.** Эзотерические коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998. 207 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999. 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000. 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000. 212 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000. 151 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002. 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имен существительных). Тарту, 2003. 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция И. Ясинского (1890–90-е гг.). Тарту, 2003. 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004. 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004. 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005. 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006. 202 с.

17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006. 248 с.
18. **Оксана Паликова.** Двухязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007. 139 с.
19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.
20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов *v* продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.
22. **Ирина Абисогомян.** Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: традиции и новаторство. Тарту, 2009. 200 с.
23. **Ирина Табакова.** Основные типы аббревиатур в современном польском языке (к специфике моделей производящих синтаксических структур). Тарту, 2009. 205 с.
24. **Дмитрий Иванов.** Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. 224 с.
25. **Инна Булкина.** Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. 213 с.
26. **Алексей Вдовин.** Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. 238 с.
27. **Ольга Мусаева.** Рецепция творчества Федерико Гарсиа Лорки в русской культуре (1930–1960-е гг.). Тарту, 2011. 217 с.
28. **Мария Боровикова.** Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х – 1910-х годов). Тарту, 2011. 148 с.
29. **Ольга Ягинцева.** Этимологическое исследование некоторых диалектных названий предметов домашнего обихода. Тарту, 2014. 127 с.
30. **Ирина Рудик.** Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты, Стихи. Выпуск I (1922)». Тарту, 2014. 166 с.
31. **Елизавета Фомина.** Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Тарту, 2014. 150 с.
32. **Павел Успенский.** Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту, 2014. 214 с.
33. **Константин Поливанов.** «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015. 262 с.
34. **Сирье Купп-Сазонов.** О роли грамматики в переводе (на материале временных форм глагола в русском и эстонском языках). Тарту, 2015. 249 с.
35. **Андрей Федотов.** Русский театральный журнал в русском контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. 178 с.

36. **Кристина Сарычева.** Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х – 1900-х гг. Тарту, 2016. 173 с.
37. **Алисия Чекада.** Теоретические основы составления двуязычного словаря: на примере польского и эстонского языков. Тарту, 2017. 131 с.
38. **Артем Шеля.** «Русская песня» в литературе 1800–1840-х гг. Тарту, 2018. 268 с.
39. **Александра Чабан.** Н. С. Гумилев — критик поэтов-символистов: динамика оценок и эволюция критического языка. Тарту, 2018. 183 с.
40. **Елена Вельман-Омелина.** Эстонско-русский перевод и развитие современной официально-деловой коммуникации: теоретический и практический аспекты. Тарту, 2018. 192 с.